

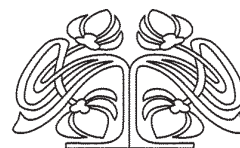
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2018 Том 18
ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)
Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Данилов С. А.** «Черный лебедь» Н. Талеба как философская рефлексия
рискогенного общества 122
- Даренский В. Ю.** Основоположение евхаристической метафизики
в труде С. Н. Булгакова «Христос в мире» 127
- Каменщиков Д. А.** Учение Максима Исповедника о логосах и тропосах
как теоретическая основа православной миссиологии 133
- Кондауров А. С.** Применение циклического подхода Н. Д. Кондратьева
к описанию структурных изменений техносферы 136
- Косыхин В. Г.** Бытие-значение в деконструктивной онтологии Жака Деррида 141
- Мартынович С. Ф., Орлов М. О.** Философское наследие Карла Маркса
как основание для осмысления феномена науки 146
- Михель Д. В.** Психическое расстройство как следствие
социальных трансформаций: философское осмысление
медико-антропологических исследований 152
- Петрунина Е. А.** Философские подходы к исследованию
музейного экспоната 158
- Табаченко А. А.** Об особенностях философского мировоззрения
С. Н. Булгакова 162
- Хачатрян М. В.** София в Библии и в русской софиологии 166
- Шакирова Е. Ю.** Образ войны: проблема содержания и формирования 172

Психология

- Абакарова Э. Г.** Теоретический анализ проективных методик
и современного рисуночного теста «Птица» 178
- Бельская Н. А.** Возможности применения личностной типологии Д. Кейрси
в идентификации одаренных подростков 184
- Василенко Е. В.** Копинг-стратегии и отношение к миру
лиц в добровольной эмиграции 189
- Гарбер И. Е., Шаров А. А.** Социальные репрезентации сотрудничества
преподавателями университетов 194
- Пантелеев А. Ф.** Когнитивные стратегии при аттракции 200
- Рядинская Е. Н.** Анализ степени удовлетворенности базовых потребностей
мирных жителей, проживающих в условиях вооруженного конфликта 206
- Шамионов Р. М.** Зависть как эффект социализации личности
в условиях недостаточного владения социальными навыками 214

Педагогика

- Железовская Г. И., Хижняк Д. С.** Криминалистический полигон
как средство инновационного преподавания в вузе 220
- Ильнер А. О., Савельева Н. Х.** Реализация концепции плюрилингвизма
в условиях российской высшей школы 224
- Курчатова Н. Ю.** Компоненты, критерии и уровни речемыслительной
деятельности старших школьников 228
- Тимушкин А. В., Кузьмин А. М.** Определение лидера в профессиональном
коллективе в процессе взаимоотношений в спортивной команде 235

Журнал включен в Перечень рецензи-
руемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на
соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени
доктора наук (группы научных специ-
альностей: 09.00.00 – философские
науки; 19.00.00 – психологические на-
уки; 13.00.00 – педагогические науки)

Зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-56168 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном
каталоге «Пресса России» 36014,
раздел 30 «Научно-технические изда-
ния. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Гаврина Марина Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Гаврина Марина Владимировна

**Адрес учредителя, издателя
и издательства:**
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.05.18
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 14,41 (15,0).
Тираж 500 экз. Заказ 58-Т.

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2018

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлекцией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

- Danilov S. A. N.** Taleb's "Black Swan" as a Philosophical Reflexation of Riskogenic Society 122
- Darenskiy V. J.** Foundation of Eucharistic Metaphysics in "Christ in the world" by S. N. Bulgakov 127
- Kamenschikov D. A.** The Teaching of Maximus the Confessor about the Logoi and Tropoi 133
- Kondaurov A. S. N. D.** Kondratiev's Cyclic Approach to the Description of Structural Changes in the Technosphere 136
- Kosykhin V. G.** Being-meaning in the Deconstructive Ontology of Jacques Derrida 141
- Martynovich S. F., Orlov M. O.** Philosophical Heritage of Karl Marx as Basis for Judgment of a Phenomenon of Science 146
- Mikhel D. V.** Mental Illness as Consequence of Social Transformations: Philosophical Interpretation of Medical-anthropological Researches 152
- Petrulina E. A.** Philosophical Approach to the Study of a Museum Exhibit 158
- Tabachenko A. A.** About Features of S. H. Bulgakov's Philosophical Outlook 162
- Khachatryan M. V.** Sophia in the Bible and in Russian Sophiology: Aspect of Wife 166
- Shakirova E. Yu.** The Image of War: the Problem of Content and Formation 172

Psychology

- Abakarova E. G.** Theoretical Analysis of Projective Methods and Modern Drawing Test «Bird» 178
- Belskaya N. A.** The Possibilities of Applying the Personal Typology of D. Keirse in the Identification of Gifted Adolescents 184
- Vasilenko E. V.** Copying Strategies and Attitude to the World in Voluntary Emigration 189
- Garber I. E., Sharov A. A.** Social Representations of Collaboration by University Faculty 194
- Panteleev A. F.** Cognitive Strategies in Attractions 200
- Ryadinskaya Y. N.** Analysis of the Degree of Satisfaction of the Basic Needs of the Residents Living under the Conditions of the Armed Conflict 206
- Shamionov R. M.** Envy as an Effect of Socialization of the Person in Conditions of Insufficient Possession of Social Skills 214

Pedagogy

- Zhelezovshaya G. I., Khizhnyak D. S.** Criminalistics Polygon as a Means of Innovative Teaching at a Higher School 220
- Illner A. O., Savelyeva N. Kh.** Realization of the Concept of the Plurilinguism in Russian Higher School 224
- Kurchatova N. Yu.** Components, Criteria and Levels of Speech-Thinking Activity of Senior Pupils 228
- Timushkin A. V., Kuzmin A. M.** Defining Leader in a Professional Group in Course of Communication in a Sport Team 235

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гасилин Владимир Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризов Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Тельтевская Нателла Ваханговна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

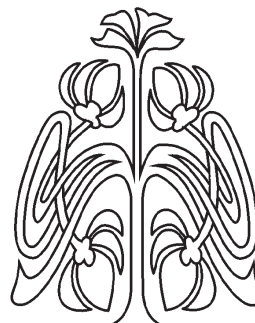
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Vera V. Afanasyeva (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
James Bosco G. (Michigan, USA)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Vladimir N. Gasilin (Saratov, Russia)
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)

Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Natella V. Teltevsckaya (Saratov, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

«ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ» Н. ТАЛЕБА КАК ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ РИСКОГЕННОГО ОБЩЕСТВА

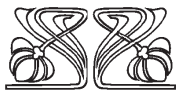
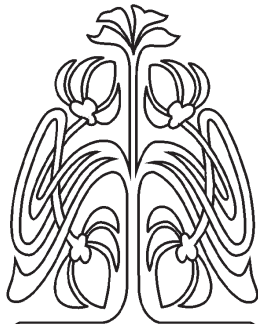
С. А. Данилов

Данилов Сергей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, danilovsa@info.sgu.ru

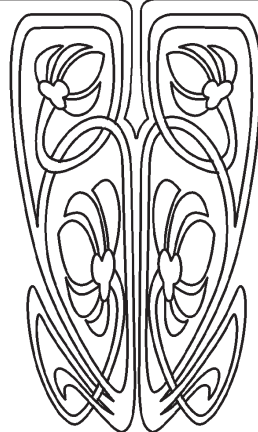
В исследовательском фокусе публикации оказывается теория «Черного лебедя» современного философа Н. Талеба, которая рассматривается в контексте рискогенного измерения общества. «Черные лебеди» – события, обладающие крайне низкой предсказуемостью и способные кардинально трансформировать мир. Общество сегодня оказывается наполненным непредсказуемыми событиями, которые делают его развитие максимально неопределенным. Существующие системы рационального анализа и как следствие – контроля не в состоянии увидеть «невидимое» – «Черных лебедей», чье возникновение кардинально меняет ход событий. Одна из ключевых причин – отсутствие стремления к системному видению процессов и явлений, доверие факту, а не сущности. Восприятие социальной реальности поставлено в зависимость от знания порядка: образования, наук, масс-медиа, но в основе – особенности человеческой природы в ее отношении к случайному, неопределенному. Архитектура современного общества способна породить «чернолебединую» событийность, но рискогенный социум вырабатывает стратегии адаптации к ней, учитывая её не только отрицательный, но и положительный потенциал. Такие случайности, как «черные лебеди», способны провоцировать и гиперконсерватизм, и гиперавантюризм, а между ними – многообразие форм бытия многомерного человека рискогенного общества, который должен отвергать шаблонность мышления.

Ключевые слова: «Черный лебедь», риск, случайность, непредсказуемость, неопределенность, порядок, общество.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-122-126

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Теории рискогенного общества уже давно заняли достойное место в корпусе социально-гуманитарных наук благодаря усилиям У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана. Процессы, происходящие в современных социумах, вынуждают констатировать неопределенность, нестабильность социальных ситуаций. Одна из самых ярких концепций – теория «общества риска» У. Бека – описывает социальную рискогенность, которая порождается различными процессами, например модернизацией, оказывающей трансформирующее воздействие на общественные структуры и процессы. Риск является основным продуктом социальных систем, испытывающих воздействие как внешней природной среды, так и внутренней природы – техносреды, с ее динамичным потенциалом влияния. Риск объявляется результатом деятельности социальной и техногенной среды, на основании которого перестраивается социальный порядок обществ. И вопрос по-прежнему не столько в том, как современные социумы взаимодействуют с неопределенностью, преодолевая нестабильность, а в том, как человек, общество воспринимают случайные события, ломающие привычный порядок отношений, процессов и показывающие зависимость от них будущего.

С подачи современного философа ливанского происхождения Н. Талеба вводится понятие «Черного лебедя» – явления, которое вершит историю [1, с. 162], является редким событием, с которым связана опасность недооценки и переоценки [1, с. 235]. Это явление, призванное поновому охарактеризовать и объяснить актуальные процессы сегодняшнего общества. Н. Талеб формулирует следующие его характеристики: 1) аномальность, «потому что ничто в прошлом его не предвещало» [1, с. 10]; 2) огромная сила воздействия – события «Черного лебедя» обладают малой предсказуемостью и большим потенциалом воздействия. Есть и ещё одно измерение: включая особенность антропологической природы в процесс объяснения, Талеб добавляет, что «человеческая природа заставляет нас придумывать объяснения случившемуся после того, как оно случилось, делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым» [1, с. 10]. Третью характеристику следует рассмотреть с позиций общества, находящегося в состоянии тотальной рационализации. Человек оказывается неспособным предсказывать аномалии, и это происходит в обществах, которые можно охарактеризовать как социумы с интенсификацией процессов рационализации. Рационализация проявляется во всем и приобретает тотальный характер, например, в экономике об этом свидетельствуют создание высокоэффективных производств, возрастающая способность и возможность человека просчитывать свою жизнь на уровне повседневности, формировать рациональные основы своего жизненного порядка, от расчета калорий и пройденных за день шагов и до планирования семейных бюджетов и явлений более высокого порядка. Человек обрел убежденность в возможности планировать, рассчитывать, прогнозировать будущее. В таком понимании порядок общества нацелен на достижение максимально эффективных состояний, компактизацию при распространении информации в образовании, СМИ: знание встраивается в упрощенные схемы восприятия в соответствии с логикой «выгод–затрат». Формы социального порядка организуют, систематизируют и в итоге рационализируют мышление, сводят к минимуму многомерность факта.

Определение рационализации как ключевого процесса современности не является новым. Процессы рационализации, согласно М. Веберу, приводят к нахождению наиболее эффективных способов организации социального порядка, калькулируемости в поведении и управляемости индивидов. В современном обществе эффективность поведения человека, направленное

на достижение целей, замещает выбор целей общественного развития. Д. Ритцер исследует процессы макдональдизации, приводящей к формированию тотально рационального общества, определяет базовые компоненты рациональной системы: эффективность, предсказуемость, просчитываемость и контроль посредством технологий вне человеческого участия. Однако в эпоху прогрессирующей рационализации обнаруживает себя ее обратная сторона – иррационализация рационального. Д. Ритцер так описывает это: «последовательное следование функциональным принципам макдональдизации приводит к результатам, обратным ожидаемым: неэффективности, непредсказуемости, непросчитываемости, утрате контроля и, что самое главное – к дегуманизации человеческого труда» [2, с. 23].

Если согласно Беку современное общество порождает риски, то согласно Талебу события происходят потому, что не должны были случиться. У Э. Гидденса мы также встречаем схожую позицию: «...рост рефлексивности социальной жизни вовсе не означает роста ее подконтрольности: увеличение знания о социальном мире парадоксальным образом оборачивается уменьшением его предсказуемости» [3, с.49]. Здесь обнаруживаются провалы рационального, когда настроенное на тотальную рационализацию общество оказывается беспомощным перед безопасностью случайного и закономерно неопределенного «Черного лебедя». На фоне динамичного увеличения доли рационального нашей жизни современный человек утрачивает видение случайности, а если случайность и фиксируется нашим сознанием, то она сосредоточивается на мелочах и отсутствует системное видение проблемы. В контексте таких случайностей то, чего мы не знаем, имеет большую значимость, чем то, что нам известно.

На примере массмедийной сферы современного порядка мы находим подтверждение слов Н. Талеба о потере системности в видении мира. Его приговор суров: «...мы не постигаем правила, мы постигаем факты и только факты <...> мы презираем абстрактное, причем презираем страстно» [1, с. 16]. Та же медийная картина построена исключительно на фактах (или фейкфактах), вокруг которых центрируются события, процессы. Факты внушают ужас (стихии, теракты) или успокаивают (данные о выходе экономики из кризиса). В «объятиях» факта существуют массмедийная среда и ее компоненты, а очарование фактом затмевает системное видение реальности. Слепота телевидения (в формулировке Талеба), по нашему мнению, приводит к тому, что, потребляя факты, мы

остаемся безучастным не только к системному видению, но и к тенденциям, трендам. Конечно, тренд преподносится и воспринимается как факт, а анализируемый тренд становится, в лучшем случае, достоянием экспертного сообщества, слушающего самого себя.

Осознание непредсказуемости «Черных лебедей» должно приводить к выработке стратегий приспособления к ним. «Черные лебеди» – это события, обладающие положительным или отрицательным потенциалом. Н. Талеб приводит как пример венчурный бизнес, где на фоне малой предсказуемости успешности того или иного стартапа выигрыш оказывается огромным при риске небольших потерь в случае неуспеха. Современные события – достижения, открытия, в том числе меняющие мир, могут быть «укротены» не планированием, а «импровизацией, позволяющей не упустить шанс» [1, с. 15]. Предложение Талеба – живя в среде, «кишащей “Черными лебедями”», нужно экспериментировать, ловить как можно больше «Черных лебедей».

Автор теории «Черного лебедя» предлагает следующий познавательный алгоритм: для понимания обычности нам необходимо изучать редкие и экстраординарные события. Для описания, например, неопределенности Талеб предлагает трактовать ее как отсутствие знания, его антипод: так мы вводим отрицание определенности, формулируя «неопределенность». Эти антиподы, экстремальности должны не исключаться из знаниевого производства, а служить точкой отсчета, позволяющей приблизиться к пониманию экстремальности и неординарности.

Рационализированное общество, точнее сказать, постоянно рационализирующееся общество, создает иллюзию всезнания. Открытость современного знания: от лайфхаков в Интернете, позволяющих облегчить повседневные дела, до стратегий личностного роста, карьеры и успеха не только создают ложную уверенность в безупречности знания, но и приводят к потере бдительности – и в этом также иррационализация рациональности.

Талеб критично относится к сообществу, называемому экспертами. Он сомневается в способностях некоторых специалистов, которые, по его мнению, таковыми не являются, они способны только убедительно говорить о проблеме, а не решать ее. Талеб также пишет о так называемых профессионалах, скрывающих истину за нагромождением формул, что более опасно, так как свойственно научной рациональности или другим формам экспертократии, использующей ресурсы научного знания. Так, У. Бек убежден в

перспективе объединения научной и обыденной рациональности, потому что их противостояние приводит к неэффективности и неустойчивости в обществе риска. В этом контексте важен посыл Талеба, касающийся необходимости связи теории и практики, когда «люди за кафедрами, которым не приходилось принимать решения в неопределенной ситуации, не отличают существенное от несущественного» [1, с. 24] – пример, когда пустое теоретизирование обесценивает для широких слоев общества ту же философию.

Отметим также, что неограниченность теоретического порождает излишнюю категоризацию, упрощает реальность, и это «сужение окружающего мира может привести к взрывоопасным последствиям, потому что исключает из картины некоторые источники неопределенности и принуждает нас неверно интерпретировать ткань, из которой соткан мир» [1, с. 50]. Действительно, признавая постоянно растущую множественность социальной реальности, ее количественную и качественную плюрализацию, мы должны с большей осторожностью относиться к теоретическим попыткам отбросить ненужное, так как в этих условиях повышается риск пренебречь случайностью или иным компонентом такого насыщенного мира.

Показывая историю активизации «чернолебединого» эффекта, Талеб фиксирует рост непредсказуемых событий во время промышленной революции, когда мир стал усложняться, что привело к невозможности гарантированного предвидения. Это проявляется хотя бы в том, что колоссальный прирост информации, прогресс определили не только темпы цивилизационной динамики, но и сделали менее предсказуемым человеческое будущее. Это важно: эксперты, на которых общество полагается в расшифровке риска и расколдовывании неопределенности, сами становятся генераторами рискогенности и, игнорируя роль маловероятных явлений, способствуют появлению «Черных лебедей».

Важным представляется и то, что Талеб определяет историю с позиции ее восприятия человеком, переживания тех процессов, участниками и свидетелями которых становимся мы сами. История, как отмечает Талеб, является более хаотичной, чем полагают исследователи истории, и более ценным оказывается переживание индивидом реальных событий. В них и обнаруживается живое дыхание исторической динамики и реальная эмпирия повседневности: живой опыт проживания и переживания событий становятся важнее теоретических конструктов. История наполнена заблуждениями относитель-

но ее хода событий (Талеб приводит в пример прогнозы продолжительности ливанской войны или уверенность французов в недолговечности власти Гитлера) и «Черными лебедями», которые однажды меняют все.

Будущее как состояние времени, детерминированное настоящим, – актуальная тема рискологических теорий, в которых отмечается: «...то, что может произойти в будущем, зависит от решения, которое следует принять в настоящем» [4, с. 146]. Решения, которые принимаются в актуальном настоящем, определяют временную перспективу, и данную зависимость сегодня четко ощущает человек. Настоящее, его опыт эффективнее для постижения будущего. Прогнозирование будущего, исходя из опыта прошлого, оказывается не совсем эффективным занятием, мы можем прилагать огромные усилия, извлекая прошлый опыт из него самого, но главная проблема, согласно Н. Талебу, в том, что мы не знаем, сколько полезной для нас информации содержит прошлое, и работаем с ним только потому, что оно – прошлое – не в состоянии заметить «Черных лебедей», так как «нас занимает то, что уже случилось, а не то, что пока еще только может произойти» [1, с. 222].

Проблема «Черного лебедя» приобретает особую актуальность в сопряжении с темой социального порядка: насколько мало прогнозируемые и влиятельные события способны изменить не конкретную ситуацию, а общее состояние социальной упорядоченности. Эвристическим потенциалом, по нашему мнению, будет обладать проблема роли и динамики «чернолебединых» событий в условиях сетевых структур социума, которым сейчас общество и является. И здесь положение двойственное: с одной стороны, сетевая организация, будучи набором упорядоченных элементов узлов, которые связаны звеньями между собой, позволит минимизировать риски в ситуации случайных повреждений отдельных сегментов, так как «они затронут непрочно “привязанный” элемент» [1, с. 363], с другой стороны, опасность «Черного лебедя» проявится при возникновении проблемы в крупном узле.

Вообще, описывая состояние порядка в современных условиях, мы вправе применить транзитологические характеристики, позволяющие «схватить» характер перехода социальных систем от прежнего состояния к новым формам. Такой транзит видится растянутым в пространстве и обретающим черты длительной временности, а сама транзитивность является принципиально незавершенной. Незавершенность процесса инновационных открытий, беспредельность коммуникации, необъятность

глобализации – характеристики и примеры современного транзита, который «распростался» с завершенными формами и обретает новую стабильность в дрящей неопределенности.

Проблема «Черного лебедя» связана с нашими ожиданиями, она заключается не в природе событий, а в том как мы их воспринимаем. Здесь позиция Талеба коррелирует с широко представленным в рискологии конструктивистским подходом, где в контексте культурно-символического измерения риск-реальность воспринимается и конструируется субъектами (П. Словик, Л. Шоберг, О. Ренн). Восприятие риск-реальности также оказывается связанным со стереотипами, культурными нормами, и ключевая роль отводится психологическим ресурсам личности. Талеб учит быть чувствительным к риску и воспринимать реальность не с закрытыми, а эмпирически открытыми глазами. Это связано также и с природой человека: описывая пример с вождением мотоцикла, философ утверждает: я могу осознавать, что риск есть, ведь знание о риске широко распространено, «однако действую, не учитывая этого риска» [1, с. 146].

Событие «Черного лебедя» – результат, в том числе глобализации, по-прежнему внушающей индивиду чувство масштабности событий и невозможности эффективно противостоять им. Каждая историческая эпоха через подобных «лебедей» (революция 1917 г., Вторая мировая война и др.) указывает на место человека, который в процессе цивилизационной динамики теряет чувство исторической принадлежности в структуре современного ему общества. Восприятие таких событий, являющихся порождением глобальных механизмов экономики или дипломатии, возвращают человека к самому себе, и это необходимо сделать в мире, где «мы стали чужими в собственной среде обитания» [1, с. 154]. Можно сколько угодно рассуждать о своем спекулятивном потенциале, касающемся манипуляций с криптовалютами, но очередной экономический кризис заставит пересчитать семейный бюджет, экономить на продуктах и думать о смене работы – «Черные лебеди» вернут нас к самим себе. «Лебеди» в современном мире преимущественно черные.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Религиозные общности в сетевых структурах социального порядка: протестная динамика и институциональная устойчивость российского региона» (№ 17-33-0143).

Список литературы

1. Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2009. 528 с.
2. Ритцер Д. Макдональдизация общества 5 / пер. с англ. А. В. Лазарева ; вступ. ст. Т. А. Дмитриева. М., 2011. 592 с.
3. Фурс В. Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Социол. журн. 2001. № 1. С. 44–73.
4. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135–160.

Образец для цитирования:

Данилов С. А. «Черный лебедь» Н. Талеба как философская рефлексия рискогенного общества // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 122–126. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-122-126.

N. Taleb's "Black Swan" as a Philosophical Reflexion of Riskogenic Society

S. A. Danilov

Sergey A. Danilov, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, danilovsa@info.sgu.ru

The research focus of the publication is the theory of the "Black Swan" of the modern philosopher N. Taleb, which is considered in the context of the risky measurement of society. "Black Swans" – events that have extremely low predictability, in terms of their impact, can dramatically transform the world. Today, the society is filled with extremely unpredictable events, which make its development as vague as possible. Existing systems of rational analysis, and as a consequence, control, can not see the "invisible" – the "Black Swans", whose appearance drastically changes the course of events. One of the key reasons is the lack of desire for a systematic vision of processes and phenomena, trust in fact, and not in essence. The perception of social reality is dependent on a knowledge order: education, the sciences, the media, but at the core – the characteristics of human nature in its relation to the accidental, uncertain. The architecture of modern society can generate "black-whitewashed" events, but also, being a risky society, develops strategies for adapting to them, taking into account their not only negative, but also positive potential. Such accidents as black swans provoke both hyperconservatism and hyperventurism, and between them there is a diversity of forms

of being of the multidimensional man of a risky society who must reject patterning in thinking.

Key words: "Black Swan", risk, randomness, unpredictability, uncertainty, order, society.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Researches, the project "Religious communities in networked social order structures: protest dynamics and institutional stability of the Russian region" (no. 17-33-0143).*

References

1. Taleb N. N. *The Black Swan: the Impact of the Highly Improbable*. New York, 2007. 400 p. (Russ. ed.: Taleb N. *Chernyy lebed'*. Pod znakom nepredskazuemosti. Moscow, 2009. 528 p.).
2. Ritzer G. *The McDonaldization of Society 5*. Los Angeles, 2008. 320 p. (Russ. ed.: Rittser D. *Makdonaldizatsiya obshchestva 5*. Per. s angl. A. V. Lazarev, vstup. st. T. A. Dmitriev. Moscow, 2011. 592 p.).
3. Furs V. N. "Kriticheskaya teoriya pozdnego moderna" Entoni Giddensa ["Critical Theory of Late Modern" by Anthony Giddens]. *Sotsiologicheskij zhurn.* [Sociological Journal], 2001, no. 1, pp. 44–73 (in Russian).
4. Luman N. Ponyatie riska [The Concept of Risk]. *THESIS*. [Thesis], 1994, iss. 5, pp. 135–160 (in Russian).

Cite this article as:

Danilov S. A. N. Taleb's "Black Swan" as a Philosophical Reflexion of Riskogenic Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 122–126. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-122-126.

УДК 111+373Булгаков

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ЕВХАРИСТИЧЕСКОЙ МЕТАФИЗИКИ В ТРУДЕ С. Н. БУЛГАКОВА «ХРИСТОС В МИРЕ»

В. Ю. Даренский

Даренский Виталий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Луганский национальный аграрный университет, darenskiy1972@mail.ru

Статья посвящена анализу онтологического значения концепции евхаристического богословия С. Н. Булгакова, представленной в работе «Христос в мире». Автор рассматривает предпосылки построения этого типа онтологии в основных положениях библейского Откровения о творении мира. Рассмотрены препятствия для построения адекватной онтологии творения и боговоплощения в рамках традиционной европейской метафизики, поскольку последняя основана на платоно-аристотелевской модели самодостаточного Космоса, а не библейских моделях мышления. Работа С. Н. Булгакова рассматривается в контексте онтологического «поворота» (М. Хайдеггер) в философии XX в. как наиболее радикальный вариант реализации этой парадигмы. Философский шаг С. Н. Булгакова состоял в том, чтобы помыслить Христа именно «в» мире, т. е. не только как событие Боговоплощения, единожды случившееся в Истории мира сего и поэтому уникально особого – но и как онтологию самого тварного сущего, определяющую возможность такого События. Делается вывод, что в современной христианской философии реализация онтологического «поворота» возможна в рамках общей парадигмы неопатристики, учитывающей категориальный аппарат философии Нового времени. Основоположение евхаристической метафизики, сделанное С. Н. Булгаковым, рассматривается как радикальное обновление философского дискурса.

Ключевые слова: С. Н. Булгаков, онтология, евхаристичность, творение, Христос.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-127-132

Труд о. Сергия Булгакова «Христос в мире» (1940), впервые изданный в выпусках «Вестника русского христианского движения» в 2001–2003 гг., является «богословским завещанием», в котором доведены до предельной остроты и концентрированности его идеи «евхаристического богословия», впервые сформулированные в работе «Евхаристический догмат» (1930). Этот труд до настоящего времени еще специально не рассматривался исследователями ни с богословской, ни тем более с философской точки зрения. Историки русской философии в анализе онтологии о. Сергия обычно рассматривают в первую очередь софиологию, а Н. О. Лосский даже усмотрел у него элементы «пантеизма». Из работ последнего времени знаковой является статья В. В. Лазарева «С. Н. Булгаков о троичности исходного принципа» [1], в которой автор

рассматривает его онтологию как производную от ключевых догматов христианства. Работа в этом направлении является наиболее перспективной, и стоит отметить здесь статьи Н. Струве и И. Роднянской, к которым мы обратимся далее.

Вместе с тем, как мы постараемся показать, богословская цель этого труда имплицитно включала и другую, сугубо философскую задачу. И решая эту задачу, о. Сергей совершил философский «шаг» огромной важности, по сути дела, философский подвиг, открывая совершенно новый тип метафизического мышления. Дело в том, что *евхаристическое* понимание мира, т. е. тварного бытия как такового, существующего лишь постольку, поскольку «вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть» (Ин. 1.3) [2, с. 1026], предполагает совсем иной тип метафизики, чем тот, который был заимствован европейской философией у языческой античности. Христианская философия, начиная с эпохи патристики и схоластики, адаптировала платоно-аристотелевскую модель метафизики, насколько это требовалось для построения общей «картины мира». Однако там, где христианское мышление должно было включить в эту «картину» самое главное – библейское Откровение о человеке, модель «античного космоса» неизбежно приходилось уже «выносить за скобки». Это является универсальной проблемой всей христианской философии.

Проблема состоит, во-первых, в демаркации указанных предметных областей (которая в полной мере неосуществима в силу давления античной терминологии в философской традиции и невозможности прямого использования библейских категорий древнееврейского языка). Во-вторых, сам язык философской метафизики далеко не «нейтрален» и активно формирует строй мышления философа, внедряя в него античные образцы и тем самым искореняя библейские способы постижения мира как Откровения, а не «умозрения». Русскому языку чрезвычайно «повезло», поскольку его «высокий» интеллектуальный «каркас» благодаря кирилло-мефодиевской традиции переводов изначально выстроен в строгом соответствии с греческим языком Евангелия и литургической традиции. Самые точные и тонкие смыслы библейского языка у нас переданы лучше, чем в традиции западной Вульгаты (что

стало и одним из факторов сохранения Православия как такового). Эти бесценные языковые ресурсы в русской философии XIX–XX вв. были использованы еще явно недостаточно. Однако главная проблема состоит здесь не в языке, а в необходимости принципиального «онтологического поворота» к библейскому мышлению.

В западной традиции в XX в. такой поворот совершил М. Хайдеггер путем глубинного осмысления оснований античного мышления о бытии, в котором также было вскрыто понимание бытия как естественного откровения («нескрытости»). Среди христианских мыслителей наиболее ценной в этот период, видимо, была попытка Г. Марселя вернуться к пониманию бытия как таинства. В русской философии XX в. наиболее аутентичным библейскому мышлению было апофатическое понимание бытия у о. Павла Флоренского, А. Ф. Лосева и С. Л. Франка, а также ветхозаветная деконструкция метафизики у Л. Шестова. Уникальность шага, совершенного о. Сергием Булгаковым в указанной работе, состоит в том, что эти апофатические определения бытия здесь начали наполняться тем позитивным содержанием, которое открывает более фундаментальный и аутентичный способ христианского философствования.

Дерзновенный философский шаг о. Сергия Булгакова состоял в том, чтобы помыслить Христа именно «в» мире, т. е. не только как событие Боговоплощения, единожды случившееся в Истории мира сего и поэтому уникально особое, но и как особую онтологию самого тварного сущего, *определяющую саму возможность такого События*. Для сравнения: языческие бесчисленные «аватары» уже не требуют для своего понимания какого-то принципиального философского «шага», поскольку само Божество здесь изначально мыслится как не только трансцендентное, но и имманентное миру, и поэтому может беспроблемно воплощаться сколько угодно и в ком угодно. Наоборот, для секулярного мышления, в своей наиболее полной форме доходящего до материализма и атеизма, факт Боговоплощения представляет собой «философский скандал» и поэтому либо уже не рассматривается как философская тема (в скромных формах деизма), либо вообще отрицается. В свою очередь, опора на платоно-аристотелевский Космос, модель которого является основой западной метафизики, как-то позволяет философии обосновывать единокротность Боговоплощения, о котором свидетельствуется в Евангелии. В данном случае единокротность этого онтологического События коррелируется с единственностью и уникальностью тварного Космоса, в котором оно произо-

шло. Этой модели понимания всегда следовали и патристика, и схоластика. В секуляризированной форме она выразилась, например, в философии «предустановленной гармонии» этого «лучшего из миров» у Г. В. Лейбница. Этот мир является безусловно «лучшим» из всех возможных именно потому, что именно в нем произошло Боговоплощение, для которого и была предсоздана «предустановленная гармония» еще в акте Творения мира сего. Непонимание этой логики ведет лишь к падению философии на уровень обыденности – начиная с философских пошлостей Вольтера в «Кандиде» – и неизбежно ведет к скептицизму и атеизму.

В философском «шаге», совершенном о. Сергием Булгаковым, открывается совершенно иной путь, намного более аутентичный с точки зрения «библейского мышления»: суть его в том, что в качестве изначальной онтологии мира берется не синтез платоно-аристотелевского Космоса (который затем уже подвергается усиленной «библейзации»), но берется сам сверхмыслимый акт творения мира сего в качестве «модели» любой онтологии как таковой. Это мир, сотворенный из Ничто первичным необусловленным Актом божественной Любви (по др.-евр. глаголу *бара*) и абсолютно ничем другим не обусловленный. Мир, изначально сотворенный ради Воплощения – воплощения в нем «образа и подобия Божия» – человека. Поэтому этот мир изначально человекосообразен, и первый Адам (а в нем и все будущее человечество) является его бесконечной энтелехией, завершающей «круг» Творения в ее свободной обращенности к Творцу. *Так сотворенный мир изначально готов «вместить» в себя своего Творца в единокротном акте Боговоплощения*. Сын Божий рожден Отцом предвечно, еще до сотворения мира, и поэтому то, что воплотится затем в качестве человеческой природы Христа, изначально существует в Божием замысле о мире, в вечной Софии Премудрости Божией.

Впрочем, такой тип онтологии кажется чем-то «новым» только в рамках европейской (антично-платоновской) метафизической традиции. Однако в более глубоком культурном контексте он, наоборот, относится к самым глубоким, архетипическим уровням человеческого миропонимания. Действительно, как известно, исторически самым первым метасмысловым «схватыванием» сущности Бытия как такового в пракультуре является сакральный ритуал Жертвоприношения, в основании которого лежит метасмысловая модель *Жизнь – Смерть – Воскресение* как онтологическая первооснова всего существующего. Этот метасмысл, очевидно, был постигнут самими первыми людьми, а затем

отмоделирован в ритуале, еще без каких-либо сакральных текстов, а путем непосредственного мистического наития. Способность к такому наитию, очевидно, сохраняется и у современных людей, поскольку без нее вообще была бы невозможной вера в Боговоплощение как таковое. Отличие современного человека от первобытного, приносившего кровавые жертвы, состоит не в базовой структуре сознания, а в его вторичных формах. У современного человека сознание «захламлено» обломками более поздних культурных форм, и поэтому «пробиться» к базовым первосмыслам ему очень трудно, хотя и вполне возможно. У «дикаря» же эти первосмыслы явлены в сознании «весомо, грубо, зримо», т. е. непрерывно воспроизводятся в ритуальных действиях и структурируют их миропереживание в целом.

Евхаристическая онтология – понимание самого Бытия как жертвы – является тем предельным уровнем структур человеческого сознания, выше которого помыслить уже ничего невозможно. Вопрос состоит лишь в конкретном смысловом наполнении этой предельной структуры, а оно может быть различным. Богословское его «наполнение», в частности евхаристическое богословие, развернутое о. Сергием Булгаковым, является ее собственным абсолютным содержанием, данным в Откровении. Возможно также даже абсолютно эмпирическое (например, художественно-поэтическое, психологическое, риторическое) «наполнение» этой структуры сознания и миропереживания. Но самое адекватное философское ее наполнение – евхаристическая онтология – непосредственно примыкает к богословскому и является экспликацией тех особых метафизических категорий и моделей мышления, которые развертывают понимание Бытия как Жертвы.

В тексте работы «Христос в мире» о. Сергия эта экспликация уже осуществляется непосредственно как философская рефлексия православной догматики. Методологически такая рефлексия осуществляется как своего рода «отслаивание», т. е. абстрагирование от непосредственных данных библейского Откровения – тех презумпций понимания бытийных структур, которые могут стать предметом рационального философского дискурса. Если восприятие Откровения есть результат особого духовного опыта каждого человека и никогда не «гарантировано», возникая лишь как дар Духа Святаго и благодать преображения разума, то уже философские рефлексии этого опыта относительно автономны и могут далее развиваться индивидуально в соответствии с направленностью мысли философа.

О. Сергий Булгаков в данной работе выделил ряд содержательных моментов, которые очерчивают основания евхаристической онтологии. Выделим некоторые из них в том порядке, в котором их рассматривает автор. Основное определение принципа евхаристической онтологии таково: «Основное положение наше состоит в том, что Христос как был в мире уже ранее Своего воплощения, так и пребывает в нем и ныне, после Своего Вознесения на небо» [3, с. 18]. В традиционной философской форме вопрос состоит в том, *как это возможно?* Каким образом мы должны понять базовые структуры тварного сущего, чтобы это понимание уже предполагало возможность уникальности Боговоплощения?

О. Сергий формулирует этот исходный онтологический тезис и в более развернутой форме: «Можно сказать, что история земной жизни Господа нашего Иисуса Христа продолжается и пребывает не только в памяти мира и человечества, но и в их конкретной действительности. Сюда также применимо слово Его: “Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века”. Образно это выражается в последовании церковного года, который включает в свою память события земной жизни Спасителя и Его слова, как очередные евангельские чтения. Если мы и не были их современниками в прямом и непосредственном смысле, то мы их вмещаем в полноту нашей собственной жизни. В этом смысле мы все, каждый по-своему и в свою меру, являемся современниками Христа и Его сотаинниками» [4, с. 6–7].

Таким образом, *сама «бытийственность» нашего существования во времени, т.е. его причастность нетленности и вечности как подлинному бытию определяется его онтологической сообразностью Христу.* Тем самым само бытие как таковое представляет собой не что иное, как космический Ритуал, лишь воспроизводимый в ритуалах человеческих, в том числе в священнодействиях Церкви. «Пребывание Христа в мире, – пишет о. Сергий, – таинственно осуществляется в Евхаристическом жертвоприношении, в котором Он есть и жертва и жрец, в полноте Его *praesentia realis*. Он присутствует как первосвященник, совершающий таинство чрез человеческого жреца, священника. Он Сам приносится Богу как жертвенно заклаемый на алтаре, и Он дается в причастие верующим, как хлеб жизни. В Таинстве Евхаристии мы имеем Евхаристическое присутствие Христа на земле, преодолевающее наше разлучение с Ним в Вознесении» [5, с. 6]. Продолжая ту же мысль, можно сказать, что тот «вопрос о бытии», который ставится в европейской метафизике в период ее кризиса, здесь получает совершенно

нетривиальный ответ. Если спросить: Почему есть сущее, а не наоборот, небытие? – то ответ будет гласить: Потому что Сам Творец жертвует Собой, воспроизводя бытие.

Н. Струве в кратком докладе-анализе «Об евхаристическом богословии о. Сергия Булгакова» дает этому принципу следующий развернутый исторический и богословский комментарий: «Жертва есть основной и изначальный феномен религиозной жизни, осуществляющий соединение человека с божеством, она есть одновременно дар, выкуп и, через вкушение, соединение. Ветхозаветные жертвоприношения (от Авеля до Исхода из Египта) были лишь прообразом, тенью (а уж тем более языческие жертвоприношения, были лишь тенью тени) единого, окончательного, всемирного и надмирного, жертвоприношения Богочеловека. Христос одновременно жрец, жертва и алтарь, приносимый и приносимый, приемля и раздаваемый. Это определение позволим себе пояснить через всем нам знакомый образ земного творца. Поэт (само слово означает “творящий”) тоже приносит своеобразную “священную жертву”, он тоже одновременно жрец и жертва, да и алтарь муз, не отделим от него самого, хотя он есть и нечто трансцендентное ему. Образ поэта позволяет понять, что в самом акте творения (а тем самым, и бытия, ибо нет бытия без творческого начала) заключен момент жертвоприношения» [6, с. 41].

Если же оставить хайдеггеровский вопрос об отличиях бытия и сущего, то понятие бытия как «несокрытости» здесь также будет применимо, но только в качестве формы, а не содержания ответа, поскольку тогда возникает самый исходный вопрос: А что, собственно, не сокрыто? Ответ: Само бытие – в данном случае остался бы лишь пустой тавтологией. Содержательно ответ таков: это несокрытость Христа как Творца и Жертвы в самом бытии, чья тварность удерживается в бытии только посредством этой предвечной божественной жертвы. Иначе мгновенно уже наступило бы Ничто и мир как таковой перестал бы существовать навсегда.

Тем самым, и святыя таинства, совершаемые в Церкви в соответствии с определенными канонами, – суть *космогонические действия*, воспроизводящие порядок Божиего Промысла о мире. То, что совершается в Церкви, не сводится только лишь к приятию благодати Божией ради спасения и преображения людей, но актуально делает все человечество причастником творения и спасения мира через Христову Жертву. Между этими двумя онтологическими уровнями нет разрыва, но есть различие в формах их осуществления. Как пишет об этом о. Сергий, «Есть два образа

praesentia realis: незримое и тайное присутствие Христа в мире и человеке – вочеловечившегося Господа, и таинственное присутствие Его во Святах Дарах, зримо и незримо, чрез сакраментальное предложение» [7, с. 28].

В главе «Евхаристическое присутствие Христа в мире» о. Сергий специально отмечает, что «Тайносовершитель есть Христос, Который “как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее” (Евр. 7:24). Он есть Первосвященник священников, в них и через них все совершающий» [7, с. 6]. А «в самом евхаристическом тайнодействии мы имеем, прежде всего, принесение жертвы “великим Священником над домом Божиим” (Евр. 10:21) “со Своєю Кровию вошедшим однажды и не в рукотворенное святилище” (Евр. 9:12), но в самое небо, причем это жертвоприношение в единственности своей в небесах не повторяется, однако становится повторно доступным на земле <...> В первом смысле мы имеем Первосвященническое служение Христа, которое выражается в действии, в самом жертвоприношении, а во втором же Он Сам есть и Жертва: “ты бо еси приносишь и приносимый, приемля и раздавая” (молитвы на литургии св. Иоанна Златоустого)» [7, с. 9].

Наконец, завершающий компонент евхаристической метафизики – *эсхатологический*. Бытие как жертвенный вселенский Ритуал было бы просто бессмысленно, если бы не было устремлено к своему полному преображению в Вечности. Ритуальность бытия циклична, однако эта цикличность (хотя уже и сама по себе являет образ вечности) изначально конечна – устремлена к Концу. Именно таков предельный смысл Времени: «пока не упразднится самое различие между земным и небесным, и весь мир не пройдет чрез огонь таинственного предложения» [8, с. 55].

В этом контексте выглядит откровенным недоразумением мнение И. Б. Роднянской, что якобы «Булгаков не подготовил свежей философской почвы для своего богословия, чары христианских платоников Соловьева и Флоренского вместе со всей классической немецкой выучкой тяготели на нем» [9, с. 31]. На самом же деле немецкая выучка сама по себе никому повредить не может, если не превращается в те «чары», которые уже к самой выучке не имеют отношения. И уж тем более нельзя называть «чарами» христианскую философию Соловьева и Флоренского, которую можно назвать «платонизмом» только по самому формальному признаку. Если же говорить строго, то никакого «христианского платонизма» не может существовать в принципе, поскольку платонизм – это изначально языческое учение о

таким самодостаточном Космосе, который изначально вообще не предполагает наличие Творца в библейском смысле слова.

Мнение уважаемого литературоведа в данном случае совершенно нелепо, но вполне объяснимо. Дело в том, что именно такая радикальная дерзновенность философского прорыва, который был осуществлен о. Сергием в данной работе, как раз труднее всего поддается осознанию. Возникает соблазн редуцировать его к чему-то уже знакомому и простому. Именно такая абберрация здесь и произошла. Если же попробовать отнести основоположение евхаристической метафизики, предложенной о. Сергием, к какой-то привычной историко-философской схеме, то в первом приближении это можно охарактеризовать как неопатристику. Свв. Отцы Церкви умели обходить «ловушки» языческого мышления, затаившиеся в рамках платоно-аристотелевской традиции путем своей оригинальной экспликации опыта библейского Откровения о мире. Однако для них не было чем-то важным создание новых форм философствования, поскольку они не играли существенной роли в тот период вообще.

Но в XX в. ситуация радикально изменилась. Современный человек, и философ в особенности, очень тесно привязан к самой форме мысли, благодаря которой он может переоткрывать и реконструировать в себе те формы опыта (интеллектуального и духовного), которые уже почти утрачены в господствующей культуре. Наступила эпоха «необходимости формы», как назвал ее М. К. Мамардашвили, имея в виду именно данное обстоятельство. Только активно работающая форма мысли способна заново воспроизводить и возрождать смыслы после их почти полного разрушения в условиях «антропологической катастрофы». Именно поэтому углубление в

традицию парадоксальным образом становится самым мощным стимулом к философским инновациям. Такова закономерность и необходимость того онтологического «поворота», который был дерзновенно осуществлен о. Сергием в рассмотренной работе. Среди всех многочисленных заделов на будущее развитие русской православной философии, заложенных в XIX–XX вв., основоположение евхаристической метафизики нам представляется наиболее мощным основанием для нового философского синтеза.

Список литературы

1. Лазарев В. В. С. Н. Булгаков о троичности исходного принципа // История философии. М., 2002. Вып. 9. С. 90–109.
2. Библия : Священное Писание Старого и Нового Завета. М., 1992. 926 + 294 с.
3. Булгаков С., прот. Христос в мире (глава из книги) // Вестн. русского христианского движения. 2001. № 1 (182). С. 6–18.
4. Булгаков С., прот. Христос в мире (глава 2 «Христос на земле») // Вестн. русского христианского движения. 2002. № 1 (183). С. 6–15.
5. Булгаков С., прот. Христос в мире. Первосвященническое служение // Вестн. русского христианского движения. 2002. № 2 (184). С. 5–19.
6. Струве Н. Об евхаристическом богословии о. Сергия Булгакова // Вестн. русского христианского движения. 2001. № 1 (182). С. 38–44.
7. Булгаков С., прот. Христос в мире (продолжение) // Вестн. русского христианского движения. 2003. № 1 (185). С. 6–30.
8. Булгаков С., прот. Христос в мире // Вестн. русского христианского движения. 2003. № 2 (186). С. 41–58.
9. Роднянская И. Б. С. Н. Булгаков – о. Сергий : стиль мысли и формы мысли // Вестн. русского христианского движения. 2000. № 1 (182). С. 21–37.

Образец для цитирования:

Даренский В. Ю. Основоположение евхаристической метафизики в труде С. Н. Булгакова «Христос в мире» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 127–132. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-127-132.

Foundation of Eucharistic Metaphysics in “Christ in the world” by S. Bulgakov

V. J. Darenskiy

Vitaliy J. Darenskiy, Lugansk National Agrarian University, darenskiy1972@mail.ru

The article considers the ontological significance of the Eucharistic theology by S. Bulgakov, as it is presented in his works «Christ in the world» (1940). The author considers some prerequisites for develop-

ment of this type of ontology in the framework of biblical Revelation about the creation of the world. The obstacles to building an adequate ontology of creation and incarnation in the traditional European metaphysics, since the latter is based on platono-Aristotelian model of the Cosmos is self-sufficient. This work of S. N. Bulgakov is considered in the context of the ontological «turn» (M. Heidegger) in philosophy of the twentieth century as the most radical variant of implementation of this paradigm. Philosophical step by S. N. Bulgakov was to think of Christ “in” the world – that is, not only as an event of the Epiphany, once happened in the History of this world and therefore uniquely special-but also as a special ontology of the most created being,

defining the very possibility of such an Event. The author's conclusion is that in the modern Christian philosophy, the implementation of this ontological "turn" is possible in the framework of General paradigm of neopatristic, taking into account the categorical apparatus of philosophy of New time. The fundamental principle of the Eucharistic ontology made by S. N. Bulgakov, is seen as a radical renewal of philosophical discourse.

Key words: S. Bulgakov, ontology, Eucharistic, creation, Christ.

References

1. Lazarev B. V. S. N. Bulgakov o troichnosti iskhodnogo printsiipa [S.N. Bulgakov about trinity of origin principle]. In: *Istoriya filosofii* [History of philosophy]. Moscow, 2002, iss. 9, pp. 90–109 (in Russian).
2. *Bibliya: Svyashhennoe Pisanie Starogo i Novogo Zaveta* [Bible: The Holy Scriptures of the Old and New Testament]. Moscow, 1992. 926 + 294 p. (in Russian).
3. Bulgakov S., prot. Khristos v mire (glava iz knigi) [Christ in the world {Chapter from a book}]. *Vestn. russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian movement], 2000, no. 1 (182), pp. 6–18 (in Russian).
4. Bulgakov S., prot. Khristos v mire (glava 2 «Khristos na zemle») [Christ in the world {Chapter 2 «Christ on earth»}]. *Vestn. russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian movement], 2001, no. 1 (183), pp. 6–15 (in Russian).
5. Bulgakov S., prot. Khristos v mire. Pervosvyashchenicheskoe sluzhenie [Christ in the world. Chief priest's ministry]. *Vestn. russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian movement], 2002, no. 1 (184), pp. 5–19 (in Russian).
6. Struve N. Ob evkharisticheskom bogoslovii o. Sergiya Bulgakova [On the eucharistic theology of Fr. Sergius Bulgakov]. *Vestn. russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian movement], 2000, no. 1 (182), pp. 38–44 (in Russian).
7. Bulgakov S., prot. Khristos v mire (prodolzhenie) [Christ in the world {Extension}]. *Vestn. russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian movement], 2003, no. 1 (185), pp. 6–30 (in Russian).
8. Bulgakov S., prot. Khristos v mire [Christ in the world]. *Vestn. russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian movement], 2003, no. 2 (186), pp. 41–58 (in Russian).
9. Rodnyanskaya I. B. S. N. Bulgakov – o. Sergiy: stil mysli i formy mysli [S.N. Bulgakov – o. Sergiy: style thoughts and forms of thoughts]. *Vestn. russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian movement], 2000, no. 1 (182), pp. 21–37 (in Russian).

Cite this article as:

Darenskiy V. J. Foundation of Eucharistic Metaphysics in "Christ in the world" by S. Bulgakov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 127–132. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-127-132.

УДК 215

УЧЕНИЕ МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА О ЛОГОСАХ И ТРОПОСАХ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИОЛОГИИ

Д. А. Каменщиков

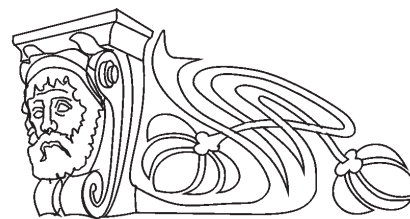
Каменщиков Денис Александрович, аспирант кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, pm-sar@mail.ru

В статье рассматривается учение Максима Исповедника о логосах и тропосах, в частности, применение основных принципов этого учения в качестве теоретической основы для православной миссиологии. Отмечается, что главным препятствием для развития этой научно-богословской дисциплины является отсутствие мощной теологической базы, которая помогла бы понять принципы и закономерности распространения в социуме Слова Божия, спрогнозировать многие новые направления миссионерского служения Православной Церкви и гармонично интегрировать миссиологию в другие научные и богословские системы. Учение о логосах и тропосах, по мысли автора, способно решить данную проблему. С точки зрения Максима Исповедника, все предметы и явления в мире существуют в соответствии с Божественными логосами – идеями – и проявляются в нем в виде тропосов, следовательно, это относится и к миссионерству. Проповедь Евангелия, безусловно, имеет своим источником Божественный Логос, а тропос, или способ существования этого Логоса в мире, явлен нам Христом во время своего земного служения, открыт вместе с другими тайнами духовной жизни. Задача миссиолога – всмотреться в Евангелие, найти эти тропосы, систематизировать и раскрыть их.

Ключевые слова: логос, тропос, православная миссиология.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-133-135

Миссиология – одна из самых молодых теологических дисциплин в системе образования Русской Православной Церкви: как наука она формируется в начале XX в. В России ее развитие было приостановлено переворотом 1917 г. Следует отметить, что до революционных событий изучение миссиологии в духовных школах проходило в процессе освоения исторических дисциплин, что не способствовало развитию этой науки. Преподавание миссиологии как отдельной дисциплины началось только в 90-е гг. XX столетия. В частности, в учебную программу Санкт-Петербургской духовной семинарии курс «Православная миссиология» был включен в 1998–1999 учебном году. В связи с этим возникает вопрос об определении предмета вводимой дисциплины. Один из вариантов был предложен Белгородской православной духовной семинарией в разработанном этим учебным заведением учеб-

нике «Миссиология», в котором дается следующее определение предмета: «Миссиология является дисциплиной, рассмотрению которой подлежит благовестническая деятельность Церкви» [1, с. 9].

Формируя это понятие, авторы отмечают, что «латинское слово “missio” является переводом греческого глагола “ἀποστέλλω” (отправлять, посылать). То есть в своем исконном значении слово “миссия” обозначало Божественный замысел спасения человечества: Бог Отец посылает Сына, Сын отправляет на проповедь Своих учеников (апостолов), даровав им Духа Святого для осуществления миссионерского служения» [1, с. 9]. С таким обоснованием можно согласиться, тем более что учебных пособий по данному предмету нет, а значит нет и альтернативных определений. Можно назвать лишь цитируемый выше учебник и еще одно пособие, которое является опять-таки скорее историческим трудом [2].

Конечно, это не значит, что в области православной миссионерства нет богословских трудов. Чтобы опровергнуть подобное мнение, достаточно вспомнить «Наставление священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру» святителя Иннокентия (Вениаминова) или «Мысли о способах к успешному распространению Христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в России» преп. Макария (Глухарева). Существовали и миссионерские научные школы, например, профессора Казанской духовной академии Н. И. Ильминского [2, с. 8]. Однако святоотеческие труды могут лишь послужить основой для учебных пособий, но сами по себе ими не являются. Миссионерские школы сейчас возрождаются в основном при приходских общинах, духовные же семинарии и академии не делают серьезных научно-богословских разработок в области миссиологии.

Подобная ситуация вполне понятна. Несмотря на то, что потребность в христианском просвещении сейчас огромна (и не только в России, но и по всему миру), что Русская Православная Церковь имеет сейчас большую свободу, а духовное образование получило в последние годы мощное развитие, миссиология как наука по-прежнему находится в зачаточном состоянии.

Те же разработки в данной теологической сфере, которые есть в настоящий момент, строго говоря, нельзя назвать научными. Представляется, что эта ситуация сложилась в силу отсутствия глубокой и четкой теоретической основы.

Известно, что в развитии науки и применении ее достижений на практике ключевую роль играет теория, в рамках которой она существует. Многие великие открытия или научные «скачки» были обусловлены именно верной и мощной теорией. Например, сформулированный в феврале 1869 г. периодический закон Д. И. Менделеева позволил ученому вычислить атомные массы нескольких еще неведомых науке элементов, которые были открыты позже [3, с. 18].

Вспомним также, какую роль в физике сыграла предложенная Э. Резерфордом планетарная модель атома, в соответствии с которой атом состоит из положительно заряженного ядра, содержащего почти всю его массу, вокруг ядра вращаются электроны, подобно тому, как планеты движутся вокруг Солнца. Благодаря этой модели физики смогли выявить множество закономерностей не только на уровне атомов, но и в масштабе планетарных систем [4, с. 6]. Таких примеров, когда предложенная теория обеспечивала науке скачок, великое множество.

Выше отмечалось, что миссиология как наука и научно-богословская дисциплина находится в самом начале своего развития. С одной стороны, это дает миссиологу большую свободу, с другой же – ставит его перед необходимостью работать начиная с нуля из-за отсутствия единой богословской системы. Очевидно, что миссиологии необходимо учение, которое могло бы вывести ее из этого состояния, учение, плоды которого вооружили бы миссионеров всем необходимым для проповеди. Такое учение мы обнаружили в трудах богословов Восточной Церкви, в частности в учении Максима Исповедника о логосах и тропосах. Здесь необходимо пояснить, что понятие «логос» в философии и теологии имеет множество значений. Как отмечает в своей статье Г. М. Кириллов, «Термин “Логос” один из самых значимых, емких и вместе с тем загадочных в философии. Он имеет тысячелетнюю историю и обрастает все большим количеством смыслов и значений...» [5, с. 262].

По Максиму Исповеднику весь мир сотворен в соответствии с Божественными идеями, или, как он их называет, «логосами»: все в мире логосно. «Сам термин “логос” у преподобного Максима многозначен – это и идея, и принцип, и закон тварного бытия, и цель, к которой тварь устремлена. Логосы отдельных вещей содержатся в более общих логосах, как виды – в роде» [6, с. 167].

Мысль эта очень интересна с точки зрения любой науки. Например, текст состоит из предложений, предложения – из слов, слова – из букв; тела животных состоят из тканей, а ткани из клеток, клетки же – из мембран и органелл; ДНК образована совокупностью генов; вещество состоит из молекул, молекулы – из атомов и т. д. В богословии это тропосы божественных идей, т. е. логосов, материальное или функциональное выражение их в тварном мире. Именно такой подход выявляется в учении святого Максима Исповедника. Подробное объяснение этого учения содержится в учебнике по Догматическому богословию архимандрита Алипия и архимандрита Исаяи. Основная мысль авторов заключается в том, что логосы бытия тварного мира (по сути – Божественные идеи) служат проявлением, способом существования логосов и называются тропосами [6, с. 168]. Предложенный подход открывает широкие горизонты для теологических изысканий. Исследуя тропосы (то есть материальные или функциональные проявления Божественных идей в тварном мире), теолог восходит к созерцанию их источников – логосов, а в конце концов – к Логосу, Первоисточнику, т. е. к самому Богу.

К такому выводу мы приходим на основании следующих размышлений Максима Исповедника: «Логосы сущих, прежде веков предуготовленные в Боге, – пишет он, – как ведает Он Сам, будучи невидимыми, обычно именуется у божественных мужей также благими произволениями Божиими; они ясно мысленно созерцаются через творение. Ибо все творения Божии по природе, будучи рассматриваемы нами ведательно с должным искусством, сокровенно возвещают нам логосы, в соответствии с которыми они получили бытие, и вместе с тем обнаруживают с собою в каждом творении цель Божию (skopos)» [7, с. 516].

Таким образом, выявляется ценнейшая для исследователя теологическая коммуникация: рассмотрение тропосов помогает постичь логосы, постижение логосов дает возможность корректировать тропосы, т. е. управлять определенными явлениями или процессами, что, по сути, и является одной из основных задач науки в практическом плане.

Если придерживаться мысли преподобного Максима, что все предметы и явления в мире существуют в соответствии с Божественными логосами и проявляются в нем в виде тропосов, то, следовательно, это относится и к миссионерству. Проповедь Евангелия также имеет своим источником Божественный Логос, а тропос, или способ существования этого Логоса в мире, явлен нам Христом во время своего земного служения, открыт вместе с другими тайнами духовной

жизни. Задача миссиолога – всмотреться в Евангелие, найти эти тропосы, систематизировать и раскрыть их.

Где мы можем видеть эти логосы и тропосы? В Священном Писании, в частности в Новом Завете, особенно в Евангелии и Деяниях святых апостолов, кроме того, в Житиях святых, просиявших подвигом на поприще миссионерского служения, и в святоотеческих трудах соответствующей тематики.

Как представляется, основным изучаемым явлением в рамках данной теории будет Евангельская притча, потому что именно в притчах Христос проповедовал Свое учение. Притча – это некий всеобъемлющий миссионерский тропос, сверх- или, как мы его будем называть, мегатропос.

Выдвинутые Максимом Исповедником идеи богословских теоретических положений могут послужить базой миссиологии, способствовать пониманию принципов и закономерностей распространения в социуме слова Божия, спрогнози-

ровать многие новые направления миссионерского служения Православной Церкви и гармонично интегрировать миссиологию в другие научные и богословские системы.

Список литературы

1. Миссиология : учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010. 410 с.
2. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М., 2007. 688 с.
3. Макареня А. А. Периодический закон Д. И. Менделеева. М., 1969. 160 с.
4. Москалев В. А. Атомная и ядерная физика : учеб. пособие. Томск, 2014. 121 с.
5. Кириллов Г. М. Поиски Логоса : между тьмой и светом // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 262–266.
6. Алипий, архим., Исая, архим. Догматическое богословие : курс лекций. Сергиев Посад, 2005. 288 с.
7. Максим Исповедник, преп. Polemika s origenizmom i monoenergizmom / сост. Г. И. Беневиц; изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2014. 672 с.

Образец для цитирования:

Каменщиков Д. А. Учение Максима Исповедника о логосах и тропосах как теоретическая основа Православной миссиологии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 133–135. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-133-135.

The Teaching of Maximus the Confessor about the Logoi and Tropoi

D. A. Kamenshchikov

Denis A. Kamenshchikov, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, pm-sar@mail.ru

The article examines the teaching of Maximus the Confessor about the logoi and tropoi and observes the usage of the main principles of this teaching for the theoretical basis of Orthodox Missiology (Ministry Studies). The author emphasizes that the main problem of development of Missiology as a theological discipline is the lack of proper theological base, which is necessary for understanding the principles and logic of dissemination of God's word within society. The author claims that the teaching about the logoi and tropoi can cast the light upon this problem and help us to explicate new ideas for the course of missionary work (of the Russian Orthodox Church), and successfully integrate Missiology in other theological and academic systems. As Maximus the Confessor implies, all things and phenomena exist in the world in their accordance with God's logoi (i.e. ideas) and appear in the world as tropoi. God's Logos is the source of preaching the Gospel. And tropos – a way of existence of the Logos within the world – is revealed by earthly ministry of Jesus as one of the spiritual mysteries of life. From this perspective, the main task for a scholar in Missiology is to search through the Gospel to find and reveal the tropoi.

Key words: logos, tropos, orthodox missiology.

Cite this article as:

Kamenshchikov D. A. The Teaching of Maximus the Confessor about the Logoi and Tropoi. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 133–135. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-133-135.

References

1. *Missiologia* [Missiology]. Moscow, 2010. 410 p. (in Russian).
2. Efimov A. B. *Ocherki po istorii missionerstva Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [The essays of missionary history of the Russian Orthodox Church]. Moscow, 2007. 688 p. (in Russian).
3. Makarenya A. A. *Periodicheskiy zakon D. I. Mendeleeva* [The Periodic law of D. I. Mendeleev]. Moscow, 1969. 160 p. (in Russian).
4. Moskalev V. A. *Atomnaya i yadernaya fizika* [The atomic and nuclear physics]. Tomsk, 2014. 121 p. (in Russian).
5. Kirillov G. M. *Poiski Logosa: mezhdru svetom i tmoy* [The Search for Logos: between Darkness and Light]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 3, pp. 262–266 (in Russian).
6. Alipiy, archim., Isaia, archim. *Dogmaticheskoe bogoslovie: kurs lektsiy* [Dogmatic Theology: Lectures]. Sergiev Posad, 2005. 288 p. (in Russian).
7. Maksim Ispovednik, prep. *Polemika s origenizmom i monoenergizmom* [The polemic with an origenizm and monoenergizm]. St. Petersburg, 2014. 672 p. (in Russian).

УДК 008.2:504

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИКЛИЧЕСКОГО ПОДХОДА Н. Д. КОНДРАТЬЕВА К ОПИСАНИЮ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ТЕХНОСФЕРЫ

А. С. Кондауров

Кондауров Андрей Сергеевич, аспирант кафедры теории искусств и эстетики, Луганская академия культуры и искусств имени М. Матусовского, moregoods@mail.ru

В статье раскрыта связь экономических методологических подходов Н. Д. Кондратьева с новыми методологическими идеями философии техники в рамках общего философско-культурологического контекста современной науки. Рассматриваются идея цикла в философии техники и ее связи с циклами Кондратьева методом сравнения и поиска аналогий. Показано, что экономические циклы носят повторяющийся характер и такие же циклы свойственны техносфере. Экономический подъем аналогичен подъему в количестве изобретений, происходящих вследствие крупного технологического открытия. Введено новое понятие – техноритмология, которая является основным футурологическим методом, описанным в статье, и рассматривается как новый способ в проблеме изучения роли техники в обществе и культуре. Техноритмология аналогична кондратьевским циклам в философии техники. Проведение такой аналогии возможно, так как структуры экономики, по Кондратьеву, имеют нечто общее со структурами изменений в техносфере. Это общее базируется на связи подъемов и спадов, вызванных значительным бифуркационным событием. Применение аналогичного кондратьевским циклам метода для философии техники возможно благодаря существованию именно такой отправной точки. Уделено большое внимание проблемам взаимодействия между новыми техническими изобретениями и их влиянию на современную реальность. Описаны степень взаимосвязи между ранними и поздними изобретениями и связь экономических спадов и подъемов.

Ключевые слова: техника, техносфера, философия культуры, футурология.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-136-140

Интерес к современному миру тесно объединен с интересом к техносфере как кормчему современной мировой цивилизации. Техносфера объединяет в себе ряд технических феноменов различного типа, оказывающих определенное воздействие на течение человеческой жизни. Тем не менее долгое время интерес философов и ученых к проблеме техники и техносферы не был обозначен как отдельная научная отрасль. Появление философии техники как отдельной, автономной части философии, занятой исключительно рассмотрением вопросов, связанных с проблемой техники, насчитывает всего около 200 лет, что очень мало по меркам возраста научных дисциплин. У истоков философии техники стояли, с одной стороны, немецкий и американский философ Эрнст Капп и, с другой

стороны, русский инженер и популяризатор науки Петр Климентьевич Энгельмейер. За столь недолгий век философия техники накопила широкий спектр методов изучения вопросов, связанных с природой и ролью техники как в исследовании динамики изменения этого понятия, так и в последовательном анализе исторических метаморфоз этого феномена. Одним из традиционных подходов в описательной историографии философии техники является так называемый циклический метод – такой способ анализа исторического содержания, связанного с историей техники, при котором за исходную точку берется подход к историческому материалу как к характеризующемуся некими чертами и особенностями, близкими к описательному пути, имеющему вид окружности. Эта окружность называется циклом. Собственно, под этим понятием либо подразумевают фазу колебаний (оборот), либо используют это понятие как конвенциональную единицу измерения, наполняемую определенным смыслом. Само понятие цикла довольно распространено в современной науке: мы можем вспомнить хотя бы такие понятия, как «жизненный цикл», «термодинамический цикл», «солнечный цикл», «учебный цикл» и т. д. Так и в философии техники цикл нашел свое место при решении многих вопросов. В данной статье мы рассмотрим циклы Н. Д. Кондратьева, или К-циклы.

Собственно, метод К-циклов является одним из подходов, связанных с историческим циклизмом. «Исторический циклизм – теория исторического круговорота, повторения периодов зарождения, расцвета и упадка или даже гибели человеческих обществ. Многообразие вариаций теории относят как к установлению ее по субъектам общественного развития (политический строй, государство, цивилизация), так и к разделению по стадиям, а также ее различным сочетаниям с другими теориями развития. Циклизм противопоставляется идее прогресса» [1]. Собственно, идею цикла в философии техники и ее связи с К-циклами мы и предлагаем рассмотреть ниже.

Циклы Кондратьева – это периодические (повторяющиеся) циклы (обороты) сменяющихся подъемов и спадов современной мировой экономики продолжительностью 48–55 лет.

Описаны они были впервые в 1920-х гг. советским экономистом Николаем Дмитриевичем Кондратьевым. Он полагал, что экономический рост в своей динамике имеет ряд характерных закономерностей, проявляющихся в процессе движения экономической системы внутри себя в составе изменений относительно высоких и низких темпов экономического роста. Такие закономерности им были охарактеризованы как фазы и чуть позже названы циклами. Состоять такой цикл должен был из четырех неизменных точек прохождения экономической системы. Поскольку эти точки были неизменными хронологическими элементами прохождения всего экономического цикла, Кондратьев обозначил их как эмпирические законы движения больших экономических циклов [2, с. 44]. Этими законами были следующие четыре волны экономического движения:

1) первая волна – наличие технических открытий, меняющих привычный способ денежного оборота или некоторые части действующей экономической модели;

2) вторая волна – переходный период, характеризующийся острыми социальными конфликтами: войнами, погромами, революциями и т. п. Это вызвано столкновением «нового» со «старым»;

3) третья волна – погружение сельского хозяйства в длительную экономическую депрессию;

4) четвертая волна – выравнивание общей экономической ситуации, достижение компромиссов, стабилизация экономических процессов и медленный экономический рост.

Эти четыре волны составляют большой цикл, а каждая из них является малым циклом. Большая волна составляет 50 ± 10 лет. Кондратьев полагал также, что циклы постоянны, т. е. по завершении одного цикла наступает следующий. Если мы посмотрим на первую волну большого цикла, то увидим ясную связь между техническими изобретениями и движением экономического К-цикла. Можно обозначить некие предполагаемые технологические и технические силы, которые повлияли на каждый из больших циклов и существенно их определили. Рассмотрим период с 1750-х по 2050-е гг.:

1-й К-цикл – текстильные фабрики, промышленное использование каменного угля;

2-й К-цикл – угледобыча и черная металлургия, железнодорожное строительство, паровой двигатель;

3-й К-цикл – тяжелое машиностроение, электроэнергетика, неорганическая химия, производство стали и электрических двигателей;

4-й К-цикл – производство автомобилей и других машин, химическая промышленность, нефтепереработка и двигатели внутреннего сгорания, массовое производство;

5-й К-цикл – развитие электроники, робототехники, вычислительной, лазерной и телекоммуникационной техники;

6-й К-цикл – возможно, NBIC-конвергенция (конвергенция нано-, био-, информационных и когнитивных технологий).

Эмпирические данные демонстрируют пульсирующий характер развития производства [3, с. 189]. Это важно для выявления взаимосвязи К-циклов и методов современного анализа в философии техники. Кроме того, К-циклы помогают создать описательную модель исторических экономических процессов, например, происходящих в США [4].

Наряду с такими крупными экономическими циклами, как К-циклы, существует ряд описаний меньших по длительности, например цикла Китчина (3–4 года) или цикла Жюгляра (7–11 лет).

Ряд современных ученых считает, что К-циклы, благодаря процессу глобализации, могли существенно сократиться под действием нарастающего влияния новых технологий на современные жизненные уклады. Такое предположение высказал Д. Шмихула, предположивший, что К-циклы сократились по времени с 60 до 30 или 20 лет [5, с. 58].

Безусловно, нас в данной статье интересует именно та параллель, которую можно выстроить между техническим прогрессом и экономическими изменениями. В целом такую позицию Кондратьева можно охарактеризовать как технологический детерминизм. Сторонники технологического детерминизма считают, что основной детерминантой социально-экономических изменений в обществе являются сдвиги в области техники. Внедрение новых технологий производства приводит к видимым изменениям в обществе. Но нас интересует еще и то, можно ли перенести подобный циклический подход на область технических изобретений, т. е. можно ли применить метод цикла к самому способу возникновения новых технологий.

Мы исходим из того, что каждая технологическая новинка, внедряемая в практику проходит в своем становлении некие определенные типичные этапы. Такой подход, с одной стороны, близок к подходу Кондратьева, с другой стороны, он схож с различными теориями творчества в эвристике, например с подходом ТРИЗ С. А. Альтуллера [6, с. 97].

Однако мы полагаем, что наиболее перспективным является не эвристическое направление в

построении цикла техногенезиса вещей, а структуралистское. Изобретение колеса первобытными людьми оказало огромное влияние на последующие изобретения: эта простая инновация в череде других привела к тому, что был создан персональный компьютер. Между различными технологическими изобретениями существует определенная связь, близкая к детерминационной. Если это так, то мы можем предположить существование детерминационных линий между изобретениями. А значит, одно конкретное изобретение, вероятно, может предопределить появление следующего. Мы примем это за аксиому техногенного цикла. Таким образом, можно говорить уже о двух точках циклического подхода: возникновении нового технического изобретения и неизбежности возникновения следующего.

Разработка этого циклического подхода перспективна: он не только раскрывает взаимозависимость двух изобретений (обращаясь в прошлое), но и может показать изобретения недалекого будущего, т. е. метод носит прогностический характер.

Основной метод, который мы предлагаем рассмотреть как новый авторский при изучении роли техники в обществе и культуре, назовем техноритмологией. Техноритмология – это методология футурологии, основанная на использовании неклассической интерпретации подхода к футурологическому знанию – технологическому детерминизму. Его сущность заключается в рассмотрении структурных частей техносферы, представленных в качестве техноритмов – предельных структурных элементов существования техносферы. Понятие техноритма является базовым для техноритмологии. Техноритм – это детерминированное расстояние между одним технологическим изобретением и другим, так как конкретное изобретение включено в некую детерминационную сеть вместе с предшествующими, которые причинно связаны с появлением данного.

Под изобретением мы будем понимать техническое средство, обеспечивающее удовлетворение потребностей человека особым способом, ранее не существовавшим или же качественно его превышающим. Таким образом, мы видим необходимость построения научного метода техноритмологии, чтобы определить и выявить техноритмы. Описательную задачу и построение карты такого рода структур, как техноритмы, можно обозначить как теоретическую, наглядную модель техноритмологии. Эта модель, в случае ее создания, должна быть тесно связана с математическими системами комбинаторики и теорией вероятности, поскольку получить точные

данные о новых технологических изобретениях невозможно, однако можно с высокой степенью вероятности проследить и описать саму логику технологических изменений.

Описание логики технологических изменений может быть перспективным направлением в современной футурологии, кроме того, это и есть основная цель техноритмологии. Для того чтобы понять, чем отличается классический метод футурологии – экстраполяция – от нашей техноритмологической интерпретации, мы должны описать отличия этих методов по отношению к способу прогнозирования вероятных событий. Классический метод футурологии строит прогнозы, основываясь на временной гистограмме, например, в качестве единицы времени использует земной год. Так работает Р. Курцвейл, создавая прогноз развития технологий на ближайшие 100 лет [7].

Р. Курцвейл дает свой прогноз, опираясь на некую прямую хронологическую ветвь развития человечества. Однако мы понимаем: за указанный им период может произойти ряд форс-мажоров (крупный экологический катаклизм, война), что может повлиять на порядок и даты описываемых им событий, поэтому точность этой хронологии прогнозов можем поставить под сомнение. Что же касается прогноза, основанного на методе техноритмологии, то он может быть дан без учета конкретных временных рамок. Важнейшим его элементом станет не датировка, а логика футурологического нарратива. В данной модели прогнозов будет раскрыта логика дальнейших изменений в технологической сфере. Нам следует понять, как именно происходит появление тех или иных технологических инструментов у человечества, так как некоторые технологические изменения неизбежны. Отправной точкой этой гипотезы служит наличие у человека развитого интеллекта, что позволяет ему, в отличие от животных, не приспосабливаться к среде, а приспосабливать среду под себя. Вся история человечества – это история приспособления среды. Кроме того, существуют безусловные связи между определенными изобретениями: изобретение колеса первобытными людьми и создание персонального компьютера причинно-следственно связаны между собой. Что касается техноритмологии, речь идет, прежде всего, о более точном и четком описании близких связей на менее очевидных примерах.

Понятие техноритма связано тесно с понятием времени: появление некоторых технологических изобретений неизбежно и связано с определенными обстоятельствами, которые могут замедлить или же ускорить их появление.

Хотелось бы отметить две важные вещи. Во-первых, существует ряд факторов, которые влияют на конкретное техническое изобретение: их можно разделить на непосредственные и опосредованные, по степени отношения к изобретению. Само изобретение и его детерминационная линия, рассмотренная как техноритм, будет обозначена как непосредственно влияющая на его появление. Обстоятельства, которые ускоряют или же замедляют это появление, отнесем к опосредованным.

Во-вторых, опосредованные обстоятельства можно разделить на две группы: позитивные и негативные, по степени влияния на опосредованные факторы. Например, изобретение Героном Александрийским парового двигателя могло иметь непосредственное отношение к изобретению автомобиля, однако ряд культурных и политических изменений в истории человечества отсрочили это событие к концу XIX в., что мы и отнесем к опосредованным негативным обстоятельствам.

Соответственно, можно выделить три вида: негативное опосредование, позитивное опосредование и нейтрально непосредственное как структурную характеристику. Закрепление и использование этих новых понятий может быть связано с построением новой системы категорий для техноритмологии как новой футурологической методологии.

Природа нашей реальности такова, что математическим языком ее можно выразить как существующую в дискретной форме; техника также дискретна. Ее онтологическая дискретность обнаруживает себя по мере разделения на отдельные технические объекты: устройства, инструменты, орудия и т. д. Такие единичности и составляют множество, дискретное по факту. Развитие культуры сопровождается развитием техники, эту мысль высказал первый философ техники Э. Капп [8]. Мы попробуем ее продолжить. Человек применяет технику с момента своего появления, а это значит, что техника исходит из культуры, а культура – от человека (либо же связь человек–культура возникает одновременно). Техника в культуре объединена в техносферу, техносфера исторична и потому неоднородна относительно своего сейчас. Техносфера как целое достигает своей полноты поэтапно, во времени, ее движение – это технический прогресс.

Для понимания этапов техносферы мы предложили ввести своего рода «меру измерения» техники – техноритм. Подход к техносфере как к дискретному материалу культуры мы назвали техноритмологией. Процесс воплощения

техносферы в ее артефактах не произволен, а детерминирован. Изобретение конкретного технического устройства связано с предшествующими техническими изобретениями. Техноритм, таким образом, есть промежуток между предшествующим и последующим техническим изобретением: ритм тут связан с переходом от причинного к последственному изобретению. Обнаружение техноритмов в техносфере очень важно, так как позволяет понять ход технического прогресса. Прогресс в технике есть процесс воплощения техносферы в ее полноте. Поскольку техника стремится воспроизвести любое сущее, под полнотой техносферы мы будем понимать существование в техносфере возможности воспроизвести любое сущее. М. Хайдеггер полагает, что стратегия движения технического прогресса связана с сущностью техники. Она относится к любому сущему как к потенциальному объекту для «поставления» в состояние наличия – размещения сущего так, как оно доступно для употребления пользователем. Сущее в опасности тогда, когда оно теряет свою уникальность. Конвейер всякого сущего – вот телеологическая составляющая техносферы.

В рамках данной статьи мы пытались показать связь экономических методологических подходов с новыми методологическими идеями философии техники в рамках общего философско-культурологического контекста современной науки.

Список литературы

1. Цикличности теории // Советская энциклопедия : в 9 т. / под ред. Е. М. Жукова. М., 1980. Т. 7. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/19708/ЦИКЛИЧНОСТИ> (дата обращения: 2012.2017).
2. Гринин Л. Е. Вербальная модель соотношения длинных кондратьевских волн и среднесрочных жюгляровских циклов // История и математика : анализ и моделирование глобальной динамики / под ред. А. В. Коротаева, С. Ю. Малкова, Л. Е. Гринина. М., 2010. С. 44–111.
3. Коротаев А. В., Цирель С. В. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / под ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаева. М., 2009. С. 189–229.
4. Pokrovskii V. N. Energy in the theory of production // Energy. June 2003. Vol. 28, № 8. P. 769–788.
5. Коротаев А. В., Гринин Л. Е. Кондратьевские волны в мир-системной перспективе // Кондратьевские волны. Аспекты и перспективы / отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. Волгоград, 2012. С. 58–109.

6. Михелькевич В. Н., Радомский В. М. Основы научно-технического творчества. Ростов н/Д, 2004. 320 с.
7. Ikenson B. Patents : Ingenious Inventions : How they work and How they came to be. N.Y., 2004. 228 p.
8. Mitcham C. Thinking through Technology : The Path between Engineering and Philosophy. Chicago, 1994. 405 p.

Образец для цитирования:

Кондауров А. С. Применение циклического подхода Н. Д. Кондратьева к описанию структурных изменений техносферы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 136–140. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-136-140.

Kondratiev's Cyclic Approach to the Description of Structural Changes in the Technosphere

A. S. Kondaurov

Andrey S. Kondaurov, Lugansk Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky, moregoods@mail.ru

The article discloses the relationship of economic methodological approaches. Kondratieff with new methodological ideas of the philosophy of technology within the general philosophical and cultural context of modern science. The idea of a cycle in the philosophy of technology and its connection with the Kondratiev cycles is considered by the method of comparison and search for analogies. It is shown that economic cycles are repetitive in character and the same cycles are characteristic of the technosphere. Economic recovery is similar to the rise in the number of inventions that occur as a result of a major technological discovery. A new concept is introduced – technorhythmology, which is the main futurological method and is considered as a new way in the problem of studying the role of technology in society and culture. Technorhythmology is analogous to the Kondratiev cycles in the philosophy of technology. Such an analogy is possible, since the economic structures, according to Kondratieff, have something in common with the structures of changes in the technosphere. This general is based on the connection of ups and downs caused by a significant bifurcation event. The application of a method analogous to the Kondratieff cycles for the philosophy of technology is possible due to the existence of just such a starting point. Great attention has been paid to the problems of interaction between new technical inventions and their influence on modern reality. The extent of the relationship between early and late inventions and the relationship of economic downturns and upswings are described.

Key words: technics, technosphere, philosophy of culture, futurology.

References

1. Tsiklichnosti teorii (The theory of cyclicity). *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* : v 9 t. (The Soviet his-

torical encyclopedia: in 9 vol.). Ed. by E. M. Zhukov. Moscow, 1980. Vol. 7. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/19708/TSIKLICHNOSTI> (accessed 20 December 2017) (in Russian).

2. Grinin L. E. Verbalnaya model sootnosheniya dlinnykh kondratievskikh voln i srednesrochnykh zhyuglyarovskikh tsiklov [Verbal model of the ratio of long Kondratieff waves to medium-term jugular cycles]. In: *Istoriya i matematika: analiz i modelirovaniye globalnoy dinamiki* [History and mathematics: Analysis and modeling of global dynamics]. Eds. A. V. Korotayev, S. Yu. Malkov, L. E. Grinin. Moscow, 2010, pp. 44–111 (in Russian).
3. Korotayev A. V., Tsirel S. V. Kondratyevskiye volny v mirovoy ekonomicheskoy dinamike [Kondratiev waves in the world economic dynamics]. In: *Sistemnyy monitoring. Globalnoye i regionalnoye razvitiye* [System monitoring. Global and regional development]. Eds. D. A. Khalturin, A. V. Korotayev. Moscow, 2009, pp. 189–229 (in Russian).
4. Pokrovskiy V. N. Energy in the theory of production. *Energy*, June 2003, vol. 28, no. 8, pp. 769–788.
5. Korotayev A. V., Grinin L. Ye. Kondratyevskiye volny v mir-sistemnoy perspective [Kondratiev waves in the world-systemic perspective]. In: *Kondratyevskiye volny. Aspekty i perspektivy* [Kondratieff waves: dimensions and prospects]. Eds. A. A. Akayev, R. S. Grinberg, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, S. Yu. Malkov. Volgograd, 2012, pp. 58–109 (in Russian).
6. Mikhelkevich V. N., Radomskiy V. M. *Osnovy nauchno-tekhnicheskogo tvorchestva* [Basics of scientific and technical creativity]. Rostov-on-Don, 2004. 320 p. (in Russian).
7. Ikenson B. *Patents: Ingenious Inventions: How they work and How they came to be*. New York, 2004. 228 p.
8. Mitcham C. *Thinking through Technology: The Path between Engineering and Philosophy*. Chicago, 1994. 405 p.

Cite this article as:

Kondaurov A. S. N. D. Kondratiev's Cyclic Approach to the Description of Structural Changes in the Technosphere. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 136–140. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-136-140.

УДК 111.1+101.2+929Деррида

БЫТИЕ-ЗНАЧЕНИЕ В ДЕКОНСТРУКТИВНОЙ ОНТОЛОГИИ ЖАКА ДЕРРИДА

В. Г. Косыхин

Косыхин Виталий Георгиевич, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Kosyhinvg@rambler.ru

В статье рассматривается проблема онтологического содержания деконструктивной герменевтики Ж. Деррида. Демонстрируется, что бытие и событие поздней хайдеггеровской онтологии в онтологической перспективе деконструкции уступают место пост-событийному, т. е. сочетающему сингулярность с ее собственным отсутствием, бытию-значению, где бытие не мыслится вне контекста возможностей его интерпретации. Задача деконструктивной онтологии состоит вовсе не в том, чтобы изобретать понятия, как это полагал, к примеру, Ж. Делез, но в том, чтобы видеть различные области значений, к которым могут быть приложены те или иные онтологические понятия. В этом смысле деконструкция сближается автором с позднеантичной онтологической герменевтикой платонизма. Новое переосмысление платонизма, характерное для работ Лосева, Колычева, Бадью, Деррида, снова возвращает нас непосредственно к онтологическому измерению платоновской терминологии и является, по мнению автора, магистральной линией развития современной онтологии. Онтологическое измерение деконструкции возникает в ходе проведения различий внутри контекстов значений онтологических терминов языка. В таком случае мы можем говорить уже о порождении философским текстом определенных смыслов, создающих условия для дальнейшей онтологической интерпретации. Анализ области этих смыслов и составляет онтологическое содержание деконструкции.

Ключевые слова: деконструкция, событие, бытие-значение, герменевтика, платонизм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-141-145

Существует ли вообще деконструктивная онтология? Даже по сей день для многих, возможно, под влиянием аналитической критики в духе Д. Р. Серля, назвавшего деконструкцию течением в американском литературоведении, деконструкция ассоциируется более с эстетическим, чем собственно онтологическим измерением философского дискурса. Отрицая онтологическое значение деконструкции в пользу эстетического, при этом часто забывают, что та же эстетика вполне совместима с онтологией, о чем свидетельствует опыт ницшеанского аргумента «от стиля», магико-поэтического эффекта говорения о бытии позднего М. Хайдеггера или отождествление эстетики и онтологии в работах А. Ф. Лосева. В конце концов, сцена онтологического анализа

для деконструкции при всем языковом акценте несколько отличается от аналитической или герменевтической классики языкового поворота. Настоящий аналитик – человек с воображением. Эти слова Э. По и Ж. Деррида во многом могут служить основанием для последующих размышлений о метафизической трансформации современной философии, где критика прежних метафизических форм разума сменяется нащупыванием контуров новой метафизики.

По сути дела, разграничительной линией здесь стала деконструкция, сочетающая критику метафизики с конфигурированием новых пространств, потенциально метафизически значимых (дерридеанская рецепция феноменологии). Ключевыми для деконструктивной реконфигурации онтологии выступают проблемы бытия, значения и субъекта, вернее взаимосвязь этих проблем в пространстве их взаимозависимости. Бытие и событие уступают свое место пост-событийному, т. е. сочетающему сингулярность с ее собственным отсутствием, бытию-значению, где существующее немислимо вне контекста возможностей его интерпретации. В физике в свое время аналогичный процесс происходил в процессе построения квантовой теории – неопределенность и гипотеза фундаментальных симметрий В. Гейзенберга. Эти возможности требуют новых форм анализа, в которых генерируемое языком воображение, не беспредельное, но ограниченное неким спектром грамматических и терминологических значений, играет главную роль.

Бытие-значение как новая онтологическая реальность раскрывается как единое-многое и симметрично отображается в спектральном субъекте, в котором целостность не противоречит возможности смещения по заданным линиям спектра тех или иных значений терминов языка. Проблемы различия религиозного и светского, материального и идеального, естественнонаучного и гуманитарного уже не играют особой роли в метафизике бытия-значения, поскольку данные оппозиции выступают как одинаково возможные для любого семантико-прагматического выбора интерпретирующего субъекта, причем выбора не обязательно осознанного. Субъект здесь является

безразличным и пассивным как целое, но воображающим и активным как фрагментарность или как инстанция актуализации размещения в некоей спектральной возможности бытия-значения, которая принципиально равнозначна другим возможностям-линиям. Колебание между этими двумя-и-многими состояниями вполне отчетливо характеризует сферу современной субъективности. Как справедливо замечает В. Декомб, «мы считаем себя субъектами не потому, что чувствуем себя таковыми, а потому, что наша мысль находится под воздействием системы значений, а эта система важна для философии так же, как и она сама» [1, с.8].

Для деконструкции во многом именно через критику Хайдеггера становится возможным начертание основных линий нового онтологического мышления – мы говорим об онтологии, потому что вслед за Хайдеггером понимаем, что философия есть онтология. Но при этом возникает дополнительный вопрос: как понимать эту онтологию и, следовательно, философию? И здесь деконструкция почти всегда и непременно задает еще один вопрос: а что такое философ? Это человек, который, в первую очередь, работает с терминологическими значениями языка философии. Не тот, кто слышит голос бытия или постигает истину бытия (почти всегда и непременно по Хайдеггеру), но тот, кто работает со смыслами этой истины бытия, – философия, о чем после Хайдеггера многие склонны забывать, заняв интеллектуальное. И Хайдеггер, и В. В. Библихин пытались показать недостаточность интеллектуального измерения философии, но та интеллектуальная философия, с которой они имели дело, начиная от неокантианства и заканчивая определенными формами неопозитивизма, находится на весьма почтенном расстоянии от тех границ интеллектуальности, которые задаются деконструкцией. Сама онтология деконструкции в значительной мере существует как критика той критики прежней онтологии, которую мы встречаем у Хайдеггера.

Близость этих двух критик происходит в силу требуемого ими переосмысления терминов наследия философии, но отличие онтологической позиции Деррида от онтологии Хайдеггера состоит в отрицании самодовлеющего бытия: для деконструкции не существует бытия, помимо бытия значения, бытие всегда что-то значит. Вопрос только в том, в каком смысле его переосмыслять. Здесь включается логика дополнительности (*supplément*): не герменевтика бытия, а герменевтика значения, поскольку для Деррида бессмысленно говорить о бытии самом по себе,

бессмысленно говорить о *Dasein* самом по себе, в отрыве от того значения, которое ему приписывает как хайдеггеровская, так и постхайдеггеровская онтология. Отсюда: деконструкция имеет дело со смещающимися спектрами значений или с областями значимости.

Таким образом, онтология у Деррида переходит на некий новый уровень, который требует кропотливых интеллектуальных исследований, т. е. превращается в своеобразную терминологическую работу мысли. Работа мысли составляет вовсе не «дело философии» (это модное ныне словосочетание, которое слишком часто и во многих контекстах вставляют по делу и не по делу), потому что у философии, как об этом прощательно писал еще Аристотель, в отличие от других наук нет вообще никакого дела. Вопрос не в том, чтобы заниматься каким-то одним делом, а в том, чтобы попасть в то поле смыслов, которое генерирует философия, и даже философии – во множественном числе: мы находимся отнюдь не в поле или полях философии, а в поле смыслов, даже в полях смыслов, которые порождаются разными философиями. Собственно деконструктивная критика учит понимать, когда мы находимся в одном поле и когда мы переходим уже в другое или одновременно располагаемся сразу в нескольких, чьи пересекающиеся границы вовсе не требуют радикальной отмены границ или уводящей в никуда безграничности.

Для деконструкции речь идет не о том, как это иногда склонны думать ее оппоненты, будь то Серль, Х.-Г. Гадамер или Ю. Хабермас, чтобы просто кого-то критиковать ради самого процесса критики, но о том, чтобы обнаружить некие смысловые горизонты или переплетения, которые позволят нам лучше представить интеллектуальные «пейзажи» того, что мы называем онтологией. Онтологией, повторю, уже не бытия, перечеркнутого крест-накрест поздним Хайдеггером, но бытия-значения.

По большому счету, деконструкция – это деконструктивная герменевтика; она не относится к философии постмодернизма, к которой Деррида никогда себя не причислял, в отличие от того же Ж.-Ф. Лиотара. Деконструкция и без постмодернизма – достаточно широкое явление: во-первых, всегда следует иметь в виду, что деконструкция зарождалась не только во Франции, но и в Америке, а вернее и там, и там одновременно. Вспомним, что первая презентация деконструкции состоялась в Балтиморе на международном коллоквиуме «Языки критики и гуманитарные науки» в университете Д. Хопкинса и что именно Йельская школа деконструктивизма открывала

новые перспективы деконструктивистской герменевтики, в том числе и в сфере онто-теологии. Во-вторых, существует целый ряд современных направлений пост-деконструктивного онтологического анализа, пожалуй, наиболее интересным и влиятельным из которых является концепция М. Мардера, соединяющего во многом парадоксальную идею постдеконструктивного синтеза со своеобразной растительной онтологией в духе аристотелевского учения о душе.

Если мы берем пространство феноменологии, то хайдеггеровская феноменология для деконструкции вовсе не означает прогрессивного шага вперед по сравнению с гуссерлевской – это шаг просто в другом направлении. И то, что феноменологически удалось получить Хайдеггеру для проекта новой онтологии, обрелось за счет утраты того, что представляло онтологический интерес в проекте Гуссерля, и наоборот. Поэтому можно говорить о двух параллельно развивающихся онтологических проектах, гуссерлевском, где основное внимание уделяется созерцанию, и хайдеггеровском, где это внимание концентрируется на событии. Более того, по сути, вся философия онто-историзма так или иначе нацелена на событие, берем ли мы Ницше, Хайдеггера с их критикой платонизма либо же их последователей – событие становится центральным пунктом онтологии. Деконструктивная критика событийных онтологий в этом смысле вполне продолжает классическую традицию. В онтологии Платона или Аристотеля событие играет вторичную роль по отношению к созерцанию, созерцание же принципиально не может быть событием.

Событие (*Ereignis*), согласно определению Хайдеггера, всегда уникально и неповторимо. Если мы будем исходить из такого определения события, то созерцание окажется всегда не уникальным и всегда повторимым. Впрочем, в отношении Деррида и деконструкции все, как всегда, выглядит не столь однозначным. Поскольку сама терминология Деррида предполагает некое интеллектуальное созерцание, работу с терминами, создающую в тексте своеобразные камерные пространства значимостей, то в результате любое событие теряет черты абсолютной уникальности и обретает уникальность множественную. Одно дело говорить, что мы неповторимо уникальны, но совсем другое дело говорить, что мы во множестве уникальны, поскольку последнее подразумевает утрату своей единственной и неповторимой уникальности. И вот это то, что происходит в деконструкции: мысль перестает быть решающим событием внутри бытия, поскольку имеет множество планов, множество ответвлений и множество

аспектов, которые не позволяют мысли стать событием. Как не сделать мысль событием – вот чем, по сути дела, озабочена деконструктивная онтология, или как бытию-значению не превратиться в прежнее бытие.

Онтология Деррида выходит за пределы тех горизонтов, которые предлагала философия постмодерна. Онтология в деконструктивистском понимании вовсе не учение о бытии или мире, это бесконечная терминологическая работа с границами значимости понятий мира, бытия, языка. Бесконечная еще и в том смысле, что нет той точки останова, в которой значение мира и бытия застывает в определенных границах. Это касается и интерпретации философской традиции. Как только мы решили, что, например, Кант прочитан и понят, это означает, для Деррида, только то, что мы так и не прочитали Канта и его не поняли. Кант не может быть прочитан до конца и не может быть понят до конца, процесс понимания Канта как постоянное уточнение значений всегда продолжается. Нет последнего суждения, последнего слова о Канте или последнего слова о Хайдеггере. В этом смысле деконструкция сближается с эйдетической диалектикой А. Ф. Лосева, которая тоже выходит за горизонты конечности понимания Платона, преодолевая устойчивое представление об идеализме платоновской философии как раз на пути тщательной терминологической проработки значений платоновских терминов. Лосев, как и Хайдеггер, как и Деррида, тоже предлагает пути мышления, которые позволяют нам вернуться к переосмыслению самих оснований онтологии. Для деконструктивной онтологии проблема, именно проблема начала или проблема оснований является ключевой.

Что означает основание? Никогда не существует только одного основания. Оснований всегда больше, чем одно. Поэтому, полагает Деррида, философия никогда не начинается заново, она всегда продолжает себя, т. е. философская мысль обнаруживает себя именно в момент своего продолжения. Когда мы думаем, мы продолжаем думать, но когда мы начинаем думать, мы еще не думаем. Деконструкция – это постоянное продолжение мысли, когда начало и конец в определенном смысле постулируются из факта или ситуации продолжения. Здесь деконструкция вплотную соприкасается с тем, что Гуссерль называл *philosophia perennis* – вечной философией.

В целом, говоря об онтологии после постмодерна, нужно обратить внимание на то, что можно определить как возрастание интереса к новому переосмыслению платонизма. А. Бадью

говорит о платоновском жесте философии и развороте современной онтологии к платонизму. А. Ф. Лосев еще в 80-е гг. прошлого столетия подчеркивал необходимость заново перечитать диалоги Платона в свете комментариев платонической традиции, и прежде всего Прокла. Причем эта новая герменевтика Платона предлагалась им не как задача истории философии, но как задача современной онтологии. В наши дни П. М. Колычев предложил свою оригинальную современную онтологическую интерпретацию диалогов Платона, в частности диалога «Тимей». Согласно Колычеву, каждый диалог Платона содержит особую онтологию, в чем-то пересекающуюся, а в чем-то и нет с онтологиями других диалогов. Любая попытка создания единой «идеалистической» онтологии платонизма рассматривается Колычевым как искусственная конструкция над онтологиями различия или релятивности [2, с. 8–14]. Тем самым платонизм у Колычева является неким порождающим полем онтологии, в том числе и онтологии современной. Это совершенно иной взгляд на Платона, чем тот, что до этого был в онтологии прошлого столетия. Работы Лосева, Колычева, Бадью, Деррида вводят нас непосредственно в онтологическое измерение платоновской терминологии. В этом измерении «идея» уже обладает не просто бытием, как полагали многие историки философии прошлых столетий, но именно бытием-значением. Онтологическая современность во многом прочитывается сквозь призму тех интерпретаций, которые современная мысль в состоянии предпринять для интеграции в себя мотивов платоновской философии.

Задача деконструктивной онтологии состоит вовсе не в том, чтобы изобретать понятия, как это полагал, к примеру, Ж. Делез, но в том, чтобы видеть различные области значений, к которым могут быть приложены те или иные онтологические понятия. Это означает смотреть, как, в каких контекстах фигурируют термины, изобретенные, например, Платоном, Фрейдом или Хайдеггером, что эти контексты могут означать для нас, как мы можем улучшить понимание той истины, о которой всегда говорит философия, и как мы можем к ней приблизиться путем неустанного терминологического анализа.

Деконструкция обращает внимание на различие языков философии. Проблема видится уже не в том, что есть «единый» язык онтологии, а в том, что языки онтологии у Платона и Аристотеля существенно отличаются. Более того, различие пронизывает терминологические значения ранних и поздних диалогов самого Платона. О подобном различии внутри языка онтологии можно говорить и в случае сравнения Платона и неоплатоников. Более того, внутри текстов неоплатоников осуществляется постоянное различие контекстов значений онтологических терминов языка. Когда мы постоянно концентрируемся на различии, самоотличии языков, то в результате перед нами возникает некая область бытия-значения, постоянно дифференцируемых смыслов. Понимание как раз и связано с четким проведением дифференциации, с умножением проводимых дистинкций и различий между смыслами. Например, с позиций деконструктивной герменевтики, чем больше мы вносим различий внутрь сферы значений хайдеггеровской терминологии, чем больше Хайдеггер начинает спорить с Хайдеггером, тем лучше мы понимаем Хайдеггера. И этот спор есть место рождения истины, не истины бытия, но истин бытия-значения.

Бытие-значение порождает контекст, обладающий эффектом или энергией смысла. Оно понимаемо внутри порожденного им контекста. Создание контекстов – вот чем занята деконструкция, контекст, даруемый бытием-значением, и есть та область, где философская теория и практика совпадают. Ведь деконструкция – это постоянное внесение контекстуальных уточнений и различий в процесс понимания, ситуация различения уточнений и получения удовольствия от уточнений различий. В конце концов, занятие философией должно сопровождаться удовольствием, которое и получает ум, когда он совершает работу контекстуального различения и уточнения понятий, генерируемых внутри и вокруг бытия-значения.

Список литературы

1. Декомб В. Дополнение к субъекту : исследование феномена действия от собственного лица. М., 2011. 576 с.
2. Колычев П. М. Онтология Тимея. СПб., 2012. 255 с.

Образец для цитирования:

Косыхин В. Г. Бытие-значение в деконструктивной онтологии Жака Деррида // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 141–145. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-141-145.

Being-meaning in the Deconstructive Ontology of Jacques Derrida

V. G. Kosykhin

Vitaliy G. Kosykhin, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, Kosyhinvg@rambler.ru

The article deals with the problem of the ontological content of the deconstructive hermeneutics proposed by Jacques Derrida. It is demonstrated that being, recognized as the event in the late Heideggerian ontology, in the ontological perspective of deconstruction yields its place to the post-eventual being-meaning, combining the singularity with its own absence, where being could not be conceived outside the context of the possibilities of its interpretation. The task of deconstructive ontology is not at all to invent concepts, as G. Deleuze believed, but to see the different ranges of meanings to which certain ontological concepts can be attached. In this sense, the author connects deconstruction with the modern ontological hermeneutics of Platonism. The new rethinking of Platonism, which is characterized by the works of Losev, Kolychev, Badiou, Derrida, brings us again back to the

ontological dimension of Platonic terminology and constructs, according to the author, the main line of development of modern ontology. The ontological dimension of deconstruction arises in the course of making differences within the contexts of the meaning of the ontological terms of the language. In this case, we can already speak of the generation of certain meanings by the philosophical texts that create conditions for further ontological interpretation. An analysis of the sphere of these meanings constitutes the ontological content of deconstruction.

Key words: deconstruction, event, being-meaning, hermeneutics, Platonism.

References

1. Descombes V. *Le complément de sujet – Enquête sur le fait d'agir de soi-même*. Paris, 2004. 540 p. (Russ. ed.: Dekomb V. *Dopolnenie k subektu: issledovanie fenomena deystviya ot pervogo litsa*. Moscow, 2011. 576 p.).
2. Kolychev P. M. *Ontologiya Timeya* [Ontology of Timaeus]. St. Petersburg, 2012. 255 p. (in Russian).

Cite this article as:

Kosykhin V. G. Being-meaning in the Deconstructive Ontology of Jacques Derrida. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 141–145. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-141-145.

УДК 111.1:1:(091) (44):141.131:502,12:1

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАРЛА МАРКСА КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА НАУКИ

С. Ф. Мартынович, М. О. Орлов

Мартынович Сергей Федорович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sfmtart@mail.ru

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, orok-saratov@mail.ru

Статья посвящена изучению в контексте традиции философии науки проблем рациональности, которые свойственны научным исследованиям К. Маркса. Философия науки осмыслена как исторический процесс и исторический результат систематического применения всего смыслового потенциала философии к осмыслению феномена науки, истории науки. К анализируемому множеству проблем научной рациональности отнесены логичность и методологичность, аксиологичность и телеономичность социологических и экономических исследований Маркса. Анализ диалектического метода Г. В. Ф. Гегеля, антропологического мышления Л. Фейербаха предшествует осмыслению специфики исторической новизны диалектико-материалистической методологии осмысления Марксом сущности человека, общества, истории. Решается задача понимания статуса научности его исследований. Выясняются, какие регулятивы научного творчества были определяющими – истина или практический интерес. Поскольку концепция саморазвивающегося процесса мышления, развитая Гегелем, была радикально переосмыслена Марксом и в контексте идеи социальной материи применена к познанию капиталистического производства, постольку она подвергнута своеобразной рациональной реконструкции. Показано, что процесс жизни человека и общества осмыслен как двойное отношение – естественное и общественное. Определенный способ производства жизни необходимо связан с определенным способом общественной деятельности. В этой связи исследуется конструктивность методологического требования постижения истории человечества, которую всегда необходимо изучать в связи с историей промышленности и обмена.

Ключевые слова: философия науки, диалектика Гегеля, антропологизм Фейербаха, материалистическое понимание истории Маркса, стороны социальной деятельности, научная рациональность, логичность, методологичность, аксиологичность, телеономичность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-146-151

Результаты научных исследований К. Маркса оказали существенное влияние на культуру и цивилизацию XX в., на жизнь всего человечества. Социальные преобразования на планете Земля происходили и происходят в контекстах тех или иных отношений к идеям этого мыслителя –

философа, ученого, общественного деятеля. Поставив задачу изменения мира, Маркс подошел к ее решению с позиций науки, философского и научного творчества, научного исследования действительности. «Самый влиятельный из социалистических мыслителей, Маркс радикально изменил взгляд на общество и мир» [1, с. 37]. Это преобразование понимания истории и общества, мира и человека было, по оценке Тернера, действительно революционным.

Целью статьи является осмысление научных исследований К. Маркса в контексте концептуальных возможностей исторически развивающейся традиции философии науки. Она состоялась и развивается как исторический процесс и исторический результат систематического применения всего смыслового потенциала философии к осмыслению феномена науки, истории науки.

Деятельность гражданского общества на различных его ступенях осуществляется в области государственной жизни. Исходя из этой деятельности, объясняются формы сознания, религия, философия, мораль, взаимодействующие со всеми сторонами целостно функционирующего общества. Все идейные образования объясняются из материальной практики людей. Поэтому критика всех идейных образований осуществляется «практическим ниспровержением реальных общественных отношений <...> не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и всякой иной теории» [2, с. 360].

Каждая ступень истории функционирует на основе воспринятых от предшествующей производительных сил, определенных отношений людей к природе и отношений людей друг к другу. Эти наличные условия жизни творят людей, а люди творят свои условия жизни. Существующие производительные силы, капиталы, социальные отношения есть суть того, что философскому сознанию представлялось в виде субстанции, сущности человека.

На основе материалистического понимания истории осмысляется природа повторяющихся революционных потрясений, степень их возможной радикальности. В контексте этой концепции формулируется понятие материальных элемен-

тов всеобщего переворота, к которым отнесены определенные производительные силы, а также революционные «массы», восстающие против существующего способа производства жизни.

Если определенное понимание истории отрицает ее материальную основу, то этим из исторических описаний исключается отношение людей к природе, которая противопоставляется истории. Всемирная история не может быть сведена к истории представлений, «оторванной от фактов и практических процессов, лежащих в основе этих представлений» [3, с. 40].

Методология обоснования тезиса о духе как определяющей движущей силе мировой истории предполагает, во-первых, отделение мыслей от мыслящих господствующих индивидов; тогда мысли представляются господствующими сами по себе. Во-вторых, устанавливается связь мыслей, которые в действительности следуют друг за другом исторически при посредстве опыта, но истолковывается эта связь как связь автономно духовная, обусловленная только саморазличениями мышления. В-третьих, процесс самоопределения понятия, саморазличения мышления наделяют действующим лицом (философом, идеологом), которое представляется творцом истории. Этими шагами устраняются практические основания мировой истории. «Этот исторический метод <...> надо объяснить, исходя из его связи с иллюзиями идеологов вообще...» [4, с. 49].

Отделение города от деревни – факт разделения материального и духовного труда. Явления перехода от варварства к цивилизации, от племенной формы жизни к государству, формирования наций установлены эмпирически.

Город концентрирует производство, орудия труда, капиталы, население как рабочую силу. Деревне свойственны изолированность и разобщенность населения. «Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности» [5, с. 50]. Частная собственность подчиняет человека сложившимся видам разделения труда, способам производственной деятельности. Частная собственность производит отчуждение труда. Отделение города от деревни предполагает отделение капитала как собственности, основанной только на труде и обмене продуктами труда, от земельной собственности. Феодальная организация жизни предполагала цеховую организацию труда. Документально установлено, что в Средневековье происходил переход крепостных крестьян в города, цеховая организация труда в которых нуждалась в поденной работе, что породило социальный класс почти бесправных работников.

Средневековый городской капитал, складываясь исторически, заключал в себе жилище, инструменты ремесленного труда, наследственную клиентуру. Слабое обращение определяло переход капитала по наследству от отца к сыну. Он был прямо связан с ремесленным характером труда – был сословным капиталом.

Обособление торговли от процесса производства было следующей исторической ступенью разделения труда, которое породило класс купечества. Расширение торговых связей зависело от средств общения, характера безопасности на дорогах, потребностей культуры. Вновь возникающие связи торговли и производства способствовали расширению разделения труда между городами.

Класс горожан возник в Средние века в процессе расширения торговли, путей сообщения, обострения борьбы ремесленников с сельским дворянством. По мере превращения наличной собственности в промышленный и торговый капитал растет влияние буржуазного класса. «Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса» [6, с. 54]. Возникнув, класс функционирует как самостоятельная по отношению к индивидам социальная сила. Разделение труда и разделение общества на классы есть взаимосвязанные социальные и экономические процессы.

Разделение труда между городами, расширение внутреннего и внешнего рынков, концентрация населения и капитала обусловили возникновение мануфактур, обобщивших цеховую организацию труда. Такакое мануфактурное производство, связанное с машинами, получило импульс развития вместе с процессами роста населения, накопления капитала, развития торговли, ускорения обращения.

Отношения собственности менялись в ходе освобождения мануфактурного производства от цеховых ограничений. Конкуренцию сословному капиталу составил капитал купеческий – движимый капитал. Мануфактурное производство обеспечило рост движимого капитала, ассимилировало такое социальное явление, как бродяжничество. Торговля становится ареной конкурентной борьбы государств, приобретая политическое содержание. Войны, пошлины, санкции – ее инструменты. Внутрицеховые патриархальные отношения мастеров к подмастерьям уступили место денежным отношениям капиталистов и рабочих.

Возникновение мирового рынка обусловило возникновение всемирной истории. Торговля, мануфактурное производство обеспечили

формирование крупной буржуазии. Развитие спроса способствовало возникновению крупной промышленности, развитию машинного производства и дальнейшему разделению труда, углублению конкурентных отношений.

Социальные революции в Англии и во Франции были средством формирования универсальной конкуренции в крупном промышленном производстве и обращении. Следствием развития промышленного капитала, сопряженного с развитием денежного обращения, была его централизация. Крупная промышленность оказала влияние на идеологию и религию, политику, мораль и науку, превратила сложившиеся отношения в денежные, создала посредством универсальной взаимозависимости всемирную историю.

Для развивающихся производительных сил необходимы развивающиеся производственные отношения, отношения собственности. Господство частной собственности создает односторонние условия для развития производительных сил. Крупная промышленность типизирует отношения общественных классов. Она «создает класс, которому во всех нациях присущи одни и те же интересы и у которого уже уничтожена национальная особенность, – класс, который действительно оторван от всего остального мира и вместе с тем противостоит ему» [7, с. 61].

Отчуждение труда становится фактом всемирной истории в условиях развития крупной промышленности. Противоречие между производительными силами и формами общения, воспроизводящееся в контексте целостности общества, проявлялось в виде революции, идейной и политической борьбы.

Существенной методологической особенностью научного исследования Маркса является констатация и применение в научной аргументации интересу субъективно проверяемых научных эмпирических фактов. «В предшествующей истории является безусловно эмпирическим фактом <...> то обстоятельство, что отдельные индивиды ... подпадали под власть силы, которая <...> проявляется как мировой рынок» [5, с. 36]. Маркс считает эмпирически обоснованным и то, что эта сила уничтожится посредством коммунистической революции, которая отождествляется с уничтожением частной собственности.

Если Гегель применяет понятия ступеней и моментов в процессе рациональной реконструкции саморазвития логической идеи всеобщей сущности вещей, то Маркс применяет понятия ступеней, сторон и моментов в процессе рациональной реконструкции саморазвития целостности общества на основе саморазвития материального производства непосредственной жизни

людей, представленного в виде формирования, развития и смены определенных способов производства жизни, определенных общественно-экономических формаций.

Метод политической экономии Маркса является конкретизацией принципов его концепции материалистического понимания истории, диалектико-материалистической методологии в целом. Посредством анализа капитала, земельной собственности и наемного труда изучаются экономические условия жизни классов современного ему буржуазного общества.

Государство, внешняя торговля и мировой рынок взаимосвязаны в процессе движения капитала. Метод познавательного восхождения от частного к общему характерен для исследования экономических процессов. Критика гегелевской философии права привела Маркса к выводу, что правовые отношения, формы государства невозможно понять ни из них самих, ни из развития духа. В действительности они происходят из материальных жизненных отношений, из так называемого «гражданского общества», антитему которого «следует искать в политической экономии» [6, с. 7].

Руководящей нитью исследований Маркса стало понимание того, что в общественном производстве своей жизни люди объективно вступают в определенные производственные отношения. Они с необходимостью соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил. Определенные производственные отношения составляют экономическую структуру общества, которой соответствуют юридическая и политическая надстройка, определенные формы общественного сознания. «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [6, с. 7].

Способ производства материальной жизни людей исследуется в процессе своего развития. На определенной ступени развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с наличными производственными отношениями, с отношениями собственности, внутри которых развивались. Когда производственные отношения из форм развития производительных сил превращаются в их оковы, «наступает эпоха социальной революции» [6, с. 7]. При исследовании наступающего переворота в надстройке необходимо отличать материальный переворот в экономических условиях производства от идеологических форм (юридиче-

ских, политических, религиозных, художественных, философских), посредством которых он осознается. Осознание этого переворота Маркс объясняет из противоречий материальной жизни, из конфликта производительных сил и производственных отношений.

Новые более развитые производственные отношения формируются лишь тогда, когда складываются материальные условия их существования в структуре старой общественной формации. Поэтому азиатский, античный, феодальный, буржуазный способы производства оцениваются Марксом как «прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [6, с. 7].

Маркс делает вывод, что буржуазные производственные отношения являются «последней антагонистической формой общественного процесса производства <...> в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов» [6, с. 7–8]. Развивающиеся производительные силы буржуазного общества создают материальные условия для разрешения этого антагонизма.

В работе «Нищета философии» Маркс впервые научно изложил свои взгляды. Эмпирический статус исследований Маркса выражается, в частности, в систематическом применении метода измерения. А. Смит принимал две меры (единицы измерения) стоимости – рабочее время, необходимое для производства товара, а также стоимость труда. Д. Рикардо отметил различие между этими способами измерения.

Производство, по Марксу, основывается на антагонизме социальных субъектов производства, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. «Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней» [4, с. 96]. Определение стоимости рабочим временем есть «научное выражение экономических отношений современного общества» [4, с. 102].

Объяснение производства посредством отношений разделения труда, кредита, денег, рассматриваемых как вечные и неизменные категории политической экономии капитализма, не объясняет, как производятся сами эти отношения. Остается невыясненным «то историческое движение, которое их порождает» [4, с. 129]. Категории политической экономии Маркс понимает как теоретическое выражение исторически изменяющихся общественных отношений производства.

Целостность – методологический принцип политической экономии Маркса: в каждом обществе производственные отношения понимаются как нечто целое в системе общественного орга-

низма. Производственные отношения буржуазного общественного организма характеризуются двойственностью. В их структуре производятся богатство и нищета, развиваются производительные силы, а также силы, производящие угнетение.

Понятие рациональности научного исследования включает в свое содержание также и его аксиологичность, в которой выделяются оценки и ценности, идеалы и нормы науки. Ее предметным универсумом является все содержание оценочно-ценностного отношения, как оно вовлечено в процессы научно-познавательной деятельности.

Объективность научных исследований – принципиальная познавательная ценность творчества Маркса. Исследуя традицию английской экономической мысли, Маркс не принял ее вне рациональную предпосылку, которая состояла в выражении интересов работодателя-капиталиста. Не нарушая принципов научной рациональности своей эпохи, автор «Капитала» объективно защищал интересы наемных работников. При этом обращение к объективному исследованию научных фактов истории, социологии, экономической науки было принципиальной установкой его научного творчества.

Здесь важно подчеркнуть, что внерациональные ценностные предпосылки научного исследования, с одной стороны, едва ли устранимы из науки вообще, с другой стороны, они могут целенаправленно искать ученого. К примеру, критик творчества К. Маркса К. Поппер признавал, что он сознательно опирается в своем осмыслении логики научного исследования на такую внерациональную ценностную предпосылку, как любовь к свободе творчества ученого. Он выбрал не дескриптивную версию методологии науки, которая возрождала проблему индукции, а ту, которая гармонически соотносилась, по его мнению, с этой любовью к свободе научного творчества. Поэтому он исследует возможности прескриптивной версии методологии науки и представляет в качестве ее варианта дедуктивную методологию науки.

Аксиологичность научных исследований Маркса состояла в понимании идеала науки вообще, которому должна соответствовать и наука об обществе и человеке. Ответы философов и ученых на вопрос о специфике научной рациональности, формулируемые в виде идеала науки, историчны. В новое время принято различие науки в собственном смысле и науки в несобственном смысле. Наукой в собственном смысле полагалась та, достоверность которой аподиктична. Познание, имеющее лишь эмпирическую достоверность, есть познание в несобственном

смысле. Согласно этому весьма строгому идеалу, если принципы науки лишь эмпиричны (не априорны) и законы, посредством которых объясняются данные факты, тоже эмпиричны, то этим принципам и законам не свойственна необходимость, следовательно, их возможная достоверность не аподиктична. Такие науки оценивались как науки в несобственном смысле.

Раскрывая содержание идеала науки в собственном смысле, И. Кант подчеркивал, что в его структуре необходимо взаимосвязаны три компонента – метафизика, математика и опыт. Центром метафизики, по Канту, является таблица категорий рассудка. В исследованиях Маркса в качестве такого центра анализируется и критикуется совокупность всеобщих определений мышления, представленная в «Логике» Гегеля в виде концепции саморазвивающегося процесса мышления. Опыт экономических отношений, предполагающих отношения обмена товарами, исследовался и описывался посредством языка математики, точности которого Маркс придавал принципиальное значение. Точность фактов экономической статистики – существенный идеал исследований Маркса. Это признание ученого очень важно для понимания специфики рациональности его научных исследований социальных процессов в аспекте аксиологии познания.

Понятие рациональности научного исследования включает в свое содержание также и его телеономичность. Целенаправленность фундаментальных теоретических и прикладных научных исследований различаются. Если целью теоретического исследования является открытие нового фундаментального закона, переосмысление оснований науки, создание новой научной теории, то целью прикладных естественнонаучных исследований может быть создание «изделия», социальных – разработка новых социальных технологий. В зависимости от достижения поставленной цели определенного исследования оценивается и определенный аспект его рациональности.

Телеономичность научных исследований Маркса состояла в понимании им цели собственного научного творчества. В самом общем виде целью его научных исследований было познание законов функционирования и развития капиталистической общественно-экономической

формации, возможное применение которых могло быть инструментом практического изменения социального мира человеком. Это могло способствовать практическому решению задачи изменения мира, сформулированной в «Тезисах о Фейербахе». Философы различным образом объясняли мир, но задача, согласно убеждению Маркса, состояла в том, чтобы изменить его. Это положение характеризует практическую целенаправленность всего его творчества.

В творчестве Маркса актуализирована идея универсального прогресса, которая была применена к пониманию соотношения феодализма, капитализма и социализма как ступеней самодвижения человеческого общества. Радикальность истолкования Марксом этой идеи состояла в том, что оно требовало, не ограничиваясь объяснением, выработать научно обоснованную программу прогрессивного изменения реально существующего социального мира.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых – докторов наук (МД-190.2017.6) по теме «Национальная система экспертных сообществ и процесс социализации научной молодежи в условиях обострения цивилизационного противостояния».

Список литературы

1. The Cambridge dictionary of sociology / ed. by V. S. Turner. Cambridge, 2006. 688 p.
2. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 414–429.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 7–544.
4. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 65–185.
5. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 1–167.
6. Маркс К. Анкета для рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 233–240.
7. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 115–217.

Образец для цитирования:

Мартынович С. Ф., Орлов М. О. Философское наследие Карла Маркса как основание для осмысления феномена науки // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 146–151. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-146-151.

Philosophical Heritage of Karl Marx as Basis for Judgment of a Phenomenon of Science

S. F. Martynovich, M. O. Orlov

Sergey F. Martynovich, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, smart@mail.ru

Mikhail O. Orlov, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, orok-saratov@mail.ru

The article is devoted to the study, in the context of the tradition of the philosophy of science, of problems of rationality that are characteristic of the scientific research of Karl Marx. The philosophy of science is understood as a historical process and the historical result of the systematic application of the whole semantic potential of philosophy to the comprehension of the phenomenon of science, the history of science. To the analyzed set of the problems of scientific rationality, the logical and methodological, axiological and teleonomical character of Marx's sociological and economic studies are related. Analysis of the dialectical method of Hegel, anthropological thinking of Feuerbach precedes the interpretation of the specific of the historical novelty of the dialectical materialist methodology of Marx's comprehension of the essence of man, society, history. The task of understanding the status of the scientific character of his research is been solved. It turns out which regulators of scientific creativity were decisive – the truth or practical interest. Since the concept of the self-developing thinking process developed by Hegel was radically rethought by Marx and applied to the knowledge of capitalist production in the context of the idea of social matter, it is subjected to a kind of rational reconstruction. It is shown that the process of production of human and social life is interpreted as a double relation – natural and social. A certain way of producing life must be connected with a certain way of social activity. In this connection, the constructiveness of the methodological requirement of comprehension of the history of mankind is studied, which must always be studied in connection with the history of industry and exchange.

Key words: philosophy of science, Hegel's dialectics, Feuerbach's anthropologism, Marx's materialistic understanding of history, aspects of social activity, scientific rationality, logicity, methodological, axiological, teleonomical.

Acknowledgements: Article is prepared within Grant of the President of the Russian Federation

for support of young Russian scientists – doctors of science on the subject “The National System of Expert Communities and Process of Socialization of Scientific Youth in the conditions of Aggravation of Civilization Opposition” (MD-190.2017.6).

References

1. *The Cambridge dictionary of sociology*. Ed. by B. S. Turner. Cambridge, 2006. 688
2. Marx K. Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Einleitung. Marx K. und Engels F. *Werke*: in 50 Bd. Berlin, 1960, Bd. 1, S. 378–391 (Russ. ed.: Marx K. K kritike gegelevskoy filosofii prava. Vvedenie. Marx K. Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1955, vol. 1, pp. 414–429).
3. Marx K., Engels F. Die deutsche Ideologie. Marx K. und Engels F. *Werke*: in 50 Bd. Berlin, 1962, Bd. 3, S. 9–530 (Russ. ed.: Marx K. Nemetskaya ideologia. Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1955, vol. 3, pp. 7–544).
4. Marx K. Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhons «Philosophie des Elends». Marx K. und Engels F. *Werke*: in 50 Bd. Berlin, 1971, Bd. 4, S. 63–182 (Russ. ed.: Marx K. Nischeta Filosofii. Otvet na «Filosofiu nischety» g-na Prudona. Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1955, vol. 4, pp. 65–185).
5. Marx K. Zur Kritik der Politischen Okonomie. Marx K. und Engels F. *Werke*: in 50 Bd. Berlin, 1976. Bd. 13, S. 3–160 (Russ. ed.: Marx K. K kritike politicheskoi ekonomii. Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1959, vol. 13, pp. 1–167).
6. Marx K. Fragebogen für Arbeiter. Marx K. und Engels F. *Werke*: in 50 Bd. Berlin, 1979, Bd. 19, S. 230–237 (Russ. ed.: Marx K. Anketa dlya rabochikh. Marx K. und Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1961, vol. 19, pp. 233–240).
7. Marx K. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. Marx K. und Engels F. *Werke*: in 50 Bd. Berlin, 1972. Bd. 8, S. 111–207 (Russ. ed.: Marks K. Vosemnadtsatoo Brumera Lui Bonaparta. Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1957, vol. 8, pp. 115–217).

Cite this article as:

Martynovich S. F., Orlov M. O. Philosophical Heritage of Karl Marx as Basis for Judgment of a Phenomenon of Science. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 146–151. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-146-151.

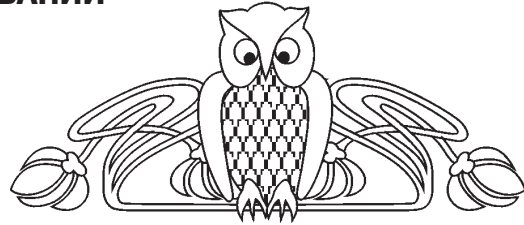

УДК 16:61

ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО КАК СЛЕДСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МЕДИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Д. В. Михель

Михель Дмитрий Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, dmitrymikhel@mail.ru

Целью статьи является философское осмысление результатов медико-антропологических исследований, посвященных проблематике психических расстройств в контексте социальных трансформаций. Следуя традиции, проложенной философской работой М. Фуко об истории безумия в Новое время, автор предлагает продолжить практику осмысления наиболее значительных «фрагментов безумия» в современном мире. Этот подход предполагает поддержание диалога с другими формами мысли, в том числе такой дисциплиной, как медицинская антропология. В статье рассматриваются две разновидности медикализовванного безумия – шизофрении в сельской Ирландии периода вступления в Европейское экономическое сообщество и массовой истерии в Малайзии времен начала модернизации ее экономики с участием транснациональных промышленных корпораций. Обсуждаются некоторые ходы мысли, представленные в работах классиков современной медицинской антропологии Н. Шейпер-Хьюз и А. Онг. Делается вывод, что и рост числа зарегистрированных случаев шизофрении, и массовые психозы на фабриках по производству микроэлектроники стали следствием глубоких социальных изменений, вынудивших правящие формы разума обнаружить свои пределы при столкновении с «иным».

Ключевые слова: философия, медицинская антропология, социальные изменения, безумие, разум, иное.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-152-157

В последние несколько десятилетий философская мысль все чаще предпочитает пребывать «на границах» своих владений, вступая в диалог с другими формами знания, в особенности биологией, медициной и социальными науками. Философия в эпоху ее «постметафизического существования» не берется судить «свысока» и предлагать обществу уже готовые смыслы. Вместо этого она стремится к «скромности», благодаря которой у нее появляется шанс участвовать в создании новых смыслов, а значит и новая возможность раздвинуть пределы мышления как такового. Одной из таких «пограничных областей», где философия встречается с другими формами знания, конечно, является проблема психического здоровья. Со времен знаменитой работы М. Фуко о безумии в Новое время проблема психического здоровья стала для философии столь же «своей», как и для истории, социологии, антропологии, ме-

дицины и целого ряда других наук. Философский вопрос Фуко о безумии в Новое время – это вопрос о границах разума и о том, что сам разум воспринимает как собственную границу, свое иное. Но кроме того, это вопрос, почему разум смог распознать безумие как свой предел и свое иное. Как известно, Фуко связал ответ на этот вопрос с проблематикой социальных изменений, которые захватили западный мир, начиная с XVII в.

Для современного философского знания исследование Фуко – это уже не столько модель, сколько повод для постановки новых вопросов. Кроме того, существенно изменился круг дисциплин, с которыми философская мысль может встретиться «на своих границах». Произошла пролиферация знаний. Возобновляя попытки осмыслить безумие в изменяющихся обществах, философия теперь встречается с медицинской антропологией, культурными и региональными исследованиями, различными формами политического анализа – постколониального, гендерного и т. д. Ставя вопрос о безумии в этих новых эпистемологических условиях, философия должна быть готова «услышать» то, что уже стало достоянием современной мысли. Двигаться дальше без готовности «слышать» и «говорить» свое, не отталкиваясь от «услышанного», уже невозможно.

В новейших условиях благодаря развитию психиатрического знания то безумие, о котором когда-то мыслил Фуко, утратило монолитность. Оно подверглось психиатрическому анализу, расщеплению на фрагменты, внутренней дифференциации. Для современного мира безумие как таковое уже не актуально: значимы лишь его разновидности. В отчетах международных гуманитарных и медицинских организаций теперь речь идет о депрессии, шизофрении, психозах, но не о психическом отклонении как таковом. При этом некоторые проявления безумия подверглись «нормализации», были переведены в некую «серую область» между нормой и патологией, утратили ярко выраженные негативные коннотации. Следуя мысли Фуко, следовало бы сказать, что эти

«фрагменты безумия» перестали восприниматься как предел и иное для разума, став «своим» иным или, возможно, «иным» своим. Значимые «фрагменты безумия» – «иное» современного разума – не только вписаны в медицинские классификации и руководства по психиатрии, но и являются важным поводом для общего интеллектуального беспокойства, которое философия разделяет с другими формами мысли.

В предлагаемом ниже коротком исследовании предпринята попытка с помощью философии осмыслить то, что было высказано некоторое время назад медицинскими антропологами, которые столкнулись с «фрагментизированным» безумием на поприще изучения социальных трансформаций в так называемых «периферийных» обществах, т. е. тех, которые длительное время находились за пределами культурного, экономического и политического влияния Запада. В сущности, это будет еще одно включение в диалог между философией и другой формой мысли по поводу того, как социальные изменения в этих «периферийных» обществах привели к обнаружению разумом его «иногo» – «фрагментов безумия». Речь пойдет об осмыслении результатов медико-антропологических исследований, предпринятых в сельской Ирландии и Малайзии с целью выявления связи между некоторыми формами психических расстройств и масштабными социальными трансформациями.

Шизофрения в сельской Ирландии в период вхождения в ЕЭС

После образования Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) международным медицинским сообществом была начата работа по сбору статистических данных о распространении различных заболеваний в масштабах всего мира. В рамках этих глобальных исследований выяснилось, что большинство болезней весьма неравномерно распространены в странах и регионах. Это касалось и феномена психических заболеваний. С 1950-х гг. под эгидой ВОЗ были начаты глобальные исследования по шизофрении, которая считалась одной из наиболее тяжелых форм психоза с не до конца установленной этиологией. В 1973 г. был запущен большой пилотный проект по сравнительному исследованию шизофрении сразу в девяти странах, по итогам которого эпидемиологи пришли к выводу, что мировым лидером по числу зарегистрированных случаев шизофрении является Ирландия – маленькая островная страна, расположенная на периферии Европы.

Феномен ирландской шизофрении привлек к себе внимание многих исследователей, которые попытались понять, по каким причинам в этой

небольшой стране распространение болезни приобрело такие масштабы. Среди них преобладали врачи, для которых шизофрения, конечно, была сугубо медицинской проблемой. Вместе с тем был продемонстрирован и иной подход к пониманию этой проблемы, который предложила Н. Шейпер-Хьюз – начинающий медицинский антрополог из США. Она стала рассматривать шизофрению не только как болезнь, но и как следствие определенных социальных процессов, которые могли иметь место в ирландском обществе.

Шейпер-Хьюз приехала в Ирландию в 1974 г. вместе с мужем и их тремя детьми и поселилась на западе острова, в сельской глуши. В своей книге, которая вышла через пять лет после этих событий, она предпочла утаить истинное название этой местности, назвав ее Баллибран. Исследовательнице было нужно своими глазами увидеть, как условия местной жизни влияют на психическое здоровье местного населения. В Баллибране она провела целый год [1].

Согласно данным официальной медицинской статистики, именно в западной части Ирландии фиксировалось наибольшее число случаев заболевания шизофренией. «По данным переписи 1971 г., двое из каждой сотни мужчин в западной Ирландии побывали в психиатрической больнице. Почти все из госпитализированных (89%) провели долгую жизнь в одиночестве, большинству было от 35 до 50 лет, и более, чем половине, был поставлен диагноз шизофрения <...> Душевные болезни, излечимые и неизлечимые, необычайно часто встречаются на земле поэтов и святых, и статистически они ассоциируются с западным регионом, статусом мужчины, сельским хозяйством на окраинах, депопуляцией, затворничеством и безбрачием <...> Как диагноз шизофрения – болезнь половины (50,1%) всех обитателей ирландских психиатрических больниц. Между тем она составляет только четверть всех диагнозов в США <...> Республика Ирландия в три раза превосходит Англию по числу содержащихся в больницах шизофреников на единицу населения» [1, p. 135–140].

В сознании многих людей на Западе Ирландия – это вечно зеленая буколическая страна. Но такой она была лишь до середины XIX в. После этого численность ее населения постоянно сокращалась, и лишь в 1960-е гг. прекратилась массовая миграция ирландцев в Америку и даже был отмечен некоторый прирост численности населения. В 1973 г. Ирландия стала официальным членом Европейского экономического сообщества, но уже накануне этой даты в стране началось экономическое оживление, наметился подъем в строительстве, банковской сфере и других отраслях.

К моменту приезда Шейпер-Хьюз в Баллибран в некоторых селениях оставалось жить всего по несколько человек. Повсеместно преобладали домохозяйства, состоящие лишь из бездетной супружеской пары или даже из одного взрослого, как правило, это были мужчины зрелого возраста. Именно такие мужчины, как упомянуто выше, чаще всего и становились пациентами психиатрических клиник с диагнозом шизофрения.

Исследование в Баллибране вынудило Шейпер-Хьюз признать, что распространение шизофрении непосредственно связано с процессом депопуляции в сельской местности, где первыми, кто уехал, были молодежь и, в особенности, женщины. Однако некоторые из мужчин ни при каких условиях не могли покинуть сельскую глушь и переехать в город. Как удалось выяснить Шейпер-Хьюз, это было связано с местной традицией наследования имущества, которая предписывала самым младшим из сыновей оставаться в доме родителей и перенимать из их рук дом и землю. Именно эта привязанность к прошлому, к родителям и традиционной семейной модели сыграла с ними злую шутку. Большинство из этих домовладельцев-мужчин столкнулись с проблемой поиска спутницы жизни и создания собственной семьи. Компенсацией отсутствующего брака стали высокий уровень алкоголизма и шизофрения, которая также нередко скрывала алкоголизм [1, p. 122–127].

Еще одним фактором распространения шизофрении в сельской Ирландии времен ее вступления в ЕЭС стала особенность семейного уклада. Распространенной формой супружеских отношений в Баллибране ввиду так называемого «дефицита невест» было сожителство двоюродных братьев и сестер. Но Ирландия – страна католиков, а католическая церковь не допускает кровосмешений. Поэтому пары, состоящие из близких родственников, были не склонны публично демонстрировать свои отношения. Такие семьи часто оставались бесплодными. Чувство стыда не позволяло мужчинам и женщинам, жившим совместно, иметь сексуальные связи. Конфликт между влечением к противоположному полу и моральной нормой – еще одна причина психического расстройства [2, 1, p. 172–221].

Наряду с депопуляцией и особым семейным укладом еще одним фактором, определившим большое число шизофреников в Баллибране и подобных ему местах, стал фактор языковой общности. Западная часть Ирландии – регион, где продолжает сохраняться живой ирландский язык. В условиях господства английского языка на всей территории острова это приводит к культурному противоречию, которое выражается в

стремлении к самоизоляции и психологическом отчуждении. Отсюда характерная нелюдимость жителей Баллибрана и традиционное для многих сельских сообществ недоверие к чужакам. Для такого периферийного общества, как сельская Ирландия, изоляция в языке и стремление замкнуться в своем малом мире стали весьма серьезной причиной тех форм поведения, которые городские врачи-психиатры, говорившие на английском, с готовностью интерпретировали как отклонение от психической и социальной нормы [1, p. 127–132].

Исследование Шейпер-Хьюз стало важным эпизодом в истории антропологических исследований различных «фрагментов безумия». Обширный материал, собранный ею в ходе длительного наблюдения, свидетельствовал, что широкое распространение шизофрении в рамках конкретного общества следует оценивать не только посредством медицинской статистики, но и сквозь призму социального знания. Шизофрения на западе Ирландии – бесспорное следствие разрушения традиционного семейного уклада, происходившее в условиях добровольной культурной изоляции. Но ее основной причиной стала глобализация, приведшая к разрушению аграрной экономики страны, тесно связанной с торгово-индустриальными центрами западного мира и поставляющей ему человеческие ресурсы. Вхождение Ирландии в ЕЭС в 1973 г. только усилило экономическую деградацию сельских районов и ускорило отток молодого деятельного населения в города. Исследовательница застала жителей Баллибрана в момент, когда жизненные силы местной культуры были до крайности истощены. Согласно ее вердикту, шизофрения стала не только медицинским диагнозом для личных проблем отдельных одиноких ирландцев, но и социальным диагнозом для целого общества, находящегося в состоянии кризиса.

Как и Фуко, Шейпер-Хьюз прибегла к демедиализации безумия, показав, что его по-прежнему приходится воспринимать, прежде всего, как символ и следствие социальных проблем. Как когда-то во Франции в Новое время, безумие во второй половине XX в. продолжало быть верной приметой драматических социальных перемен, связанных с разрушением сложившегося социального порядка. На Западе, где к 1970-м гг. масштабным социальным трансформациям подверглись практически без исключения все страны и регионы, сельская Ирландия явила собой пример одного из самых последних периферийных обществ, где безумие, диагностированное под названием «шизофрения», могло дать о себе знать в качестве «инога» для торжествующего разума западной цивилизации.

Массовая истерия в Малайзии в условиях модернизации

В 1970-е и 1980-е гг. в Малайзии были зафиксированы многочисленные случаи массовой истерии среди работниц предприятий микроэлектронной промышленности. В малайской печати и отчетах правительства сообщалось, что наряду с фабриками по производству компьютерных чипов «эпидемия истерии» имела место в школах-интернатах для девочек, созданных в так называемых «зонах свободной торговли», которые начали возникать в стране после того, как правительство провозгласило курс на модернизацию. Этот феномен был подвергнут осмыслению некоторыми представителями малайского здравоохранения, а также рядом чиновников и журналистов, которые связали его с проблемой адаптации молодых работниц фабрик и учениц школ-интернатов к требованиям производственной и школьной дисциплины. Наиболее интересное и удачное объяснение этого феномена, однако, предложила А. Онг – американский антрополог китайского происхождения, которая в те годы провела полевое исследование в Малайзии. Его результаты были изложены в целой серии публикаций, посвященных проблеме прихода глобального капитализма в Юго-Восточную Азию [3–6].

В ходе исследования Онг пришла к пониманию, что термин «массовая истерия», используемый малайскими врачами, журналистами и чиновниками, был использован для того, чтобы придать всей ситуации, сложившейся в зонах свободной торговли, нейтральное по звучанию медицинское объяснение. Проанализировав ситуацию изнутри, она обнаружила, что некоторые участники этих событий, в том числе сами работницы фабрик и школьницы, были склонны объяснять ее, используя другую терминологию. Там, где врачи, журналисты и представители власти говорили об «истерии», малайские девушки обычно говорили о «вмешательстве духов», которые проникают в тела девушек, вынуждая их плакать, кричать, громко ругаться или просить отпустить их домой. С точки зрения подавляющего большинства малайских девушек, духи часто оказываются недовольны их поведением и пытаются наказать за те или иные нарушения. Большинство из случаев «вмешательства духов» были связаны с посещением раздевалок, туалетов, помещений для отдыха и приема пищи, а иногда и молитвенных комнат [4, р. 33–34].

Предприняв экспедицию в те малайские деревни, из которых были родом молодые работницы фабрик и некоторые ученицы школ-интернатов, Онг выяснила, что на их родине представления о том, что духи могут вмешиваться

в жизнь людей и проникать в их тела, являются весьма популярными среди всех групп сельского населения. При этом, как утверждали информанты Онг, духи чаще угрожают женщинам, чем мужчинам, поэтому в деревнях, особенно там, где проживает мусульманское население, широко распространена практика оберегания девочек и незамужних девушек, а все женщины, независимо от возраста, проводят большую часть времени в своем доме – с родственниками или членами семьи мужа. Кроме того, для защиты от посягательств со стороны лесных и болотных духов в каждом кампунге (деревне. – Д. М.) имеется особый целитель (*bomoh*), который, когда с кем-либо случаются приступы одержимости, совершает специальные ритуалы очищения – произносит молитвы, окропляет жилища водой и рисом, беседует с жертвами духов и их родственниками. По данным Онг, в малайских деревнях приступы одержимости чаще всего происходили с замужними женщинами, как правило, после родов, после смерти ребенка или когда муж собирался привести в свой дом еще одну женщину, при нарушении тех или иных моральных запретов. Иначе говоря, «вмешательство духов» обычно сопровождало наиболее драматические события в жизни взрослых замужних женщин. Но в деревнях духи никогда не покушались на девочек и молодых девушек [3, р. 85–114].

Однако на малазийских фабриках, созданных японскими и американскими корпорациями в Куала-Лангате и других местах, жертвами «вмешательства духов» становились именно молодые работницы, а не замужние женщины. Но на этих фабриках и не было замужних малайских женщин, поскольку руководство фабрик предпочитало набирать на работу именно девушек, утверждая, что они более всего подходят для работы на фабриках. Работа же их состояла в ручной сборке компьютерных чипов. Для этого работниц рассаживали на скамейках, лицом к конвейерной линии, по которой к ним поступали различные миниатюрные детали. Их инструментами были пинцеты, маленькие отвертки, паяльники и микроскопы, через которые они постоянно должны были смотреть на собираемые ими компьютерные процессоры.

Исследуя ситуацию с приступами одержимости, Онг выяснила, что менеджеры на фабриках, сталкиваясь со случаями «вмешательства духов», прибегали к различным стратегиям. Чаще всего они давали девушкам, пребывающим в трансе, успокоительные лекарства и на некоторое время отводили в комнату для отдыха. Однако если сеансы одержимости были коллективными, с участием двух и более человек, то менеджеры могли прибегать и к более неординарным мерам.

На японские фабрики несколько раз приглашали даже сельского целителя, чтобы он совершил очистительные ритуалы и нормализовал ситуацию. После ухода *ботош* в цехах вывешивали его фотографии, и девушкам, которые были вот-вот готовы впасть в транс, приказывали смотреть на портрет целителя. Но, как замечает Онг, никогда ни на одной из фабрик менеджеры не позволяли девушкам надолго срывать своими приступами работу конвейерной линии и останавливать производство. Тех же работниц, которые были склонны впасть в транс более одного раза, попросту увольняли.

Таким образом, на фабриках, созданных транснациональными корпорациями, производственная дисциплина всегда брала верх, как над приступами «массовой истерии», так и над сеансами «вмешательства духов». Работа на фабрике не останавливалась ни на минуту, как днем, так и ночью. Девушки работали по восемь часов в сутки, в три смены, имея лишь очень короткий перерыв на обед и два десятиминутных перерыва для посещения туалета. При этом весьма часто их лишали и этой возможности, вследствие чего приступы одержимости происходили вновь и вновь. Увидев эту ситуацию изнутри и в комплексе всех обстоятельств, Онг пришла к выводу, что припадки, происходящие с молодыми работницами, являются не чем иным, как формой культурного сопротивления производственной дисциплине [3, р. 195–214].

То, что сопротивление дисциплине приняло именно такую форму, по мысли исследовательницы, вполне естественно, поскольку «вмешательство духов» было естественной реакцией со стороны девушек, выросших в глухих деревнях, на капиталистическую эксплуатацию. Иностранцы менеджеры, которые контролировали работу малайских девушек непосредственно на рабочем месте, не только стремились добиться от них максимальной производительности труда, но самым мелочным образом ограничивали их свободу, тщательно следили за тем, чтобы ни одна девушка не потратила ни одной минуты впустую. Фактически это приводило к тому, что девушки постоянно переживали отчуждение не только от своего труда, но и от собственного тела, а также от собственной культуры. Они не только получали весьма скромную зарплату за тяжелый труд, но и расплачивались за это своим здоровьем. Непрерывное смотрение в микроскоп приводило к быстрому ухудшению зрения, вдыхание ядовитых паров при пайке мелких деталей вредило их коже и легким, а

шум конвейерной линии и невозможность ни на минуту покинуть рабочее место способствовали тому, что они, по сути дела, теряли сознание. В этих условиях приступ «истерии» или, что то же самое, «вмешательство духа», – при походе в туалет или раздевалку, даже непосредственно на рабочем месте – был выражением протеста против невыносимых требований производственной дисциплины. Выросшие в условиях опеки со стороны родственников и взрослых мужчин в своих деревнях, эти малайские девушки были, безусловно, очень послушны и терпеливы, но даже они, столкнувшись с еще более придирчивой опекой в фабричных цехах, теряли контроль над собой, становясь жертвой «духов», которые вторгались в их тела в тот самый момент, когда они нарушали моральный порядок, утвержденный на фабрике [4, р. 38].

Согласно выводам Онг, у себя в деревнях малайские девушки, несмотря на весьма щепетильный контроль со стороны родственников и соседей, все же сохраняли за собой определенную степень самостоятельности, прежде всего в ее телесных, сексуальных и гигиенических аспектах. Но на транснациональных предприятиях, где вся власть принадлежала иностранцам-мужчинам, они лишались и этой последней возможности. Следовательно, их протесты, облеченные в привычные для них символические конструкции, были свидетельством того, что эксплуатация на рабочих местах достигла максимально возможного уровня. Терпению и покорности невероятно терпеливых малайских работниц приходил конец, но контролирующие их работу менеджеры, как и знакомые с этой ситуацией понаслышке врачи, чиновники и журналисты, не стремились понять причины этого скрытого бунта и хоть как-то облегчить их положение.

Анализ, предпринятый Онг, весьма поучителен. Он показывает, что те «фрагменты безумия», что проявили себя на малазийских фабриках, были порождены целым рядом значимых социальных изменений. Основное из них – модернизация малазийской экономики с участием транснациональных компаний, принесших в страну совершенно новые для местного населения требования производственной дисциплины и телесной политики, которые лишили юных работниц этих предприятий связи не только с семьями, но и со своей свободой, со своим телом, которое было призвано стать, по словам Онг, чем-то вроде маленького компьютерного чипа, которым можно бесчувственно манипулировать на фабрике [4, р. 35].

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Индивидуальный опыт болезни и страдания в контексте социокультурных трансформаций: философские проблемы медико-антропологических исследований» (№ 15-03-00348).

Список литературы

1. *Scheper-Hughes N. Saints, scholars, and schizophrenics : mental illness in Rural Ireland.* Berkeley, 2001. 407 p.
2. *Scheper-Hughes N. From anxiety to analysis : rethink-*

ing Irish sexuality and sex roles // Women studies. 1983. Vol. 10, № 2. P. 147–160.

3. *Ong A. Spirits of resistance and capitalist discipline: factory women in Malaysia.* New York, 1987. 294 p.
4. *Ong A. The production of possession : spirits and the multinational corporation in Malaysia // American ethnologist.* 1988. Vol. 15, № 1. P. 28–42.
5. *Ong A. State versus Islam : Malay families, women's bodies, and body politics in Malaysia // Bewitching women, pious men : gender and body politics in Southeast Asia / ed. by A. Ong, M. G. Peletz.* Berkeley, 1995. P. 159–194.
6. *Ong A. Ecologies of expertise : assembling flows, managing citizenship // Global assemblages : technologies, politics, and ethics as anthropological problems / ed. by A. Ong, S. J. Collier.* Oxford, 2005. P. 337–353.

Образец для цитирования:

Михель Д. В. Психическое расстройство как следствие социальных трансформаций: философское осмысление медико-антропологических исследований // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 152–157. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-152-157.

Mental Illness as Consequence of Social Transformations: Philosophical Interpretation of Medical-anthropological Researches

D. V. Mikhel

Dmitriy V. Mikhel, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russia, dmitrymikhel@mail.ru

The aim of the article is the philosophical comprehension of some results of medico-anthropological research devoted to the problems of mental disorders in the context of social transformations. Following the tradition laid down by the philosophical work of Michel Foucault on the history of madness in modernity, the author proposes to continue the practice of comprehension of the most significant «fragments of insanity» in our modern world. This approach involves maintaining a dialogue with other forms of thought, including a discipline such as medical anthropology. The article examines two types of medicated madness – schizophrenia in rural Ireland of the period of accession into the European Economic Community and mass hysteria in Malaysia of the age of modernization. It is concluded that all these episodes of insanity were the result of profound social changes that forced the ruling forms of the mind to discover their limits when confronted with the «other».

Key words: philosophy, medical anthropology, social transformations, insanity, mind, other.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Humanities, the project “Individual experience of illness and suffering in the context of socio-cultural transformations: the philosophical problems of medical and anthropological research” (no. 15-03-00348).*

References

1. *Scheper-Hughes N. Saints, scholars, and schizophrenics: mental illness in Rural Ireland.* Berkeley, 2001. 407 p.
2. *Scheper-Hughes N. From anxiety to analysis: rethinking Irish sexuality and sex roles. Women studies,* 1983, vol. 10, no. 2, pp. 147–160.
3. *Ong A. Spirits of resistance and capitalist discipline: factory women in Malaysia.* New York, 1987. 294 p.
4. *Ong A. The production of possession: spirits and the multinational corporation in Malaysia. American ethnologist,* 1988, vol. 15, no. 1, pp. 28–42.
5. *Ong A. State versus Islam: Malay families, women's bodies, and body politics in Malaysia. In: Bewitching women, pious men: gender and body politics in Southeast Asia.* Ed. by A. Ong, M. G. Peletz. Berkeley, 1995, pp. 159–194.
6. *Ong A. Ecologies of expertise: assembling flows, managing citizenship. In: Global assemblages: technologies, politics, and ethics as anthropological problems.* Ed. by A. Ong, S. J. Collier. Oxford, 2005, pp. 337–353.

Cite this article as:

Mikhel D. V. Mental Illness as Consequence of Social Transformations: Philosophical Interpretation of Medical-anthropological Researches. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy,* 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 152–157. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-152-157.

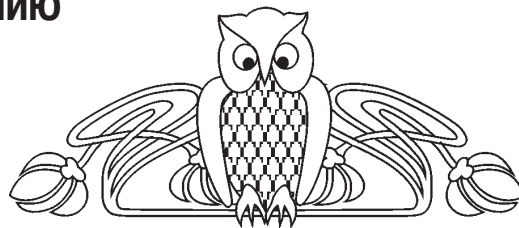

УДК 069+316.472

ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МУЗЕЙНОГО ЭКСПОНАТА

Е. А. Петрунина

Петрунина Екатерина Алексеевна, аспирант кафедры философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, cat.petrunina@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению применения методов феноменологии при анализе социокультурного феномена музея. Феноменология музея – методологический подход, применяемый в философском анализе музея. Основным предметом исследования является музейный экспонат, для изучения которого задействуется социально-философский подход. Вещь-экспонат является необходимой составляющей культурного пространства музея. Отмечается, что при помещении в учреждение культуры она наделяется особым онтологическим статусом. Семиотически незначительный в повседневной жизни предмет в пространстве музея приобретает новое сакральное значение: более высокую значимость для общества. Однако для того чтобы вещь стала символом, ее смысл должен быть определенным образом структурирован и организован. Пространство музея предстает как место смыслов и направляет человека в поиске сакральной составляющей материи. Экспонат же является основой взаимодействия между сотрудником учреждения культуры и посетителем как представителями различных социальных ролей. Коммуникация между ними осуществляется с целью передачи сохраненного музеем культурного опыта, а также для трансляции традиций, ценностей и идей. Стремление к подобного рода коммуникации исходит от общества и предназначено для него самого.

Ключевые слова: музей, социально-философский анализ, феноменология музея, феномен музея, знак, символ, пространство, вещь, ценность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-158-161

Феноменология музея – методологический подход, который может применяться в философском анализе музея. В настоящее время в научных исследованиях раскрываются лишь некоторые аспекты данной темы, а также задействуется методология этого философского направления для рассмотрения данного учреждения культуры. Особый интерес вызывают философские подходы к исследованию музея как социокультурного феномена.

Феноменология музея, базируясь на философской феноменологии, стремится выявить его сущность путем исследований, над которыми не довлеют искажающие научные и общепринятые установки и традиции. Феноменология музея требует схватывания не уникальных черт, которыми наделялись музеи в различные истори-

ческие периоды, а того общего, что присутствовало во всех этих учреждениях. Так, «известные типологии музея (музеев) находятся на грани классификации его явлений и выяснения тех признаков, принадлежащих каждому из типов, в которых явлена сущность музея как такового» [1, с. 35].

В соответствии с методологией феноменологии важным является изучение и рассмотрение сущностей. Применительно к музею имеются два направления исследования: либо рассмотрение сущности самого музея, либо изучение музея как проявления совокупности аспектов, так как музей, объединяя в себе эстетические представления и ценностные установки общества, является их хранителем и распространителем и, соответственно, может стать проявлением их сущности.

Феноменология – это также философия, которая помещает «сущности в экзистенцию и полагает, что человек и мир могут быть поняты лишь исходя из их “фактичности”» [2, с. 5]. Стоит отметить, что при феноменологическом рассмотрении объект всегда «уже тут» и следует лишь отыскать с ним контакт без тех наслоений, которые приносит с собой рефлексия. Именно подобный подход придает объекту социально-философский статус. В этой связи методы феноменологии могут быть применены для социально-философского изучения артефактов культуры, представленных на выставках и экспозициях в качестве экспонатов.

Обращаясь к материально-предметному миру музейных коллекций, мы изучаем вещи, рассматриваем их смысловое наполнение. Вещь заключает в себе материю, форму, причину и целесообразность. Вещь является необходимой составляющей музейного пространства, но также она есть то первичное, с чем взаимодействует человек в мире. Адаптация и социализация основываются на соприкосновении и познании предметного пространства. Материальная реальность, довлеющая над нами, познается опосредованно, через социально-культурный

опыт, через семиотическое восприятие вещей. Знаково-символическая система несет в себе как социальный консенсус относительно онтологического статуса предмета, так и индивидуальную составляющую в его интерпретации как знака.

Приходя в музей, человек «попадает в пространство установившихся значений и смыслов, в том числе и их материальных проявлений» [3, с. 3]. Согласно методам феноменологии важным является постижение сущности самой вещи, что и представляет учреждение культуры, которое стремится сохранить наиболее полно материально-предметный мир. Однако, когда мы помещаем вещь в пространство музея и обращаем на нее пристальное внимание, возникает обратная ситуация: мы стремимся не «назад к самим вещам!», а к тем социальным представлениям, которые существуют относительно них. Именно музей наделяет каждую вещь, показанную на выставке или представленную в экспозиции, особым онтологическим статусом, раскрывает заложенные в ней смыслы и находит новые значения. Даже незначительный в семиотическом плане предмет в пространстве музея приобретает новый сакральный статус. Такая вещь наделяется своей историей, а также объясняется ее значимость для социума. Отныне она бережно хранится в фондовой коллекции и экспонируется на выставках. Для изучения подобной вещи в большей степени подойдут методы социально-философского анализа, так как смогут наиболее полно раскрыть заложенные в ней обществом смыслы.

Отличительной особенностью музейной вещи является то, что, «попадая в музей, она вырывается из контекста своего бытования. Отрванная от него, она все же становится символом и знаком этого контекста, но одновременно включается во множество других контекстов» [4, с. 8]. Однако для того чтобы вещь стала символом, ее смысл должен быть определенным образом структурирован и организован. Символ заключает в себе упорядоченные идеи и образы, а смысл есть нечто более обобщенное. Для того, чтобы музейная вещь стала символом, необходимо ей дать смысловое наполнение, а потом его идейно-образно структурировать.

Символ проявляется посредством выражения через знаковую. Именно знак является тем определяющим моментом, в котором фиксируется символ. Но для приобретения вещью символической личности необходим не профанный взгляд на нее, а поиск глубинных сакральных смыслов. В них закладывается и проявляется внутренняя жизнь предмета. Для раскрытия внутреннего следует

внимательно относиться к внешнему, взглянуть на вещь, предполагая увидеть ее семиотическую составляющую. В повседневной жизни, переполненной предметами материального мира, обратиться к идейно-образной форме вещи не всегда возможно. Пространство музея, которое предстает как место смыслов, подталкивает и направляет человека в поиске сакральной составляющей материи. Э. Гуссерль отмечал, что «мир для меня – не просто мир вещей, но – в той же самой непосредственности – и мир ценностей, мир благ, практический мир» [5, с. 251]. Продолжая мысль немецкого философа, можно отметить, что музей предстает как «месседж», как трансляция особого социального кода, в котором заключены важные для общества ценности, символы, значения, смыслы и традиции, которые, в свою очередь, выражены посредством мира вещей. Послание исходит от общества и предназначено для него самого. Так, музейное пространство объединяет в себе знаково-символическую и материально-предметную составляющие. Мир идей, важных для социума, заключен в мире вещей, созданных человечеством, идеальное сокрыто в материальном.

Хочется особо отметить, что в музеях есть экспонаты, которые изначально создавались для демонстрации в учреждениях культуры: парадное одеяние и оружие, живописные полотна, скульптуры и т. д. Подобные предметы тоже претерпевают трансформации, ведь они помещаются в особый контекст художественных и искусствоведческих размышлений. Отныне они служат на благо общества, для целей социализации. Эти вещи пристально изучаются, они получают художественную и эстетическую оценку. Их соотносят либо с эпохой создания, либо с личностью творца, либо воспринимают целостно, но в отрыве от исторического контекста.

Бытие вещи в музее всегда открыто для социума и научного сообщества, для педагогических и просветительских целей, для научных исследований. Экспонат, постигаемый коллективно и индивидуально, лежит в основе многочисленных коммуникационных связей. Он является фундаментом взаимодействия между сотрудником музея и посетителем, которые выполняют необходимые социальные роли, требующиеся для передачи и распространения важной культурной информации в обществе. Коммуникация основывается на предметном мире, представленном в пространстве учреждения культуры. Музейная вещь постигается и продуцируется на профанном и сакральном уровнях. Заметим, что это сложный и многогранный процесс, требующий

социально-философского анализа. Стоит начать с того, что каждый музейный предмет изучается работниками учреждения культуры: рассматривается его история, собираются авторитетные и научные сведения о нем. Итогом исследовательской работы является официальное описание и заключение по занесенному и помещенному в фонды музея предмету. Отныне вещь выходит на новый сакральный уровень в восприятии социума и государства. Простой предмет становится социальным посланием, артефактом какой-либо эпохи, наделяется особым правовым статусом, а также соотносится с определенной культурой, но при всем при этом он уникален и именно поэтому достоин храниться в музее и изучаться научным сообществом. В бытие вещи, вследствие ее сакрализации, появляется точно выраженная граница, разделяющая ее существование до музея и в нем.

Следующий уровень – это взаимодействие посетителя и экспоната. Обычный реципиент взаимодействует с предметным миром на уровне повседневного сознания. Он схватывает лишь поверхностные смыслы и не пытается проникнуть в логику внутреннего развития вещей. В пространстве же музея такой посетитель осознает семиотическую наполненность представленных на экспозициях и выставках экспонатов, их сакральную значимость. Музей создает условия для осознания того, что «вещный» уровень не исчерпывает суть вещи и что она включена и в иную сферу – духовного. «Человеческое» в вещи – в той ауре духовности и душевности, которыми человек добровольно и свободно делится с вещью, как бы умалаясь и снисходя к ней <...> человек выигрывает в том, что распространяет «человеческое» и вне себя, с тем чтобы и вещь могла теперь свидетельствовать о нем и с большим правом включиться в процессы формирования ноосферы» [6, с. 93]. Это особое взаимодействие человека и вещи лежит в основе культуры: человек, заложив в предмете «человеческое», сам же потом обращается к нему. Как отмечают Е. В. Листвина и С. М. Фролова, стремление соответствовать идеалу-образцу «является специфической формой человеческого существования, так как соответствие определенному идеалу наделяет смыслом каждодневное

бытие человека в повторяющейся рутине повседневного бытия» [7, с. 54].

Оказывать содействие во взаимодействии посетителя с музейными предметами должен сотрудник этого учреждения, на которого обществом возложена роль посредника между человеком и экспонатом. Сотрудник-экскурсовод обладает необходимыми знаниями и навыками для раскрытия семиотического значения музейного предмета. Его содействие должно помочь и заинтересовать посетителя в самостоятельном поиске и изучении информации, вызвать желание вновь вернуться к тем экспонатам, которые привлекли внимание во время экскурсии. В музее посредством таких социальных ролей, как посетитель и сотрудник-экскурсовод, осуществляется акт коммуникации, квинтэссенцией которого является передача знаний, накопленных социумом, их распространение и сохранение в обществе.

Музей феноменологически предстает перед человеком и обществом как особый способ бытия социальной памяти, хранения и сакрализации предметного мира людей. Он создан обществом и существует для него самого, сохраняя материально-предметный мир и его знаково-символическую составляющую.

Список литературы

1. Ларионов И. Ю. Прологомены к феноменологии музея // *Studia culturae*. 2011. № 11. С. 35–42.
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. 608 с.
3. Муштей Н. А. Способы бытийствования вещей : модели и динамика : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Саратов, 2013. 23 с.
4. Пиотровский М. Б. Философия музейного дела // *Вестн. СПбГУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения*. 2006. № 1. С. 7–10.
5. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I // Гуссерль Э. Избранные работы. М., 2005. С. 241–282.
6. Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // *Aequinox, МСМХСШ. М.*, 1993. С. 70–94.
7. Фролова С. М., Листвина Е. В. Идеологические аспекты повседневного бытия общества // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 52–55. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-52-55.

Образец для цитирования:

Петрунина Е. А. Философские подходы к исследованию музейного экспоната // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 158–161. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-158-161.

Philosophical Approach to the Study of a Museum Exhibit

E. A. Petrunina

Ekaterina A. Petrunina, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, cat.petrunina@yandex.ru

The article examines issues of phenomenology of the museum. The phenomenology of the museum is a methodological approach in the philosophical analysis. The main subject of research is a museum exhibit for the study of which a socio-philosophical approach is involved. In the article it is noted that the thing-exhibit is a necessary component of the cultural space of the museum. The author notes that the thing of the institution of culture acquires an ontological status and its own history. A semiotically insignificant object in the daily life in the museum acquires a new sacred meaning. It acquires a higher significance for society. However, in order for a thing to become a symbol, its meaning must be structured and organized in a certain way. Attention is drawn to the fact that the museum becomes a place of meaning and helps a person to find sacred meanings. Much attention is given to social roles played by museum staff and visitors. The exhibit is the basis of interaction between the employee of the cultural institution and the visitor, as representatives of different social roles. Communication between them occurs in order to convey cultural experience, traditions, ideas and values. This communication comes from society and is designed for him.

Keywords: museum, socio-philosophical analysis, phenomenology of museum, symbol, space, time, thing, value.

References

1. Larionov I. Yu. Prolegomeny k fenomenologii muzeya [Prolegomena to the phenomenology of the Museum]. *Studia culturae* [Studia culturae], 2011, no. 11, pp. 35–42 (in Russian).
2. Merleau-Ponty M. *Phenomenologie de la perception*. Paris, 1945. 474 p. (Russ. ed.: Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriyatiya*. St. Petersburg, 1999. 608 p.).
3. Mushtey N. A. *Sposoby bytiystvovaniya veshchey: modeli i dinamika* [The ways of being of things: models and dynamics: Thesis. Diss. cand. sci. (Philos.)]. Saratov, 2013. 23 p. (in Russian).
4. Piotrovskiy M. B. *Filosofiya muzeynogo dela* [Philosophy of museumology]. *Vestn. Sankt-Petersburgskogo gos.un-ta. Ser. 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 6. Political science. International relations], 2006, no. 1, pp. 7–10 (in Russian).
5. Husserl E. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie*: in 3 B. Den Haag, 1976. Erstes Buch. 476 p. (Russ. ed.: Husserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii*. In: Husserl E. *Izbrannyye raboty*. Moscow, 2005. Kn. 1, pp. 241–282).
6. Toporov V. N. *Veshch v antropotsentricheskoy perspektive* [The thing in an anthropocentric perspective]. In: *Aequinox*, MCMXCIII [Aequinox, MCMXCIII]. Moscow, 1993, pp. 70–94 (in Russian).
7. Frolova S. M., Listvina E. V. *Ideologicheskie aspekty povsednevnogo bytiya obshchestva* [The ideological aspects of the everyday life of society]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 52–55 (in Russian). DOI:10.18500/1819-7671-2017-17-1-52-55.

Cite this article as:

Petrunina E. A. Philosophical Approach to the Study of a Museum Exhibit. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 158–161. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-158-161.

УДК 130.3

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ С. Н. БУЛГАКОВА

А. А. Табаченко

Табаченко Андрей Андреевич, аспирант кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет, andrei.aat@yandex.ru

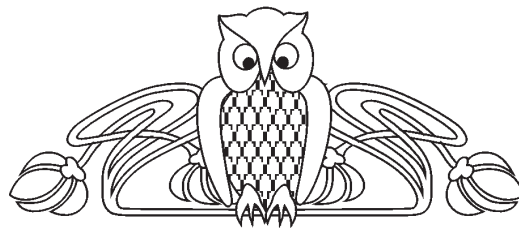
Статья посвящена рассмотрению особенностей философского мировоззрения С. Н. Булгакова – представителя русской религиозной философии рубежа XIX – начала XX вв. в контексте культурно-исторических и общественно-политических реалий того времени и сложившихся традиций, тенденций, характерных для русской философии. В целом понимание философского творчества философа невозможно без знания главных координат его мировоззрения. Анализируются эволюция и этапы развития философского мировоззрения, а также историко-философская совокупность публицистических работ, включенных в оригинальную философскую систему С. Н. Булгакова. Автором изучены автобиографические материалы и блок философских трудов, где рассматриваются не только основные этапы жизни, но и философская проблематика. Отмечается влияние немецкой классической философии и представителей идеалистического направления русской философской мысли на мировоззрение философа. Особое внимание сосредоточено на влиянии философии марксизма в процессе формирования мировоззрения и таких понятий, категорий, как общественный идеал, всеединство, софийность, в основе которых философ усматривает религиозно-метафизические основания. Кроме того, в статье анализируется влияние философии всеединства Вл. Соловьева, а также приводятся точки зрения и анализ философского творчества современников С. Булгакова.

Ключевые слова: мировоззрение, идеализм, марксизм, религия, православие, общественный идеал, русская философия, С. Булгаков.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-162-165

С. Н. Булгаков – русский философ, публицист, один из ярких представителей религиозно-идеалистического направления русской философской мысли конца XIX – начала XX вв. Он принадлежит к эпохе религиозно-философского Ренессанса, расцвета в России религиозной мысли. Философ обладал глубоким знанием философских учений античной, средневековой, классической философской мысли. Актуальность историко-философского анализа философского наследия С. Булгакова объясняется глубоким осмыслением социально-гуманитарных тем, в частности вопросом места и роли русской философской мысли в современной культуре России.

Эволюция философского мировоззрения Булгакова происходила под влиянием культур-

но-исторических факторов и общественно-политических реалий. Находясь под влиянием марксизма, С. Булгаков был уверен в том, что «марксизм дает своим последователям больше, чем может дать всякая научная теория, какими бы достоинствами она ни отличалась» [1, с. IX].

К числу культурно-исторических факторов, повлиявших на мировоззрение С. Н. Булгакова, относят, во-первых, общее движение в русской философской мысли «от марксизма к идеализму», характерное для конца XIX столетия, и далее к православию; во-вторых, влияние немецкой классической философии и науки на русское образованное общество. Философ утверждает, что за Кантом открывается настоящий лабиринт философских проблем и их различных решений. С. Н. Булгаков пытается внести в марксизм «прививку Кантовского критицизма» и подвести под него гносеологический фундамент, критикуя его основные социологические и экономические учения. Такая попытка объясняется общим тяготением к неокантианству. В своих колебаниях между марксизмом и немецким идеализмом философ признавался в том, что «Кант всегда был предпочтительнее Маркса, и считал необходимым поверять Маркса Кантом <...> Кант в действительности оказался сильнее реактивом, разлагавшим марксистскую догматику» [1, с. XI]. Без сомнений, Канту принадлежит исключительное место в новой философии [1, с. XI]. Такая духовная трансформация Булгакова имеет внутреннюю логику. Для эволюции философского мировоззрения характерен непрерывный поиск решения многих проблем, вопросов, обращенных к человеку, к смыслу истории и целостному познанию мира.

В русской философии обозначилась тенденция сочетания марксизма и идеалистической философии, которую обозначил С. Н. Булгаков, назвав свой сборник «От марксизма к идеализму». С. Булгаков считает, что общей для философии марксизма и идеализма является проблема общественного идеала, исследованию которой посвящена его книга «Два града» (1911). Истинную основу общественности философ

видит в религии, которая есть универсальное и объединяющее начало. Согласно С. Булгакову, человек – существо религиозное в силу метафизической природы, своей духовности и свободы. И в этом марксизм и идеализм близки в сфере «разума практического», социальных стремлений и идеалов. Социальная справедливость и общественный прогресс, свобода и равенство, политический либерализм и социальный демократизм или социализм вытекают, по мнению С. Булгакова, из основных принципов философского идеализма. В рамки идеализма включаются метафизика всеединства, софиология, онтология, основанная на религиозных догматах. Рассуждая о двух видах идеалистического мировоззрения, он выделяет этический, особенность которого в том, что по преимуществу метафизикой развиваются этический мотив и этическая проблематика и этим исчерпывается его содержание. В отличие от этического идеализма философский идеализм не останавливается лишь на этической проблематике, связывает ее с проблемами онтологии, космологии и философии истории.

С. Булгаков полагал, что философия должна отвечать на запросы своего времени и быть не только наукой, но изучать и современную жизнь. Все великие философы не оставляли без внимания реальную действительность; классическая немецкая философия в лице Фихте дала идеал философа-гражданина [2]. Кроме того, Булгаков был убежден в том, что любое философское мировоззрение должно найти связь с реальными задачами времени и определить к ним свое принципиальное отношение.

В. В. Зеньковский о событиях в жизни философа писал: «Выступления и статьи Булгакова получили широкий отклик в русском обществе – Булгаков вместе с Бердяевым становятся наиболее видными вождями той русской интеллигенции, которая искала религиозно-философского обновления. Булгаков активно публикуется в популярных изданиях того времени, в сборниках «Вехи», «Проблемы идеализма». Переход “от марксизма к идеализму” обозначил новый этап в жизни Булгакова – и этим он был обязан Вл. Соловьеву, так об этом свидетельствует его статья о Соловьеве “Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева”» [3, с. 838]. Освободившись от доктрин экономического материализма, Булгаков перешел на позиции идеализма и к религиозному миропониманию. Его книга «Свет Невечерний» (1916) явилась очерком системы его нового мирозерцания, с автобиографическими обобщениями пройденного духовного пути. Эта книга завершает

период чисто философского творчества мыслителя, и в ней он переходит к богословским и церковным темам.

В сборниках «Проблемы идеализма», «От марксизма к идеализму» С. Н. Булгаков рассуждает об особенностях своего философского мировоззрения в период перехода от марксистского к религиозно-идеалистическому направлению. Он считает, что этот переход сложился в атмосфере социальных идей марксизма, теоретическим стержнем которого было обоснование общественного идеала. Философ был уверен в том, что «идеализм в России родился и стоит под знаком социального вопроса и теории прогресса» [1, с. V]. Разочаровавшись в марксизме, Булгаков приходит к выводу, что экономическая доктрина К. Маркса в целом не отражает всей исторической действительности. Поэтому социализм, с точки зрения этической ясности и простоты, не представляется законченной экономической доктриной, в связи с этим необходим многогранный социально-политический анализ общественного идеала, опирающийся на изучение действительности. С. Булгаков размышляет над вопросом, можно ли найти выход из «кризиса марксизма», и понимает, что необходимы новые искания.

В. В. Зеньковский, анализируя философское творчество С. Н. Булгакова, отметил, что именно у него «впервые была продумана тема о религиозной центральнойности проблемы хозяйственной активности» [4, с. 229]. Зеньковский писал: «В своих трудах по исследованию проблемы общественного идеала он глубоко затрагивает вопрос о роли и судьбе церкви в истории и в судьбе человека. Церковь у С. Н. Булгакова – это и культура, и общественность, и человечество. Церковь как единый организм должна принимать участие в жизни общества, но делать это на основе свободы как общественного идеала» [4, с. 230]. Н. А. Бердяев в «Русской идее» также указывает, что центральной темой творчества С. Булгакова стало отношение церкви к культуре и общественной жизни [5, с. 222].

Показательно, что философ обозначает изучение религии как основную тему своих публицистических работ, исследует сущность христианства, анализирует такой религиозной феномен, как Богочеловечество. В разработке этих тем решающим было влияние Вл. Соловьева, оно проявляется в стремлении Булгакова создать философскую систему, в которой органичной были взаимосвязь науки, философии и религии. В трудах В. Соловьева Булгаков выделяет некое ядро, на котором строит философию Богочеловечества. Г. В. Флоровский, анализируя

философское мировоззрение Булгакова в своей книге «Пути русского богословия», отмечает, что именно с Вл. Соловьевым связана проблематика церковной культуры, истории христианства С. Булгакова [6, с. 493].

Особенностью философского мировоззрения С. Н. Булгакова является взаимосвязь различных тем, направлений. Л. А. Зандер, исследователь философского творчества С. Булгакова, выделяет личные факторы, влияющие на философский стиль мышления, – способность синтезировать философию и богословие. В процессе анализа философских проблем мыслитель изучал труды предшественников, поэтому естественны многочисленные экскурсы в историю философии и богословия и в сравнительную догматику, которые по своей совокупности могли бы составить своеобразные монографии по тем или иным специальным вопросам [7, с. 19].

С. Н. Булгаков анализирует творчество и судьбы К. Н. Леонтьева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, близких ему своими духовными исканиями, и пишет серию этюдов, включенных в сборник «Тихие думы». В статье «Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой» в контексте творчества русского художника, писателей, философа С. Булгаков анализирует национальное самознание, особенности русского народа и считает, что творчество этих художников «содействовало» пониманию религиозной психологии русского народа, отразило русское общество и искренность религиозного настроения.

Л. А. Зандер, являясь наиболее глубоким исследователем творчества С. Булгакова, считает, что в трудах философа «отражается потребность глубже понять мир и проникнуть в его сокровенную жизнь и сокровенный смысл» [7, с. 28].

Следует отметить, что главной особенностью философского мировоззрения С. Н. Булгакова было исследование наиболее общих вопросов бытия, развития общества, смысла истории, проблем человека и человечества. Философу удалось в своей публицистике органично соединить идеи русской религиозно-идеалистической мысли с общефилософскими проблемами. Для него характерны критическое осмысление марксизма, концептуальное обоснование многих проблем русской философской мысли того времени. Внутренний мир личности философа, его публицистика, метафизические аспекты творчества оказали значительное влияние на развитие русской религиозно-идеалистической философии XIX–XX вв.

Следует отметить, что главной особенностью философского мировоззрения С. Н. Булгакова было исследование наиболее общих вопросов бытия, развития общества, смысла истории, проблем человека и человечества. Философу удалось в своей публицистике органично соединить идеи русской религиозно-идеалистической мысли с общефилософскими проблемами. Для него характерны критическое осмысление марксизма, концептуальное обоснование многих проблем русской философской мысли того времени. Внутренний мир личности философа, его публицистика, метафизические аспекты творчества оказали значительное влияние на развитие русской религиозно-идеалистической философии XIX–XX вв.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму : сб. ст. 1896–1903 гг. СПб., 1903. 347 с.
2. Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса // Булгаков С. Н. Проблемы идеализма. М., 1902. URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/progress.html> (дата обращения: 18.10.2017).
3. Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001. 880 с.
4. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М., 2005. 368 с.
5. Бердяев Н. А. Русская идея // Бердяев К. Самопознание : соч. М., 2001. С. 11–248.
6. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Париж, 1988. 603 с.
7. Зандер Л. А. Бог и Мир. Миросозерцание С. Н. Булгакова : в 2 т. Париж, 1948. Т. 1. 479 с.

Образец для цитирования:

Табаченко А. А. Об особенностях философского мировоззрения С. Н. Булгакова // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 162–165. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-162-165.

About Features of S. N. Bulgakov's Philosophical Outlook

A. A. Tabachenko

Andrey A. Tabachenko, Kostroma State University, 17, Dzerzhinsky Str., Kostroma, 156005, Russia, andrei.aat@ya.ru

The article is devoted to the consideration of the features of the philosophical worldview of S. N. Bulgakov – a representative of Russian religious philosophy of the turn of the XIX – early XX centuries in the context of the cultural and historical and socio-political realities of the time and the established traditions, trends characteristic of

Russian philosophy. On the whole, the understanding of the philosopher's philosophical creativity is not possible without knowing the main coordinates of his worldview. The evolution and stages of the development of the philosophical outlook are analyzed, as well as the historical and philosophical totality of journalistic works included in the original philosophical system of S. N. Bulgakov. The author analyzes autobiographical materials and a block of philosophical works, where not only the main stages of life are considered, but also philosophical problems. The influence of German classical philosophy and representatives of the idealistic trend of Russian philosophical thought on the philosophy of the philosopher is noted. Particular attention is focused on the influence of the philosophy

of Marxism in the formation of the worldview and such concepts, categories as the social ideal, all-unity, sophiology, in the basis of which the philosopher sees religious-metaphysical grounds. In addition, the article analyzes the influence of the philosophy of unity of V. Solovyov, as well as points of view and analysis of the philosophical creativity of contemporaries S. Bulgakov.

Key words: outlook, idealism, marxism, religion, Orthodoxy, social ideal, Russian philosophy, S. Bulgakov.

References

1. Bulgakov S. N. *Ot marksizma k idealizmu: sb. st. 1896–1903 gg.* [From Marxism to idealism: Collection of articles 1896–1903]. St. Petersburg, 1903. 347 p. (in Russian).
2. Bulgakov S. N. Osnovnyye problemy teorii progressa (The main problems of the theory of progress). In: Bulgakov S. N. *Problemy idealizma* (The problems of idealism). Moscow, 1902. Available at: <http://www.vehi.net/bulgakov/progress.html> (accessed 18 October 2017) (in Russian).
3. Zenkovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow, 2001. 880 p. (in Russian).
4. Zenkovskiy V. V. *Russkie mysliteli i Evropa* [Russian thinkers and Europe]. Moscow, 2005. 368 p. (in Russian).
5. Berdyaev N. A. Russkaya ideya [Russian idea]. In: Berdyaev N.A. *Samopoznanie: soch.* [Self-knowledge: Compositions]. Moscow, 2001, pp.11–248 (in Russian).
6. Florovskiy G. V. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Paris, 1988. 603 p. (in Russian).
7. Zander L. A. *Bog i Mir. Miroszertsanie S. N. Bulgakova: v 2 t.* [God and Peace. The worldview of S. N. Bulgakova: in 2 vols.]. Paris, 1948, vol. 1. 479 p. (in Russian).

Cite this article as:

Tabachenko A. A. About Features of S. H. Bulgakov's Philosophical Outlook. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 162–165. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-162-165.

УДК 1(091)

СОФИЯ В БИБЛИИ И В РУССКОЙ СОФИОЛОГИИ

М. В. Хачатрян

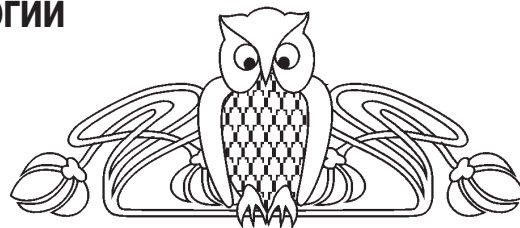
Хачатрян Мастегра Владимировна, магистр теологии, аспирант кафедры истории русской философии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Mastegra88@yandex.ru

В статье рассматривается малоисследованный в русской софиологии уникальный концепт Софии Премудрости Божьей как Жены, облеченной в солнце. Согласно Библии, первый свидетель Софии – Бог и Его пророки, на чем акцентировали свое внимание практически все русские софиологи. Важной детерминантой познания образа Софии является религиозный мистический опыт софиологов. Тема исследуется в статье через сопоставление текстов Священного Писания и размышлений русских религиозных философов о Софии как Невесте и Жене Агнца, а также при помощи метода библейской экзегетики. Ключевым в работе является метод духовного созерцания и внутреннего интуитивно-чувственного познания истины, оформленные в виде определений и тезисов. Раскрываются разнообразие функций Софии как жены, облеченной в солнце, которая, с одной стороны, имеет власть и силу осудить и поразить древнего змея, с другой стороны, дать всеединое спасение человечеству и всей твари посредством их возрождения во Христе. Проводится персонализация Софии с целью более детального познания ее софиологической роли. Впервые сопоставляются образы Софии в трудах русских софиологов и в творении Г. Нарекаци «Книга Скорбных Песнопений».

Ключевые слова: Жена, облеченная в солнце, София Премудрость Божья, софиология, русская религиозная философия, мистика.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-166-171

Для детального изучения сакрального образа Софии Премудрости Божьей представляется необходимым провести более подробный экзегетический анализ текстов Священного Писания с сокрытыми смыслами, доказывающий, что основоположники русской религиозной философии В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, С. Н. и Е. Н. Трубецкие и другие, имея веру в Бога и в Софию, основывались именно на текстах Священного Писания, хотя и не всегда цитировали их в своих работах. Несмотря на обширность темы и множественность исследований в софиологии, связанных с познанием Софии как Премудрости Божьей, окончательной кристаллизации, систематизации имен, образов и подобий Софии на основании библейских и софиологических текстов не происходит. Следует обратить внимание на то, что многие пророки – авторы книг Ветхого и Нового Заветов – являются первыми истинными свидетелями Софии, которая являлась им в чудесных

ликах и актах мирового и космического значения, влияющих на всю историю человечества.

При исследовании трудов русских религиозных философов заметно, что религиозно-духовный опыт, мистические и визионерские переживания, вдохновение, интуиция, откровения от Бога об истинности Софии и дар созерцания и «софийного мышления» для многих из них становились детерминантой как для раскрытия образов Софии в ее множественных ликах, так и для изложения софийной идеологии. Как заметил Н. А. Бердяев, «для религиозного философа откровение есть духовный опыт и духовный факт, а не авторитет, его метод интуитивный» [1, с. 197], а «мистика есть реализм» [2, с. 14]. Пророк Иоиль отмечает важность мистического опыта как метода познания: «И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть <...> и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут» [3, Деян. 2:17]. Многие русские религиозные философы и софиологи в своих изысканиях опирались на свидетельства пророков, таких как Моисей, Соломон, Ездра, Иисус сын Сираха, Иоанн Богослов. Эти свидетельства изложены в Библии в виде пророчеств и мистических явлений: ясновидений, снов, видений, теофаний и ангелофаний. Современный исследователь софиологии Г. Ф. Гараева считает: «Мистика важна для В. С. Соловьева как основа и путь к истинной философии <...> мистическое знание <...> позволяет осуществить синтез: соединить рефлексивную разуму и эмпирические факты» [4, с. 155].

В данной статье использован библейский принцип: говорит ли кто, говори как Слова Божьи, соображая духовное с духовным [3, 1 Пет. 4:11, 1 Кор. 2:13]. В связи с обширностью темы изучения многообразных образов Софии целесообразно раскрыть образ Софии как Жены, облеченной в солнце, который описан пророками и религиозными философами-софиологами. Библия – это древнейшая книга, содержащая свидетельства о Софии и раскрывающая многоликий образ Премудрости Божьей. Одним из первых текстов Священного Писания, содержащих со-

крытый смысл, обширно и всесторонне раскрывающих образ Софии как Жены, является стих: «И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты <...> пред всеми зверями <...> И вражду положу между тобою и между Женою, и между семенем твоим и между Семенем Ее; и оно будет поражать тебя в голову» [3, Быт. 3:14–15].

Для наглядного представления хронологии данной концепции можно проанализировать это пророчество последовательно, согласно еврейскому календарю. Первое пророчество о Жене-Софии было провозглашено Богом еще в древности в Едемском саду, сразу после грехопадения Адама и Евы, почти 6000 лет тому назад согласно указанной хронологии. Об этом пророчестве повторно мог бы свидетельствовать только Бог, ибо книга «Бытие» написана пророком Моисеем по Слову Бога спустя почти 2500 лет после сотворения Земли. В третий раз Бог это же пророчество о Жене-Софии провозглашает спустя почти 3400 лет после этого через пророка Ездру, который по повелению Бога и водительству Духа Святого заново написал все, что было соделано в мире от начала и написано в Законе Господа [3, 3 Ездр.14:22]. В четвертый раз, спустя почти 600 лет после пророка Ездры, Бог это пророчество и его динамическое исполнение дал в откровении уже Воскресшему на земле и Вознесенному на небо Иисусу Христу, а Он, в свою очередь, в чудных ясновидениях показал сие откровение Своему Апостолу Иоанну. Таким образом, Суд, изреченный Богом в саду Едемском, был показан в пророческом ясновидении Апостолу Иоанну спустя почти 4000 лет после сотворения Земли, и это описано в книге Библии «Апокалипсис Иоанна».

Кратко можно изложить пролог пророчеств Бога о роковой погибельной участи древнего змея, преобразившегося в красного дракона, враждующего против Жены-Софии. Пророчество Бога о победе Святой Жены, изложенное в начале Библии в первой книге «Бытия», исполнилось в конце Библии в последней книге «Откровение Иоанна». «И сказал Господь Бог змею <...> вражду положу между тобою и между Женою, и между семенем твоим и между Семенем Ее, и оно будет поражать тебя в голову» [3, Быт. 3:4–15]. И вот явились на небе Великие Знамена: Жена, облеченная в солнце, рождающая дитя, и большой красный дракон, который стал против Жены, дабы пожрать Ее младенца. Однако дракон, именуемый дьяволом и сатаной, был низвержен с неба на землю, и расвирепел он на Жену. И вот Ангел Божий сковал дракона и низверг его в бездну на 1000 лет. Через 1000 лет сатана будет освобожден из темницы, чтобы вступить в брань

против Града святых. И ниспал огонь с неба от Бога и, пожрав дьявола и сатану, вверг их в озеро огненное и серное. И смерть и ад повержены в озеро огненное, где они будут мучиться вовеки веков [3, Откр. 12:1–17, 20:1–15].

Стих Бытия (3:15) всесторонне раскрывает «тайный образ» Великой Жены-Софии, олицетворяющий абсолютную вражду против древнего змея, завершающуюся полным поражением и падением его с первого неба на землю. При проведении анализа данного стиха возникают вопросы: кого Бог называет женою и кто Она, которая должна поразить голову древнего змея, именуемого дьяволом и сатаной, оболыщающего всю вселенную обманом и ложью и ввергающего многих живущих на земле в грех и погибель? Здесь уместно привести слова М. М. Сперанского из его рукописи «Первый мир», о которой говорит в своем труде «Столп и утверждение истины» П. А. Флоренский: «Имя Жене – София <...> она сама есть Первое внешнее Существо (полужирный шрифт мой. – М. Х.)» [5, с. 332]. С момента провозглашения пророчества Бога о поражении древнего змея Женой до Первого Пришествия Христа прошло более 4000 лет, но Бог продолжал пророчествовать о Ее Победе. Так, и в книге «Откровение Иоанна» дается описание падения красного дракона с семью головами и десятью рогами, его последующее низвержение и заключение в бездну на 1000 лет, а в конце ввержение в огненное озеро. Один из ярких представителей русской софиологии С. Н. Булгаков, замечая непосредственную связь между пророческими главами книг «Бытие» и «Откровение», писал: «“Откровение” напрашивается на сопоставление с книгой Бытия, как с началом Библии, которой оно есть конец, по общему замыслу и теме» [6, с. 9]. В этом контексте философ указывает на взаимопроницательность и даже символическую идентичность в пророческих словосочетаниях «положу вражду» и «был низвержен». Он же отмечает некоторое «соответствие» в этих главах, указывая на то, что книге «Откровение» «усвояется завершительный характер некоторого последнего слова в Библии, которое находится в соответствии с первым» [6, с. 9]. О том, что Жена, о которой свидетельствует Бог через Моисея в книге Бытия, является той же Женой, о которой Бог повторно свидетельствует Иоанну в (3:15), утверждают многие отцы Церкви Христовой: Иустин, Иринея, Киприан, Иоанн Златоуст и др.

Стал ли бы Бог неоднократно повторять пророчество о Жене, облеченной в солнце и поражающей голову древнего змея, если бы то не имело существенного значения для спасения

творения и человечества, стремящегося достигнуть теозиса – обожения? Исследованная нами динамика данного пророчества показывает, что от начала сотворения Земли Бог принципиально преследует исполнение Своей цели: Жена непременно поразит древнего змея, т. е. дьявола и сатану, низвергнув их с неба на землю. В представленных пророчествах Бога наблюдается эксцедентное отношение Бога к Софии, ибо Бог расположен воззвать прошедшее: «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, – и Бог воззовет прошедшее» [3, Екк. 3:15]. «Так говорит Господь: “Я возвещаю от начала, что будет в конце, и от древних времен то, что еще не сделалось”» [3, Ис. 46:10].

Исходя из вышесказанного можно сделать следующие выводы в виде тезисов. Тезис 1: первое прямое свидетельство и пророчество Бога о Софии-Жене, предопределенной поразить голову древнего змея, было совершено Богом в Едемском саду, и никто, никак, нигде и никогда не в силах воспротивиться и препятствовать исполнению этого свидетельства и пророчества Бога, изложенных пророком Моисеем в начале Библии в первой книге Бытия (3:15), и Апостолом Иоанном в конце Библии в последней книге «Откровение» (12:1–17). На протяжении всей истории рукописания Библии данное пророчество неоднократно провозглашалось Богом, что свидетельствует о его чрезвычайной важности и о надлежащем грядущем явлении Софии как Жены. Тезис 2: тексты Священного Писания, Бытия (3:16) и «Откровения» (12:1–17) содержат Божье Пророчество о грядущих всемирных событиях и распространяют свое масштабное влияние на всю историю человечества и на всю Вселенную в целом. Тезис 3: Бог от начала сотворения Земли был уверен и убежден, что явление Жены ознаменуется победой над смертью и тлением, ибо надлежит Ей Семенем Своим поразить голову древнего змея, и это семя есть рожденное Ею дитя [3, Откр. 12:5].

Бог заповедал Адаму не есть от плода дерева познания добра и зла, ибо в день, в который он вкусит этот плод, смертью умрет. Однако Адам, нарушив запрет Бога и послушав гласа жены своей, взял от руки ее плод и ел, тем самым не только они подверглись смерти, но и всю тварь ввергли в рабство тлению и смерти. Об этом говорит Апостол Павел в послании к Римлянам: «Ибо тварь с надеждою ожидает Откровения Сынов Божиих <...> что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» [Рим. 8:19–21]. Таким образом, смерть, в которую вверг себя человек, может быть пре-

одолена и истреблена только лишь посредством обращения человека к Богу и восприятия Его как единственного своего Спасителя и источника жизни. К данной мысли можно привести соответствующие слова из книги «Очерки социальной философии» В. Б. Устьянцева, М. О. Орлова, С. А. Данилова: «Устранив Бога из мира личности, культура отнимает у человека единственную возможность удовлетворения экзистенциальной потребности в противостоянии смерти» [7, с. 242]. В этом контексте «культура» рассматривается как внутреннее духовное содержание цивилизации.

В связи с обширностью тематики в статье раскрывается лишь один из многих образов Софии: образ Святой Жены, облеченной в солнце, поражающей голову древнего змея, описанной в книгах «Бытие» и «Откровение». А для более подробного анализа необходимо представить краткий пролог определений «Жена». Кто есть Жена? Жена – это та, которая «взята от Мужа [своего]» [Быт. 2:23]. Бог сотворил из ребра Адама помощника, соответственного и подобного ему [Быт. 2:18,20]. Однако каким образом Бог из ребра Адама сотворил Еву? Понятно, что Богу все возможно, но сегодня генетика позволяет ответить на этот вопрос и с научной точки зрения. Ребро, т. е. человеческая кость, содержит в себе красный костный мозг, который обладает кровотворной функцией и, следовательно, содержит в себе эритроциты. Предположительно, эритроциты из ребра Адама были необходимы, поскольку имели полную генетическую информацию Адама, а его хромосомная пара – генетическую информацию Евы, которую Бог и сотворил соответственно этой информации. Из этого следует, что подлинная жена генетически во всем соответственна и подобна мужу своему.

Определения Бога о всякой подлинной супружеской паре мужа и жены могут быть выражены в следующих тезисах. Тезис 1: жена соответственна и подобна мужу своему во всем функционально, поскольку жена – та, которая взята от мужа и имеет мужа. Тезис 2: жена равноправна мужу во всех делах его, она владеет всем, что имеет муж. Равноправие должно было выражаться в благословении Бога Адаму и Еве плодиться и размножаться и владычествовать над землей, небом и водой, а в связи с грехопадением Бог проклял Еву и сказал, что она будет иметь влечение к мужу своему, т. е. тянуться вслед (ивр. תַּקְוָה) за ним, а он будет господствовать над ней. Тезис 3: подлинная жена – честь и слава мужа своего, она во всем прославляет, восхваляет, возвышает и превозносит его окрест него. Как

говорит Писание, жена есть слава мужа, и благонравная жена приобретает славу для мужа своего.

Тезис 4: жена – потенциальная мать, рождающая детей: сынов и дочерей по образу и по подобию своему и мужа своего, т. е. рождает подобных себе и мужу своему. Г. Нарекаци подтверждает эти слова: «Рождает Она и неких богов сотворенных – святые подобия Бога Единого, Христа» [8, с. 250]. Тезис 5: мужское и женское начало подлинной супружеской пары во всякой полноте и целостности, в совершенстве идентичны и соответственны друг другу в идеальной и абсолютной симметричности: их содержательности, идейности, сущности и естестве, ибо они имеют один и тот же геном, несущий в себе одну и ту же генетическую информацию всех функций и способностей, с одной лишь разницей имеющих в генах женского или мужского начала, т. е. с разницей в их репродуктивных функциях как половых особенностях. А. П. Козырев представляет некоторые общие определения для Софии в соотношении с Божественным Логосом: «Логос и София объединяются в образе Христа <...> Христос – воплощенные Премудрость и Слово» [9, с. 9]. Тезис 6: подлинны муж и жена – единомысленны и во всем согласны друг с другом и в согласии рожают плод единомыслия и единодействия: и в них нет разделения и разногласия. Этот тезис подтверждается словом Иисуса, сына Сирахова: жена и муж, согласно живущие собою, есть украшение Премудрости пред Господом.

Ева – жена Адамова – проклята от Бога, чтобы она имела влечение к мужу своему, и чтобы муж ее господствовал над ней, и чтобы в болезни рождала детей своих, подобных себе и мужу своему. И родила Ева первенца своего Каина – человекоубийцу, что явно свидетельствует о падшем внутреннем духовном состоянии Адама и Евы. Можно сделать вывод, что и Святая Жена-София взята от Мужа Своего Иисуса Христа, а Муж взят от Нее, ибо они вместе имеют один и тот же «духовный геном». Апостол Павел утверждает: «Ибо как жена от мужа, так и муж через жену; все же – от Бога» [3, 1Кор. 11:12]. Она, Жена-София взята от Бога Отца, Духа Святого и от Иисуса Христа, а Он, Муж-Иисус Христос, взят от Нее – от Жены-Софии, от Бога Отца и от Духа Святого. В книге «Откровение Иоанна» написано, что Жена и Ее Младенец победили дьявола Кровью Агнца, а Кровь Агнца содержит всю полноту «духовной генетической информации» Жены Его, облеченной в солнце, и «духовный генофонд» всего человечества. Следовательно, Жена, Агнец – Иисус Христос и Младенец, рожденный Женой, имеют общую, единую и

идентичную кровь. Об этом пишет и Апостол Лука: «От Одной крови Бог произвел весь род человеческий (курсив мой. – М. Х.)» [Деян. 17:26]. Развивая идею о *положительном всеединстве*, В. С. Соловьев утверждал, что София есть одна из сторон этого *цельного всеединства*, другая сторона – Иисус Христос [10, с. 126].

Как сказано выше, Жена, о которой говорит Бог в начале Библии в Бытии (3:15) – это та же София, которая в конце, в «Откровении» (12:1–9) побеждает древнего змея и является как Жена, облеченная в солнце. Очевиден факт полного соответствия сюжетов, описанных в этих стихах. Таким образом, произошло абсолютное воплощение идей Бога, которые Он сказал о Жене. Жена, облеченная в солнце, поразила змея, и змей упал с неба на землю. Каким же образом Бог реализовал падение врага Своего, который первым начал клеветать против Бога? [Быт. 3:1]. Посредством воплощения идей теозиса Бог дал Жене-Софии, облеченной в солнце, возможность рождения богочеловеков. Итак, с одной стороны, Жена, облеченная в солнце, рождает Богочеловеков, о которых говорил армянский философ-богослов Григор Нарекаци еще в X в.: «Она, *София*, рождает неких Богов сотворенных, святые подобия Бога Единого Христа (курсив мой. – М. Х.)» [8, с. 250]. Этот стих из «Книги скорбных песнопений» соответствует стиху из «Откровения» (12:5), где Жена, облеченная в солнце, рождает младенца мужского пола, восхищенного к престолу Бога Отца, ибо они победили дьявола кровью Агнца, которую они уже имели в себе. Потому они и именуются святыми подобиями Бога Единого Христа. Сие подтверждается тем, что родившемуся младенцу был дан жезл, которым ему дано было пасти все народы мира [Откр. 12:5]. С другой стороны, очевидным является, что та же Жена, облеченная в солнце, противостоит всему демоно-сатанинскому миру, воплощенному в древнем змее, и поражает всю мыслительную деятельность головы змея. Вместе с тем Жена, облеченная в солнце, имеет власть и силу поражать и служащих древнему змею, дьяволу и сатане бесов «зверонравных», которых Она «отделив <...> навсегда отлучает» от земли [8, с. 250].

Возникает вопрос: что стало причиной падения змея с неба на землю? Этой причиной стали дети Бога, рожденные от Софии – Жены, облеченной в солнце, занявшие небесную позицию. Это та небесная позиция, которую Бог дал человеку от начала сотворения, сказав: «...плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над

рыбами морскими [и над зверями], и над птицами небесными [и над всяким скотом, и над всею землею], и над всякими животными, пресмыкающимися по земле» [3, Быт. 1:28]. Но в связи с грехопадением Адам и Ева потеряли свою власть и силу над небом, землей, морем и бездной и уступили древнему змею свою господствующую позицию над ними. С приходом Софии – Жены, облеченной в солнце, является великая сила Божья, благословение утробы и сосцов [Быт. 49:25], и все рожденные Ею вновь получают способность, силу и власть снова господствовать над небом, землей, морем и бездной, как и предопределил Бог от начала сотворения до грехопадения. Таким образом, позиции, незаконно занятые древним змеем посредством экспроприации от Адама и Евы, на небе и на земле, в море и в бездне, вернутся к детям Софии – Жены, облеченной в солнце, и древний змей будет низвержен вниз с неба на землю, а дети Софии будут восхищены к престолу Бога, заняв позицию неба. В «Откровения» (12:5) «И восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его». Итак, именно София – Жена, облеченная в солнце, возродит род человеческий посредством обожения до совершенного богочеловечества. Тогда исполнится то, что вождельно сердцу Софии, Жены облеченной в солнце, и скажет Она: «Господь имея меня, началом пути Своего, прежде созданий своих, искони <...> Я была радостью всякий день, веселясь пред лицом Бога во все время, веселясь на земном кругу Его, и Радость Моя была с сынами человеческими» [Притч. 8:30–31].

Представляют интерес слова Г. Нарекаци о будущих соотношениях детей Софии с Ней: «Уповая на Пречистое Родотворение Твое и просвещаясь, жить буду я для Христа, Сына Твоего и Господа», ибо «Он Твой Сын по Рождению и Господь по Сотворению» [8, с. 264]. Итак, кто же Она, София, Жена, облеченная в солнце, которая родила младенца мужского пола, восхищенного к престолу Бога? София, родившая младенца, есть Мать Святая Непорочная, о которой свидетельствует Г. Нарекаци: «В сей книге моей следует увековечить Достославную Матерь мою восхваляемую, Великую и Блаженную Царицу Непорочную, и по достоинству обожествляемую, почитаемую как пречистое тело, глава коего – Слово Божие вочеловечившееся» [8, с. 238].

Уместно привести свидетельства С. Н. Булгакова о Софии из его труда «Свет Невечерний»: София – «дочь Бога, невеста Сына», жена Агнца, «матерь Сына» [11, с. 214], а в «Невесте Агнца» он называет ее Девой-Матерью, Женой и Невестой Агнца [12, с. 6]. М. М. Сперанский говорит о Ней: «Имя Жене – София <...> Она есть Мать всего вне Бога Сущего; ибо сама она есть первое внешнее существо» [5, с. 332]. Итак, образ Софии, Жены, облеченной в солнце, раскрывается в беспредельных чудесных ликах, поэтому уместно в заключение повторить слова Григора Нарекаци о Ней: «Она – София, род величия свода вышнего, возведенного гораздо раньше, нежели поселились в Ней сонмы небожителей <...> Она – некий образ дивный, превосходящий представления наши <...> Она превыше человека» [8, с. 245].

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Самопознание. Русская идея. СПб., 1998. 300 с.
2. Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907. 233 с.
3. Библия. М., 2005. 1337 с.
4. Гараева Г. Ф. Онтогносеологическая сущность софиологии и ее место в русской философии : Соловьев В. С., Флоренский П. А., Булгаков С. Н. : дис. ... д-ра филос. наук. Армавир, 2000. 346 с.
5. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины // Флоренский П. А. Собр. соч. : в 2 т. М., 1914. Т. 1. 809 с.
6. Булгаков С. Н. Апокалипсис Иоанна. Париж, 1948. 353 с.
7. Устьянцев В. Б., Орлов М. О., Данилов С. А. Очерки социальной философии : пространственные структуры, порядок общества, динамика глобальных систем / под ред. В. Б. Устьянцева. Саратов, 2010. 248 с.
8. Нарекаци Г. Книга скорбных песнопений / пер. с древнеарм. М., 1988. 407 с.
9. Козырев А. П. Под знаком Софии. Творчество христианского философа Сергея Булгакова. Беседа с Сергеем Громовым // Свой. 2014. Октябрь. С. 6–9.
10. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве. М., 2011. 293 с.
11. Булгаков С. Н. Свет Невечерний : Созерцания и Умозрения. М., 1994. 417 с.
12. Булгаков С. Н. Невеста Агнца. Париж, 1945. 621 с.

Образец для цитирования:

Хачатрян М. В. София в библии и в русской софиологии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 166–171. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-166-171.

Sophia in the Bible and in Russian Sophiology: Aspect of Wife

M. V. Khachatryan

Mastegra V. Khachatryan, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia, Mastegra88@yandex.ru

The article explores the unique, but scantily investigated in Russian sophiology, concept of Sophia the Wisdom of God as “a Wife clothed with the sun”. According to the Bible, the first Sophia’s witness was The God Himself and his Prophets, on which all Russian sophiologists accentuated their attention. Religious mystical experience of sophiologists is the important determinant for acknowledgement of Sophia image. The topic in the article is researched by comparing notions of Russian religious philosophers and implicit texts of the Holy Scriptures about Sophia as well as by using method of biblical exegetics. The key in the work is the method of spiritual contemplation and inner intuitive-sensual cognition of truth, while special emphasis is put on drawing conclusions in the form of definitions and theses. The various functions of Sophia are revealed as a Woman Clothed with the Sun who possesses on the one hand the force and power to condemn and defeat the ancient serpent and on the other hand gives all-unite salvation to all creatures and mankind through their rebirth in Christ. Sophia’s personification is carried out in order to get detailed knowledge of her soteriological role. The importance of religious mystical experience of sophiologists is underlined as determinant of deeper knowledge of Sophia image and sophiology in general.

Key words: Wife, clothed with the Sun, Sophia Wisdom of God, sophiology, Russian religious philosophy, mystics.

References

1. Berdyayev N. A. *Samopoznaniye. Russkaya ideya* [Self-knowledge. Russian idea]. St. Petersburg, 1998. 300 p. (in Russian).
2. Berdyayev N. A. *Novoye religioznoye soznaniye i obshchestvennost* [The new religious consciousness and society]. St. Petersburg, 1907. 233 p. (in Russian).
3. *Bibliya* [The Bible]. Moscow, 2005. 1337 p. (in Russian).
4. Garayeva G. F. *Ontognoseologicheskaya sushchnost sofiologii i ee mesto v russkoy filosofii: Solovyev V. S., Florenskiy P. A., Bulgakov S. N.* [Ontognoseological essence of sophiology and its place in Russian philosophy: Solovev V. S., Florenskiy P. A., Bulgakov S. N.]. Diss. Dr. Sci. (Philos). Armavir, 2000. 346 p. (in Russian).
5. Florenskiy P. A. *Stolp i utverzhdeniye Istiny* [Pillar and the statement of Truth]. In: *Florenskiy P. A. Sobr. soch.* [Collected works: in 2 vols.] Moscow, 1914, vol. 1. 809 p. (in Russian).
6. Bulgakov S. N. *Apokalipsis Ioanna* [Apocalypse of John]. Paris, 1948. 353 p. (in Russian).
7. Ustyantsev V. B., Orlov M. O., Danilov S. A. *Ocherki sotsialnoy filosofii: prostranstvennyye struktury, poriyadok obshchestva, dinamika globalnykh sistem* [Essays on social philosophy: spatial structures, the order of society, the dynamics of global systems]. Ed. by V. B. Ustyantsev. Saratov, 2010. 248 p. (in Russian).
8. Narekatsi G. *Kniga skorbnykh pesnopeniy* [The book of mournful psalms]. Trans. from ancient Armenian. Moscow, 1988. 407 p. (in Russian).
9. Kozyrev A. P. *Pod znakom Sofii. Tvorchestvo khristianskogo filosa Sergiya Bulgakova. Beseda s Sergeyem Gromovym* [Under sign of Sophia. Creations of the Christian philosopher Sergey Bulgakov. Talk with Sergey Gromov]. *Svoy* [His], 2014, October, pp. 6–9 (in Russian).
10. Solovev V. S. *Chteniya o Bogochelovechestve* [Lectures on Divine Humanity]. Moscow, 2011. 293 p. (in Russian).
11. Bulgakov S. N. *Svet nevecherniy: Sozertsaniya i Umozreniya* [The unfading light: Contemplation and speculation]. Moscow, 1994. 417 p. (in Russian).
12. Bulgakov S. N. *Nevesta Agntsa* [The Bride of the Lamb]. Paris, 1945. 621 p. (in Russian).

Cite this article as:

Khachatryan M. V. Sophia in the Bible and in Russian Sophiology: Aspect of Wife. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 166–171. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-166-171.

УДК 316.6

ОБРАЗ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ

Е. Ю. Шакирова

Шакирова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (филиал, г. Сызрань), 5526reu@mail.ru

Войну как сложное социальное явление можно анализировать с различных позиций: она предстает как социально-политическое явление, как цивилизационное, как экзистенциальное. Главное на войне – человек, поэтому война воспринимается не только на уровне фактов, но и в виде образа, который представляет комплекс представлений о ней, включающий и оценку событий, и оценку врага, и собственный образ. В структуре образа войны автор выделяет прообразы, синхрообразы и протообразы. Содержание и формирование образа войны необходимо рассматривать в тесной связи с социокультурной системой: особенности текущей социокультурной ситуации детерминируют изменение коллективной памяти, элементом которой являются и образы войны. Существование единой коллективной памяти, наполненной образами, разделяемыми всеми, невозможно. Информационный плюрализм, кризис гуманитарного и исторического знания, расширение сети средств массовой информации стимулируют появление неоднородных по смысловому наполнению образов коллективной памяти, которая предстает как избирательное явление: зачастую нивелируется значение одних событий и преувеличивается значений других. Своеобразие современной социокультурной ситуации приводит к милитаризации сознания и к оправданию войны как таковой, возникает новый социоантропологический типаж – «человек воюющий», для которого война становится этической нормой.

Ключевые слова: война, образ, образ войны, человек, мировоззрение, историческая память.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-172-177

Мир и война – два состояния общества, которые характеризуют развитие человечества с момента его появления на нашей планете. Россия пережила много войн. Жива еще в памяти народа Великая Отечественная война, унесшая жизни многих наших соотечественников. Образы войны, рожденные в сознании народа, живут и определяют поведение современных поколений, тех, которые той войны не знают, но знают уже другие войны, пусть не столь масштабные, но не менее значимые для исторической памяти народа.

Изучение войн сквозь призму гуманитарных наук не теряет актуальности на протяжении многих столетий. За это время было предпринято много попыток выявить их основополагающие характеристики и закономерности, на основе которых можно было бы вывести дефиницию войны. Существует множество определений войны, но с позиции обыденного мировоззрения людей, война – это катастрофический период, сопровождающийся бедствиями, разрушениями, несчастьями. Именно такую эмоциональную окраску имеет образ войны в общественном сознании. Действительно, война в силу ее развернутости в социокультурном пространстве воспринимается не только и не столько на уровне фактов, сколько в виде образа, имеющего эмоциональную окраску. Война ставит человека на край бытия, разрушая его и психологически, и физически, и одновременно переводит темп жизни в верхний регистр. Война обнажает слепые и агрессивные природные инстинкты, с одной стороны, но, с другой, раскрывает и иные черты людей – благородство, самопожертвование, стойкость.

В философском понимании образ – это форма отражения чего-либо в сознании. Это некая единица восприятия, на основе которой в последующем создается культурный паттерн, содержащий эмоциональные характеристики какого-либо социокультурного объекта. Образы, возникающие и приживающиеся в социокультурном пространстве, устойчивы и оказывают существенное влияние на изменение мышления и социального восприятия явлений. Любой образ содержит помимо эмоциональных компонентов и интеллектуальные, которые подразумевают попытку рационального объяснения социальных явлений. На формирование образов оказывают влияние различные факторы социокультурного, политического, экономического характера, поэтому под образом мы будем понимать синтетическое единство модальностей, выражающих убеждения больших социальных групп в определенный исторический период.

Образ войны предстает как комплекс представлений о ней. Е. С. Сенявская отмечает: «Субъект восприятия, формирования этого образа может быть весьма дифференцированным: это

и массовое общественное сознание, это и высшее политическое, а также военное руководство, и, наконец, это армейская масса, включающая низшее и среднее командное звено» [1, с. 43]. В самом широком смысле образ войны включает не только оценку происходящих событий, но и образ врага, и свой собственный. Образ войны является частью более широкого понятия – исторической памяти, основной механизм формирования которого – межпоколенная коммуникация, в процессе которой происходит передача исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта. Образ войны, выполняя трансляционную функцию, передает понимание войны предшествующими поколениями. Он наполнен разными характеристиками, война предстает как театр, игра, сравнивается со стихиями – грозой (война гремит), огнем (пламя войны, пожар войны), ветром (ветер войны) [2, с. 17]. Образ войны изобилует различными ярлыками, которые подчеркивают его эмоциональность, живость, яркость.

Война – многомерный социальный феномен, рассматривать который можно с различных позиций. Война предстает как социально-политическое, как цивилизационное, как экзистенциальное явление, сочетающее в себе огромное число личных трагедий, это драма жизни и то же время творчество, героизм, деятельность. Именно в образе войны особенно явственно прослеживается ее антропологическое начало. Главное на войне – это человек. Именно он является источником военных конфликтов, их зачинателем, от человека зависят ход и исход войны. Именно для него война предстает как некая «пограничная ситуация», благодаря которой меняется его мировоззрение, отношение к окружающему и самооценка. Образ войны, сформированный у человека, прошедшего через войну, опосредован различными факторами, в первую очередь той позицией, тем местом, которое отведено конкретному человеку в войне.

Образы войны, функционирующие в социокультурном пространстве, по своему происхождению могут принадлежать к двум группам: во-первых, они трансформируются при помощи бытийно-эмпирического уровня и интегрируются в социокультурную ткань эпохи. Во-вторых, эти образы привносятся в существующую картину мира из разных областей (науки, искусства, художественного творчества, иной культуры и т. д.). В процессе функционирования и первые, и вторые, как правило, смешиваясь, образуют некие синтетические образы войны,

которые и определяют общий уровень представлений о ней на данном историческом этапе развития общества и в определенных социальных группах.

Образы войны, формируясь и наиболее ярко проявляясь в ходе войны, накладывают отпечаток и на мировоззрение всего народа. Именно они наиболее устойчивы, хотя все существующие образы войны – образования динамичные. С изменением характера социокультурного развития меняется и образ войны. Исследователи пишут о том, что рубежом эпох в коллективной памяти служит период в 40 лет, по истечении которого живые воспоминания начинают постепенно исчезать [3, с. 11]. Я. Ассман заметил, что содержательное наполнение памяти, ее организация, сроки, в течение которых в ней могут сохраняться различные знания и та или иная информация, определяются не внутренней емкостью, а внешними, т. е. социальными и культурными рамками [3, с. 19]. «Основной функцией социальной памяти является самоидентификация определенного сообщества через подчеркивание его отличий от остальных сообществ и преуменьшение возможных разногласий внутри самого себя» [4, с. 33]. Существование определенных образов прошлого, в том числе и образов войны, возможно только в силу заинтересованности определенной социальной группы в пролонгации своего существования.

В современном социокультурном пространстве невозможно существование единой и однородной коллективной исторической памяти, наполненной образами прошлого, принимаемыми всеми. Можно выделить три важнейшие причины размывания образов прошлого и образа войны в частности: во-первых, информационный плюрализм. Благодаря развитию Интернета, расширению сети средств массовой информации, рассекречиванию архивов, недоступных ранее, информация о прошлом, распространяемая в широких социальных кругах, весьма противоречива. Образ войны в пространстве информационного плюрализма неоднозначен, причем надо отметить, что в данном случае речь идет не только о Великой Отечественной войне, но и о других военных конфликтах, в которых косвенно или прямо участвовали представители различных социальных групп нашего (и не только нашего) государства. Во-вторых, кризис исторического и гуманитарного знания: в эпоху доступности информации профессиональное историческое и социогуманитарное знание теряет свои передовые позиции и отходит на последние места: вперед выдвигается обыденное, повседневно-

бытовое, основанное на «слышал», «когда-то читал», «по телевизору говорили», «в кино видел» intersubjectивированное знание. В-третьих, расширение сети средств массовой информации является условием манипулирования и создания тех образов прошлого, которые выгодны на данном этапе развития общества.

Так историческая память становится избирательной. Она нередко ставит акценты на одних исторических событиях, абсолютно игнорируя другие. Конечно, избирательность связана со значимостью определенных событий для настоящего, но в большей степени она есть результат действия вышеобозначенных причин, что ведет к гиперболизации, преувеличению отдельных моментов исторического прошлого и имеет результатом трансформацию, в том числе и образов войны.

Образы войны, существующие в мировоззрении социума, в его исторической памяти, детерминируют и отношение к войне как таковой. Милитаризация сознания, через которую прошла Россия в XX столетии и которая в очередной раз становится актуальной для страны, свидетельствует об изменении отношения к войне и трансформации образа войны в общественном мировоззрении в сторону ее оправдания и придания статуса благородной. Благодаря тем конфликтам, в которых Россия так или иначе задействована в последние десятилетия, в широкие массы проникает психология комбатантов. «Человек воюющий» – новая реалья начала XXI в., новый социоантропологический типаж. Он готов участвовать в любой войне, его не смущают негуманные основания любых военных действий, для него война – это норма. Формирование «человека воюющего», по всей видимости, следует отнести к первой половине XX столетия, к так называемой «Второй тридцатилетней войне» (1914–1945 гг). Этот период тотальной войны коренным образом изменил мировоззрение эпохи и привел к состоянию перманентной войны «всех против всех», в результате которой мир на планете стал в принципе невозможен из-за серьезных политических разногласий.

Социокультурный контекст эпохи приводит к расслоению общества на два полюса: оправдывающих войну и не принимающих ее ни при каких условиях. Это означает существование двух групп образов войны: позитивных (оправдательных) и негативных (осуждающих). Внутри данных социальных групп формируются каналы коммуникации, по которым передается информация, поддерживающая функционирование принятого образа войны.

Образ войны – образование комплексное, в его структуре можно выделить следующие составляющие: прообразы, синхрообразы и постобразы [5, с. 12]. Прообразы предвосхищают военные события. Они целенаправленно создаются в ходе пропаганды задолго до начала военных действий. Эти образы искусственны по способу образования. Их формирование обусловлено деятельностью средств массовой информации, телевидением, радиопрограммами, а также функционированием социальных сетей и других способов коммуникации в сети Интернет. Одной из важнейших функций прообразов войны является манипулирование сознанием и получение желательных настроений в социальных слоях.

Синхрообразы возникают и развиваются в тесной связи с изменением обстановки в ходе военных действий. Огромное влияние на возникновение синхрообразов оказывает фронтовая повседневность, в которую погружен человек. Современные исследователи отмечают: «...невозможно создать универсальную картину фронтовой повседневности, но возможно описать некий набор типичных ситуаций для основных категорий военнослужащих с основными показателями и проявлениями повседневности для каждой из категорий» [6, с. 19]. Конечно, жизнь на войне – это сменяющие друг друга пограничные ситуации, постепенно приобретающие статус постоянных. Психология человека на войне подвергается коренным изменениям, образы войны как взгляда «извне» и взгляда «изнутри» настолько различны, что порой их сравнение некорректно.

Итак, синхрообразы качественно различаются, прежде всего, по субъекту образования. Отметим, что в период военных действий формируются разнообразные группы таких субъектов, например, комбатанты и некомбатанты, рядовые и офицерский состав, низший командный состав и высший, командные кадры и т. д. Для каждой группы война своя: каждая по-своему воспринимала бой, смерть, врага. Для тылового труженика бой, сражение принимают форму трудовых будней: нередко приходилось «сражаться» с собой, со своей усталостью, голодом, желанием спать. Враг был далеко, но мог быть и где-то рядом – шпион, диверсант, предатель. Для реальных участников боевых действий война была реальным пространством жизни, повседневностью, смерть сопровождала, была рядом и делала людей ожесточенными и, в определенной степени, к ней равнодушными. К смерти привыкали, как привыкали и к опасности,

однако, оказавшись в непривычных условиях, иногда терялись, испытывая чувство страха там, где представители других родов войск чувствовали себя привычно. Танкисту было очень неуютно под открытым небом в бою, когда он не был защищен броней от снарядов. Летчики тоже с трудом адаптировались к иным условиям. Враг был рядом, и представителю разных родов войск он виделся в соответствии с определенным «углом» обзора: танкисту – через смотровую щель, пехотинцу – из окопа, летчику – из кабины самолета, артиллеристу – сквозь прицел орудия... Летчица А. Г. Бондарева вспоминала: «Когда летишь, у тебя одна мысль: найти цель, отбомбиться и вернуться. Нам не приходилось видеть мертвых. Этого страха у нас не было...» [7, с. 115]. Кто-то встречался с врагом лицом к лицу, видел его глаза, кто-то посылал снаряд в намеченную цель. Враг в этом случае не всегда был очеловечен: он принимал формы машины (самолета, танка, автомобиля и т. д.). Санинструктор О. Я. Омельченко, вспоминая рукопашный бой, пишет: «Бьют, колют штыком в живот, в глаз, душат за горло друг друга. Вой стоит, крик, стон <...> пехоту ни с чем нельзя сравнить» [7, с. 163–164]. В бою выбора не было, вернее, была альтернатива: либо ты первым убьешь, либо тебя убьют. Война для всех ее участников становится обыденной, привычной и естественной. Можно привести множество примеров, подтверждающих, что смена уклада жизни в послевоенное время для многих участников войны стала потрясением, они не понимали, как нужно жить, для них жизнь осталась там – на войне. Образ мирной жизни стерся в сознании, ушел в небытие. У. И. Кулянина, анализируя воспоминания Николая Буторова – участника Первой мировой, приводит следующую выдержку из его дневника: «Думается, многие, пережившие войну, привыкнув к постоянным переменам, неожиданностям, сильным встряскам, богато заполняющим и разнообразившим существование, вряд ли могли бы удовлетвориться <...> спокойной, размеренной жизнью мирного времени. Она была для них уже слишком пресна» [8, с. 491]. Его сестра Юлия Буторова подтвердила слова брата: «Конец войны – это конец нашей самостоятельности, конец работе, коней целой жизни. Впереди пустота, полная, неприглядная и почти для всех без исключения» [8, с. 492]. Подобное отношение к войне вполне объяснимо: на войну пришлось годы молодости, те самые, когда осуществляется становление характера, когда человек определяется с будущим; и война сделала свое дело – она воспитала таких людей, которые ее приняли.

Постобразы войны возникают по окончании военных действий. Границы, которые разделяют прообразы, синхрообразы и постобразы, условны, например, постобраз может служить основой формирования прообраза следующей войны. Как правило, так и происходит: постобраз войны активно используется СМИ в пропагандистских целях, государством – в идеологических.

Формирование образа войны у тех, кто не участвовал в боевых действиях, происходит в процессе коммуникации с участниками войны или под воздействием официальной трактовки войны, но индивид вносит в него свои изменения, придавая тем самым определенную самостоятельность «своему» образу войны. Так, выделяются индивидуальные образы войны, сформированные в сознании каждого, групповые, появившиеся в результате интерсубъективации образа войны, и государственные (официальные), формируемые и используемые государством в своих целях. Государственные образы тесно переплетены с военными мифами, созданными в некоторых случаях тем же государством, либо родившимися самостоятельно, стихийно, в низовых слоях общества, и получившими широкое распространение.

Современные войны претерпевают существенные изменения по различным показателям: характеру применяемого оружия, социально-политическим характеристикам, количеству задействованных сторон и т. д. Бурно развивающаяся военная техника выводит систему «человек–машина» на новый уровень взаимоотношений. Возникает особый вид коллектива, объединенный функционирующей военной техникой: экипаж корабля, танковый и летный экипажи, команда подводной лодки; формируется «экипажное братство». У них одна цель, и жизнь их зависит от слаженности и четкости действий всех и каждого. Образ войны для них предельно конкретен и связан с участием в конкретном бою.

Существенной особенностью войны XXI в. является ее всеобщность, фактически война стала мировой и перманентной: она охватывает огромные территории, в нее прямо или косвенно вовлечены многие государства [9]. А переход в область виртуального и применение высокоточного оружия приводит к тому, что линия, разграничивающая «своих» и «чужих», перестала существовать. Война и мир потеряли свои рамки. Где мир? Где война? Они настолько связаны и взаимозависимы в современном мире, что разграничить эти два социальных состояния практически невозможно. «Вечный мир

возможен только на кладбище», – утверждал Г. Лейбниц. И эта фраза особенно актуальна для современного этапа развития общества. В современном обществе «дух» войны пронизывает все: социальная жизнь предельно милитаризована, образ войны теряет свою самостоятельность, он совмещается с образом Родины, победы, военной мощи. Время покажет, насколько правомочны подобные социальные манипуляции.

Список литературы

1. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999. 383 с.
2. Подюков И. А., Свалова Е. Н. Зрячий образ войны // Астафьевские чтения. Современный мир и крестьянская Россия (Пермь, 19–21 мая 2005 г.). Пермь, 2005. Вып. 3. С. 137–143.
3. Ассман Я. Культурная память : письмо, память о

прошлом и культурная идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.

4. Аникин Д. А. Топология коллективной памяти : от социальных рисков к цивилизационным вызовам. Саратов, 2016. 163 с.
5. Поваляев В. Г. Война как социальное явление : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. 16 с.
6. Сенявская Е. С., Сенявский А. С., Жукова Л. В. Человек и фронтовая повседневность : очерки по военной антропологии. М., 2017. 422 с.
7. Алексеевич С. У войны – не женское лицо. Минск, 1985. 317 с.
8. Кулянина У. И. Великая война в восприятии провинциального дворянства (по материалам дневников и воспоминаний Николая и Юлии Буторовых) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Тр. Шестой Междунар. науч.-практ. конф. : в 4 ч. СПб., 2015. Ч. 2. С. 479–495.
9. Шакирова Е. Ю. Новые старые войны // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 3 (12). С. 50–53.

Образец для цитирования:

Шакирова Е. Ю. Образ войны: проблема содержания и формирования // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 172–177. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-172-177.

The Image of War: the Problem of Content and Formation

E. Yu. Shakirova

Elena Yu. Shakirova, Federal State Official Military Educational Institution of Higher Professional Education Military Educational-Research Centre of Air Force Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin (branch, Syzran); 1, Marshal Zhukov Str., Syzran, 446029, Russia, 5526reu@mail.ru

War as a complex social phenomenon can be analyzed from different perspectives: it appears as a socio-political phenomenon, as a civilizational, as an existential one. Importantly on war-man, so war is perceived not only on level facts, but and in the form of way of, which represents complex views about it, including and assessment of events, and assessment of enemy, and own image. In the structure of the image of the war, the author highlights the foretypes, synchro and prototyping. The content and formation of the image of war should be considered in close connection with the socio-cultural system: the features of the current socio-cultural situation determine the change in the collective memory, the element of which are the images of war. The existence of a single collective memory, filled with images shared by all people, is impossible. Informational pluralism, the crisis of humanitarian and historical knowledge, the expansion of the media network stimulate the emergence of heterogeneous images of collective memory, which appears as an electoral phenomenon: the significance of some events is often leveled and the values of others are exagger-

ated. The peculiarity of the modern socio-cultural situation leads to militarization of consciousness and to the justification of war as such, there is a new socio – anthropological type – «a man at war», for which war becomes an ethical norm.

Key words: war, image, image of war, man, worldview, historical memory.

References

1. Senyavskaya E. S. *Psikhologiya voyny v XX veke. Istoricheskiy opyt Rossii* [Psychology of war in the twentieth century. Historical experience of Russia]. Moscow, 1999. 383 p. (in Russian).
2. Podyukov I. A., Svalova E. N. Zryachiy obraz voyny [The visible image of war]. In: *Astafevskie chteniya. Sovremennyy mir i krestyanskaya Rossiya* [Astafev reading. The modern world and the Russian peasant {Perm, 19–21 May, 2005}]. Perm, 2005. Iss. 3, pp. 137–143 (in Russian).
3. Assman Ya. *Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i kulturnaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and cultural identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, 2004. 368 p. (in Russian).
4. Anikin D. A. *Topologiya kolektivnoy pamyati: ot sotsialnykh riskov k tsivilizacionnym vyzovam* [The topology of collective memory: from social risks to civilization calls]. Saratov, 2016. 163 p. (in Russian).

5. Povalyaev V. G. *Voyna kak sotsialnoe yavlenie* [War as a social phenomenon]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philos.). Moscow, 2007. 16 p. (in Russian).
6. Senyavskaya E. S., Senyavskiy A. S., Zhukova L. V. *Chelovek i frontovaya povsednevnost: ocherki po voennoy antropologii* [People and front-line everyday life: essays on military anthropology]. Moscow, 2017. 422 p. (in Russian).
7. Alekseevich S. *U voyny – ne zhenskoe lico* [War has no female face]. Minsk, 1985. 317 p. (in Russian).
8. Kulyanina U. I. *Velikaya voyna v vospriyatii provincialnogo dvoryanstva (po materialam dnevnikov i vospominaniy Nikolaya i Yulii Butorovykh)* [The great war in the perception of the provincial nobility {based on the materials of the diaries and memories of Nicholas and Julia Butorov}]. In: *Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy*. Tr. Shestoy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 4 ch. [War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Sixth International scientific-practical Conference: in 4 parts]. St. Petersburg, 2015. Pt. 2, pp. 479–495 (in Russian).
9. Shakirova E. Yu. *Novye starye voyny* [New old wars]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela* [Humanitarian problems of the military], 2017, no. 3 (12), pp. 50–53 (in Russian).

Cite this article as:

Shakirova E. Yu. The Image of War: the Problem of Content and Formation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 172–177. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-172-177.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЕКТИВНЫХ МЕТОДИК И СОВРЕМЕННОГО РИСУНОЧНОГО ТЕСТА «ПТИЦА»

Э. Г. Абакарова

Абакарова Эмма Гаджиевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет, amina.ab@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу проективных методик, применяемых в настоящее время. Показано, как при помощи проективных тестов выявляются основные функции личности, отклонения в эмоциональной и когнитивной сферах. Отражены проблемы теоретического обоснования проективного экспериментирования в истории развития проективной техники; представлена классификация проективных тестов, используемых в нашей стране. Раскрывается важность применения проективных тестов, основанная на персональной идентичности рисунка и письма. Традиционная интерпретация изображения сводится к его символическим характеристикам и деталям, также оцениваются качества моторных реакций и цветовая гамма. Как правило, наиболее свободная инструкция позволяет расширить границы воображения и исполнения теста испытуемым. Частные признаки почерка присущи большинству индивидов, однако их сочетание и применение в разных буквах формирует индивидуальную специфичность и неповторимый набор признаков. Анализируется целесообразность применения проективного теста «Птица» (Э. Г. Абакаровой, 2014), включающего анализ графического изображения (рисунок птицы) и письменной аннотации. Подчеркивается возможность применения проективных тестов не только в диагностике, но и в коррекции личностных свойств и эмоциональных состояний испытуемых с определением наиболее эффективных.

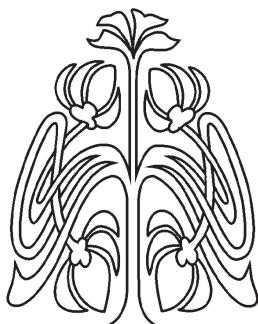
Ключевые слова: проективный тест, личные свойства, психологическая диагностика, проекция, рисунок, графологический анализ.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-178-183

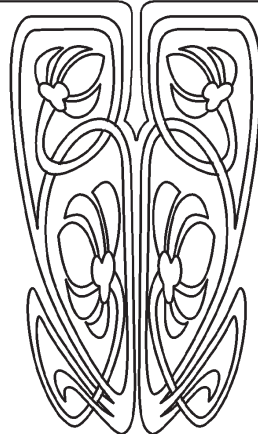
Введение

Сложность и многообразие форм современной жизни приводят к трудностям диагностики адаптации, личностных расстройств и психологических состояний. Глубинная онтологическая природа определяет специфику изучения и описания жизнеспособности, для которой зачастую недостаточно классических научных методов. На помощь исследователю приходят гносеологические «инструменты», которые опираются на синтез понятийно-метафорических форм. Подобным разнообразием символических интерпретаций богаты проективные методы диагностики [1].

Проекция в психологии – это любое проявление психической реальности индивида в его деятельности, а проективная психология, соответственно, – направление работы с человеком в контексте взаимодействия с создаваемыми им образами, имеющими наибольшее количество косвенных опосредованных связей с его личностью. Поиск взаимосвязи между скрытыми внутренними мотивами поведения и механизмом формирования наиболее древних бессознательных доминант имеет непреходящее значение. При помощи

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

проективных тестов предпринимается попытка выявить основные функции личности, отклонения в эмоциональной и когнитивной сферах.

Впервые принцип проекции, словесно-ассоциативный метод, начал применять К. Юнг в 1904–1905 гг. Именно ему принадлежит первенство в исследовании и доказательстве феномена, который связан с «комплексами» человека и возникновением пертурбации (расстройства). Подобное взаимодействие легло в основу всех проективных методик и доказало возможность объективной диагностики и анализа бессознательных переживаний личности.

История развития проективной психологии

Предшественником в формулировке проекционного принципа был основоположник этнической психологии Дж. Вико (XVII–XVIII вв.) [2]. Позднее Л. Фейербах (XIX в.) использовал концепцию проекции в критике религиозных суждений [3]. Подчеркивая склонность человека к проекции, он обратил внимание, что данный феномен свойствен как детям, так и взрослым образованным людям: именно последние изображают богов по своему образу и подобию.

В XX в. (1935 г.) Г. Мюррей и К. Морган разработали концепцию апперцепции и создали первую проективную методику – ТАТ (Thematic apperception test). Они использовали термин «апперцепция», благодаря которому описывали проецирование представляемых образов на объективный стимул. Вскоре после этого С. Л. Франк впервые применил понятие проекции для обозначения целого ряда методик (1939 г.). Однако теория проекции имеет свой собственный путь развития, независимый от тех психодиагностических методик, которые были названы проективными. Проективная психология изначально формировалась под влиянием психоанализа. Хорошо известно, что в психоаналитических теориях личность рассматривается как продукт преобразований инстинктивных влечений под воздействием культурных и социальных требований. Одна из задач проективного метода – выявление подобных неосознаваемых тенденций и их всевозможных трансформаций. Помимо психоанализа на формирование проективной психологии повлияла холистическая психология, в которой проективный метод рассматривается как средство анализа и систематизации индивидуального опыта человека (как физического, так и социального) и субъективных представлений.

Однако, несмотря на относительную завершенность указанных выше исходных концепций, проблемы теоретического обоснования проективного экспериментирования все еще существу-

ют. Данная ситуация прослеживается и в истории развития проективной техники. Проективные методики либо создавались эмпирическим путем, либо основывались на общепсихологических или частных концепциях. Их возникновение изначально было связано с потребностями клинической психологии: проективные методики решали задачи диагностики дезадаптированной личности, но со временем стали использоваться более широко – как средство установления индивидуальных особенностей личности.

Суть любого проективного метода сводится к тому, что создается некая экспериментальная ситуация (образ), которая допускает любые вариации возможных интерпретаций испытуемым. Чаще всего в проективной методике используется неопределенный стимул, знак, ситуация или образ. Испытуемому предлагается стимул, который он должен интерпретировать, дополнить, развить и т. д. К подобной работе относятся: интерпретация картинок или иллюстраций, завершение неоконченных предложений, трактовка некоторых образов или сочетаний и т. д. В процессе подобной работы через «проекцию» в ответах исследуются личность испытуемого, его особенности и возможные отклонения от принятой нормы. Кроме прочего данные методики позволяют исследовать неповторимую систему индивидуальных особенностей и психологических свойств личности, которые формируют когнитивный стиль и поведение субъекта [4, с. 5].

Современные методы проективной диагностики

В настоящее время проективные тесты применяются наравне с типологическими методиками (опросниками, анкетами, тестами на интеллект и др.) [5]. Проективные методы, как правило, отражают интуитивный подсознательный выбор испытуемого. Среди прочих методик большой популярностью пользуются тесты «Незаконченные предложения» (В. Г. Казачковой), «Пиктограммы» (А. Р. Лурия), тематической апперцепции – ТАТ (Г. Мюррея и К. Морган). Исследование интегральных интеллектуальных функций возможно при использовании методик «Толкование пословиц» (С. Я. Рубинштейн), «Исключение лишнего» (в интерпретации Н. Л. Белопольской), «Выделение существенных признаков» (С. Я. Рубинштейн), тест юмористических фраз – ТЮФ (А. Г. Шмелева, В. С. Болдыревой) и др. Результаты данных тестов зависят от применения воображения, интуиции, эвристичности и других интеллектуальных функций испытуемого. Перечисленные методики являются не только диагностическим инструментом в

руках психолога, но и моделью коррекционной работы с выделенными границами слоев личности, в рамках которых может осуществляться психотерапевтическая работа [6, 7].

Как правило, проективные методы не являются взаимоисключающими и во многих тестах используются параллельно, вместе с тем каждая методика имеет свой функционал и выполняет разные задачи. Все проективные тесты можно классифицировать по форме работы с ними:

1) проективные методики структурирования: проективный тест с использованием «клякс» (Х. Зиверта), проективный тест Цуллигера, «Тест чернильных пятен» Роршаха [8];

2) проективные методики интерпретации: «Рисованный апперцептивный тест» (РАТ), проективный тест «Руки» (Hand Test), «Тест фрустрации Розенцвейга» (The Rosenzweig Picture-Frustration Study), «Тематический апперцептивный тест» (ТАТ), «Тест Сонди» (Szondi Test);

3) проективные методики экспрессии (эмоционального предпочтения): «Психографический тест» (Либина), «Тест Фрилинга», «Цветовой тест отношений» (ЦТО), «Тест Люшера»;

4) проективные методики дополнения, в которых испытуемому необходимо завершить мысль. Стимульный материал в подобных тестах всегда имеет начало предложения: «Метод незаконченных предложений» (В. Г. Казачкова), «Тест незаконченных предложений» (Сакса);

5) рисуночные проективные тесты, которые предлагают самостоятельно изобразить рисунок на заданную тему: «Тест окрашивания пальцем» (Р. Шоу), «Нарисуй человека» (К. Маховер), «Рисунок семьи» (В. Вульфа), «Дом – дерево – человек» (Дж. Бука), «Тест дерева» (К. Коха), «Автопортрет» (Р. Бернса), проективный тест «Птица» (Э. Г. Абакаровой), психографический тест Либина [9]. Во всех случаях законченный объект рисунка должен соответствовать условиям инструкции. Если в инструкции указано, что необходимо нарисовать птицу, то испытуемый должен нарисовать ее, а не какой-либо другой объект (самолет, мяч и т. д.). После окончания рисования испытуемого просят рассказать об изображении.

В целом интерпретация сводится к символическим характеристикам рисунка и его деталей, а также оцениванию качества моторных реакций и цветовой гаммы изображения. Как правило, наиболее свободная инструкция позволяет расширить границы воображения и исполнения теста испытуемым. Некоторые методики последней группы решают задачи, по своей природе наиболее схожие с задачами установления

психологических свойств исполнителя рукописи по его почерку, в связи с чем мы хотели бы рассмотреть данный вопрос более детально.

Одним из наиболее современных методов является авторский проективный тест «Птица». Данная методика позволяет изучить духовную составляющую тестируемого и отделить психосоматические расстройства от болезней, имеющих нозологическую природу [10]. Помимо изображения птицы тест содержит описание нарисованного символа, что позволяет провести анализ почерка испытуемого и дополнить диагностическую картину.

Диагностическое исследование почерка в рамках проективного теста «Птица» включено не случайно, чтобы в рамках графологических и медицинских исследований формировались представления о связях почерка и свойств личности. История судебно-экспертных исследований почерка выявила их широкие диагностические возможности: следует признать, что именно графологи уловили взаимосвязь и определенные зависимости между психологическими свойствами личности и почерком. По словам В. Ф. Орловой, поиск взаимосвязи между почерком и типологией человека с опорой на физиологические и психологические структуры, а также стремление создать свою типизацию личности через проекцию является несомненным достоинством графологии [11, с. 24]. Далее: «...как графологи, так и естественники много сделали в раскрытии механизма, описания анатомии и биомеханики письма, формировании и функционировании письменного навыка...» [11, с. 24].

Известный криминалист Е. Ф. Буринский в своих исследованиях опирался на знания из графологии, антропологии, истории письма и искусств, психиатрии, медицины, извлекая из них все, что имеет отношение к процессу письма и почерку. Полученные сведения он систематизировал и на их основе создал концепцию этой отрасли научных знаний. Е.Ф. Буринский рассматривал почерк не только как объект идентификационного, но и как объект диагностического исследования: «В почерке – весь человек, со всеми его физическими и духовными свойствами» [12, с. 189].

Советский ученый Е. В. Гурьянов рассматривал свойства нервной системы как одну из детерминант формирования почерка человека. Силу нервных процессов он связывал с устойчивостью формирующегося почерка перед воздействием ускорения и других усложнений письменного процесса. Кроме того, он проследил связь между скоростью усвоения письменных двигательных навыков и подвижностью нервных

процессов, что, по его мнению, обуславливало темп письма [13]. Последующее изучение влияния на почерк типологических свойств личности (в особенности темперамента) через деятельность двигательного анализатора способствовало созданию классификации почерков на простые, упрощенные и усложненные. Для рассматриваемого исследовательского поиска данная работа открыла связь одной из интегральных характеристик почерка и конкретными индивидуальными свойствами личности, обусловленными формированием индивида [11, с. 32].

Помимо криминалистических исследований, проведенных в рамках диагностики психологических свойств личности, изыскания, посвященные установлению связи между графическими элементами письма и свойствами личности, проводились также в психологии. В 1950-е гг. А. Р. Лурия предполагал, что почерк находится в известном соответствии с индивидуальными особенностями пишущего и его психофизиологическим состоянием.

Участие бессознательных компонентов в формировании и изменении почерка хорошо освещено в теории психоанализа, что позднее, в свою очередь, также повлияло на возникновение проективной психологии.

Как правило, формирование почерка происходит на 20–25 лет. Единая методика обучения письму и стандартные прописи не приводят к однотипному написанию. Почерк каждого человека индивидуален и зависит от анатомических, психофизиологических особенностей и типа центральной нервной системы. Со временем в почерке закрепляются индивидуальные признаки и отличительные черты, свойственные конкретному человеку.

Говоря о признаках почерка, стоит отметить, что их традиционно делят на общие и частные: к общим относят направление движения, степень детализации, конструктивной сложности, разгон и наклон, а также размер букв и их связность. При несложной тренировке большая часть общих признаков поддается изменению. В некоторых случаях волевое усилие и концентрация способны также повлиять на изменение общих признаков, поэтому при идентификации почерка предпочтение отдается не общим, а частным признакам. К ним относят особенности движения руки, появляющиеся в буквах или их отдельных частях (хвосты, крючки, неклассическое написание некоторых букв и т. п.). Частные признаки присущи большинству индивидов, однако их сочетание и применение в разных буквах формирует индивидуальную специфичность и неповторимый набор признаков.

Стоит отметить, что интерпретации признаков почерка в криминалистике и графологии расходятся. Если в криминалистическом почерковедении признаки почерка в основном имеют количественную оценку и предназначены для идентификации писавшего или для установления авторства, то в графологии признаки почерка имеют, скорее, описательный характер и представляют психологические характеристики автора рукописи. Тем не менее исследование почерка является надежным диагностическим инструментом, который имеет общие черты с проективными методиками. Использование рисунка птицы и описательной части в одном тесте увеличивает диагностические возможности проективного метода «Птица» и расширяет границы интерпретации.

Делая выводы, стоит отметить, что при всем многообразии психологических опросников и тестов психологи испытывают дефицит в многофункциональных методах, которые могут быстро не только оценить структуру личности в целом, но и найти зоны потенциальной деструкции. Основным отличительным свойством всех рисуночных проективных методик является наличие свободы мелкой моторной деятельности и форм выражения собственной проекции. Исследование рисунка в проективном тесте «Птица» в сочетании с графологическим анализом позволяет расширить анализ полученных данных и приблизиться к наиболее реальной картине психологического состояния студента. Кроме диагностической функции проективный тест выполняет психотерапевтическую функцию: опираясь на полученные данные, психологи могут проводить психокоррекционную работу с испытуемыми наиболее эффективно.

Заключение

В мире современных технологий и свободной доступности интерпретационного анализа многих психологических тестов достоверность диагностики снижается. Подобные случаи происходят не только с классическими психологическими методиками, но и с проективными тестами [14]. В силу внутренней тревоги, связанной с полученными результатами теста и стремлением быть «не хуже других», некоторые испытуемые отвечают «правильно», следуя заданному в ответах алгоритму. В ситуации наибольшей валидности результатов тестирования применение проективных методов диагностики определяется нами как наиболее качественное с точки зрения истинности полученных данных.

Список литературы

1. Проективные методы исследования личности в психологии : сб. лабораторных работ / сост. О. А. Кондратенко. Челябинск, 2007. 49 с.
2. Cotrupi C. N. *Northrop Frye and the poetics of process*. Toronto, 2000. 145 p.
3. Mackey J. P. *The critique of theological reason*. Cambridge, 2000. 340 p.
4. Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. М., 1980. 176 с.
5. Todd Дж., Богарт А. К. Основы клинической и консультативной психологии / пер. с англ. СПб., 2001. 768 с.
6. Буравцова Н. В. Архетипические основы профессионального становления личности (проективная методика анализа неосознаваемых побудителей и сопроводителей профессионального становления личности) // Социосфера. 2012. № 3. С. 32–37.
7. Дмитриева Н. В., Первозкина Ю. М., Козырева Т. С. Краткосрочная психотерапия в решении конфликта // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 2 (45). С. 228–231.
8. Венгер А. Л. Психологические рисуночные тесты : иллюстрированное руководство. М., 2003. 160 с.
9. Либин В. В., Либина А. В., Либин А. В. Психографический тест : конструктивный рисунок человека из геометрических форм. М., 2008. 368 с.
10. Абакарова Э. Г. Отражение индивидуальных свойств личности в символах хищных птиц в психологическом проективном тесте «Птица» // Международный научно-исследовательский журн. 2017. № 1–3 (55). С. 122–124. DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.021.
11. Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика : учеб. пособие. М., 2006. 160 с.
12. Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. СПб., 1903. 386 с.
13. Гурьянов Е. В. Индивидуальные различия в графических навыках письма // Изв. АПН РСФСР. М., 1952. Вып. 42. С. 145–170.
14. Cohen C. Complaint over doctor who posted inkblot test // New York Times. 2009. August 23.

Образец для цитирования:

Абакарова Э. Г. Теоретический анализ проективных методик и современного рисуночного теста «Птица» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 178–183. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-178-183.

Theoretical Analysis of Projective Methods and Modern Drawing Test «Bird»

E. G. Abakarova

Emma G. Abakarova, Stavropol State Medical University, 310, Mira Str., Stavropol, 355017, Russia, amina.ab@mail.ru

This article deals with an analysis of the projective methods currently in use. It demonstrates the way in which projective testing can be used to help identify basic personality functions and both emotional and cognitive disorders, and illustrates problems affecting the theoretical foundations of projective experimentation during the development of the projective technique, while also putting forward a classification of the projective tests currently in use in Russia. The article reveals the importance of using projective testing, basing its theory on the exclusive personalisation of drawing and writing. Drawing have traditionally been interpreted using their symbolism and detail, as well as the motor reflexes and colour palette employed. As a rule, keeping instructions minimal frees up the imagination of the test subject. The handwriting of the majority of people contains individual characteristics, with their combination and use in letters forming a personally-specific and unreproducible set of signs. The article assesses the usefulness of the Bird Test (E.G. Abakarova, 2014), a projective method which includes an analysis of an illustration (an image of a bird) and its written annotations. It underlines the potential for projective tests to find a use beyond diagnostic work, in the correction of the traits of personality and emotional state of the test subject by finding the most effective route forward.

Key words: projective test, personal qualities, psychological diagnosis, projection, graphological analysis.

References

1. *Proyektivnyye metody issledovaniya lichnosti v psikhologii*: sb. laboratornykh rabot [Projective methods of personality research in psychology: a collection of laboratory works]. Compiler O. A. Kondratenko. Chelyabinsk, 2007. 49 p. (in Russian).
2. Cotrupi C. N. *Northrop Frye and the poetics of process*. Toronto, 2000. 145 p.
3. Mackey J. P. *The Critique of Theological Reason*. Cambridge, 2000. 340 p.
4. Sokolova E. T. *Proyektivnyye metody issledovaniya lichnosti* [Projective methods of personality research]. Moscow, 1980. 176 p. (in Russian).
5. Todd Dzh., Bogart A. K. *Osnovy klinicheskoy i konsultativnoy psikhologii* [Basics of clinical and consultative psychology]. St. Petersburg, 2001. 768 p. (in Russian).
6. Buravtsova N. V. Arkhetipicheskiye osnovy professionalnogo stanovleniya lichnosti (proyektivnaya metodika analiza neosoznavayemykh pobuditeley i soprovoditeley professional'nogo stanovleniya lichnosti) [Archetypal foundations of the professional formation of the personality {projective methodology for the analysis of unconscious drivers and escorts of professional development of personality}]. *Sotsiosfera* [Sociosphere], 2012, no. 3, pp. 32–37 (in Russian).
7. Dmitriyeva N. V., Perevozkina Yu. M., Kozyreva T. S. *Kratkosrochnaya psikhoterapiya v reshenii konflikta*

- [Short-term psychotherapy in conflict resolution]. *Mir nauki, kultury i obrazovaniya* [World of Science, Culture and Education], 2014, no. 2 (45), pp. 228–231 (in Russian).
8. Venger A. L. *Psikhologicheskiye risunochnyye testy: illyustrirovannoye rukovodstvo* [Psychological drawing tests: an illustrated guide]. Moscow, 2003. 160 p. (in Russian).
 9. Libin V. V., Libina A. V., Libin A. V. *Psikhograficheskiy test: konstruktivnyy risunok cheloveka iz geometricheskikh form* [Psychographic test: a constructive figure of a person from geometric forms]. Moscow, 2008. 368 p. (in Russian).
 10. Abakarova E. G. Otrazheniye individualnykh svoystv lichnosti v simvolakh khishchnykh ptits v psikhologicheskom proyektivnom teste «Ptitsa» [Reflection of individual personality traits into a symbol of a bird of prey in the psychological projective test «Bird»]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2017, no. 1–3 (55), pp. 122–124 (in Russian). DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.021.
 11. Orlova V. F. *Sudebno-pochovedcheskaya diagnostika* [Forensic handwriting diagnostics]. Moscow, 2006. 160 p. (in Russian).
 12. Burinskiy E. F. *Sudebnaya ekspertiza dokumentov, proizvodstvo ee i polzovaniye eyu* [Judicial examination of documents, its production and use]. St. Petersburg, 1903. 386 p. (in Russian).
 13. Guryanov E. V. Individualnyye razlichiya v graficheskikh navykakh pisma [Individual differences in graphic writing skills]. *Izv. akad. ped. nauk RSFSR* [Izvestiya of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR], 1952, iss. 42, pp. 145–170 (in Russian).
 14. Cohen N. Complaint over Doctor Who posted inkblot test. *New York Times*, 2009, August 23.

Cite this article as:

Abakarova E. G. Theoretical Analysis of Projective Methods and Modern Drawing Test «Bird». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 178–183. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-178-183.

УДК 159.9.072.52

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ТИПОЛОГИИ Д. КЕЙРСИ В ИДЕНТИФИКАЦИИ ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Н. А. Бельская

Бельская Наталья Анатольевна, старший научный сотрудник отдела диагностики одаренности, Институт одаренного ребенка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина, nybelsona@mail.ru

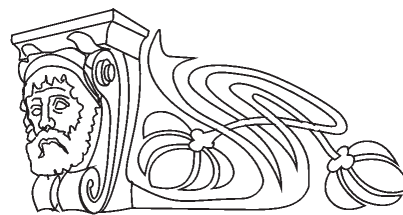
В работе представлены результаты исследования подростковой одаренности в контексте личностной типологии К. Юнга – Д. Кейрси. Проведен сравнительный анализ распределения типов темпераментов (в понимании Д. Кейрси) на выборках одаренной молодежи западных стран, с одной стороны, и победителей конкурса-защиты исследовательских и творческих работ в Малой академии наук Украины, с другой. Доказано, что частоты встречаемости типов темпераментов NT и SJ в обеих выборках в целом соответствуют друг другу, а именно: они представлены значимо чаще и реже среднего (среднестатистического) соответственно. Это подтверждает сущностную «разновекторность» в реализации интеллектуального потенциала носителями данных темпераментов в генеральной совокупности. В свою очередь, на украинской выборке одаренных старшеклассников была отмечена еще большая, чем у NT-типов, успешность представителей темперамента SP, что опровергает представление о нем как о носителе слабых академических способностей. Также на нашей выборке не подтвердилась высокая ресурсность темперамента NF, выявленная в исследованиях западных коллег. Однако с учетом недостаточного объема украинской выборки ($N = 378$ чел.) полученные результаты нуждаются в уточнении посредством дублирующих исследований.

Ключевые слова: одаренность, типология, темперамент, частота встречаемости, индекс ресурсности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-184-189

Идентификация одаренных детей и взрослых традиционно осуществляется через измерение каждого из параметров, составляющих признанный большинством специалистов комплекс способностей и качеств, свойственных (типичных) для одаренности как таковой или для тех или иных ее видов. Диагностика в данном случае базируется на аналитическом подходе, предполагающем «разложение» данного феномена на когнитивные или личностные элементы, каждый из которых представляет наиболее значимые вклады в возможность появления выдающегося, неординарного достижения одаренного субъекта.

В рамках этого подхода обычно осуществляется и поиск решения задачи по выявлению личностного обеспечения одаренности: исследователи, как правило, предпочитают опираться на

«теорию личностных черт», чаще всего связываемую с именем Г. Олпорта. Так, большинство специалистов в данной области психологии обычно перечисляет в качестве автономных конструктов такие черты одаренных личностей, как независимость (неконформность), склонность к риску, перфекционизм и т. п.

Гораздо реже имеют место попытки исследовать те или иные виды одаренности с помощью «теории личностных профилей», связанной с возникновением многофакторных личностных опросников (например, 16PF Р. Кеттелла, ММРІ С. Хатауэя и Дж. МакКинли и др.). Собственно говоря, осознанных, намеренных попыток такого рода и не предпринималось, но результаты, полученные в результате математического анализа первичных психологических данных, способствовали тому, что специалисты, работающие в этом направлении, отметили специфику профилей, характерных именно для потенциально талантливых людей. Так, Л. Собчик выделила профили СМІІІ(ММРІ) 489–/ и 482–/ как способствующие реализации присущей субъекту оригинальности мышления (при условии высокого интеллекта) [1]. Психологам, работающим с 16-ФЛО Р. Кеттелла, также удалось эмпирически выявить так называемый «индекс креативности», который отразился в следующей формуле (последовательности шкал): $-A, +B, +E, -F, -G, +H, +I, +M, +Q1, +Q2$. Правда, выяснилось, что «креативы», представляющие науку и высшую инженерию, с одной стороны, и искусство и литературу, с другой, значимо различаются между собой по некоторым из данных шкал 16-ФЛО [2].

Несмотря на то, что «теории типов личности» отражают наиболее давнюю традицию в подходах к изучению психического склада, исследования в направлении поиска наиболее «потенциальных» (одаренных) личностных типов практически отсутствуют. Исключение составляет типология К. Г. Юнга [3], которая на данный момент получила наибольшее признание и распространение.

Как известно, типология К. Г. Юнга включает восемь психологических типов, сочетающих в себе одну из двух *общих установок сознания*, т. е. экстравертную (E) или интровертную (I) и одну

из пар *психологических функций*, т.е. ощущение (S) – интуицию (N), чувство (F) – мышление (T). К. Г. Юнг считал, что данные установки и функции необходимы человеку для успешной адаптации к миру и присутствуют в каждом из типов. Однако обычно только одна из функций в сочетании с предпочитаемой установкой становится «дифференцированной» и определяет психологический тип индивида, остальные остаются в слаборазвитом и бессознательном состоянии.

Позже К. Г. Юнг уточнил концепцию, введя в нее представление о вспомогательной функции типа, которая также проявляется по бинарному принципу, а именно: «рациональность (J) – иррациональность (P)». Это уточнение позволило впоследствии сторонникам данной теории сконструировать типологию, включающую 16 психологических типов.

Практическая разработка полученной типологии впервые была осуществлена И. Майерс и К. Бриггс, которые стали основоположниками возникшего в США термина «типоведение» и создали так называемый «индикатор типов» (MBTI), позволяющий тестовым методом отнести любого человека к одному из 16 типов [4, 5]. Свою версию и методику идентификации данных типов (KTS, KTS-II) создал и Д. Кейрси, особым вкладом которого в типоведение принято считать обобщение 16 типов-«портретов» в четыре более емкие и целостные «типы темперамента»: SJ – сенсорно-рациональный, он же сенсорно-решающий и сенсорно-планирующий, SP – сенсорно-иррациональный, он же сенсорно-импульсивный или сенсорно-перцептивный, NF – интуитивно-чувствующий, или интуитивно-эмоциональный, NT – интуитивно-мыслительный, или интуитивно-логический [6]. На данный момент именно 4-факторная («темпераментальная») классификация Д. Кейрси имеет наибольшую популярность, особенно в среде специалистов практического (консультативного) типоведения.

При всех теоретических разногласиях между И. Майерс – К. Бриггс и Д. Кейрси сторонни-

ками-пользователями обоих диагностических инструментов принято считать эмпирическую валидность MBTI и KTS в равной степени состоятельной (доказанной), а это означает, что выбор методики для идентификации типа обычно обусловлен факторами вторичного характера, в частности временем тестирования, личными предпочтениями и пр.

Исследования по поиску возможных связей между потенциальной одаренностью и психотипами (а также их составляющими) по К. Г. Юнгу активно проводятся на Западе последние 30 лет. Наиболее полные и интересные данные представлены в работе U. Sak, в которой автор проанализировал и обобщил результаты 14 научных исследований, посвященных данной проблеме [7].

Согласно полученным результатам, несмотря на то, что среди одаренных подростков представлены все типы личности, в данной группе в большей или меньшей степени отмечается преобладание определенных темпераментов, типов и психологических функций над аналогичными факторами в нормативной выборке. Так, если среди творчески одаренных подростков экстраверты составляют 51,3 %, то в нормативной выборке экстравертов уже 68,45%. Еще большая разница отмечается по шкале сенсорики (S) – интуиция (N): среди одаренных обнаружено 71,6% интуитивных типов, их же в нормативной группе 31,9%. Мыслительных (T) типов среди одаренных оказалось 53,8%, в нормативной выборке 47,5%. Также та часть одаренных подростков, которая идентифицирована как иррациональные, или перцептивные (P), составляет 60,10%, тогда как процентная доля нормативной группы по данному показателю равна 45,40%. Что касается типов в целом, то среди них уверенно лидируют представители INTP [7].

Поскольку нас в этом исследовании прежде всего интересовали темпераментальные «портреты» Д. Кейрси, то приведенные U. Sak данные были нами обобщены и оформлены (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение встречаемости темперамента и его потенциальной одаренности в обобщенной западной выборке (N = 4828 чел.)

Типы темперамента	Частота встречаемости темперамента в общей выборке старшеклассников, %	Количество одаренных старшеклассников в типах темпераментов, %	Номинальный рейтинг «одаренности темперамента»	«Индекс ресурсности» темперамента
SP	25,5	11,2	4	0,44
SJ	42,7	16,8	3	0,39
NT	15	36,75	1	2,45
NF	17	35,2	2	2,1

В указанную таблицу нами введен так называемый «индекс ресурсности» темперамента, вычисляемый как отношение количества, в %, одаренных подростков к частоте встречаемости данного темперамента в исследованной выборке, и позволяющий уточнить его реальный рейтинг в «процентном ряду одаренности типов». Например, в данном случае группа SP, занимающая последнее место, четвертое в данном в ряду, т. е. как бы наименее «одаренная», на самом деле обладает большим потенциалом, чем группа SJ, имеющая рейтинг 3. Таким образом, согласно результатам исследований западных авторов старшекласники, отнесенные к категории «одаренных», значимо чаще встречаются среди представителей группы типов NT и NF, чем среди двух оставшихся групп.

Целью нашей работы являлась проверка следующей гипотезы: группа типов NT в украинской выборке старшекласников обладает большим интеллектуально-академическим потенциалом, чем остальные группы (типы темперамента), а четверка SP-типов действительно уступает

остальным в академической (теоретической) успешности, как это следует из их характеристик, представленных в уже приведенных выше источниках.

Эксперимент проводился на базе Малой академии наук Украины (МАНУ). Выборку исследования составили 378 учеников-членов академии, защищавших свои научно-исследовательские и творческие работы на 3-м (республиканском) уровне в 2013 г. Контрольную группу сформировали ученики одного из лицеев г. Киева ($N = 142$ чел.).

Поскольку изначально мы предполагали, что темпераментальный состав участников конкурса МАНУ в процентном соотношении будет отличаться от общепопуляционного, возникла необходимость принять во внимание накопленную типологическую статистику не только среди старшекласников, но и среди взрослых.

Рассмотрим найденную нами на момент выполнения работы популяционную статистику (табл. 2) [4, 8, 9].

Таблица 2

Частота встречаемости темпераментов в американской, российской и мультиэтнической выборках

Типы темперамента	МВТИ (США, сотрудники бизнес-корпораций и госслужбы), % $N = 20$ тыс. чел.	МВТИ (Россия, студенты и работающие), % $N = 540$ чел.	КТС-II (США+ 26 стран), % $N = 40$ млн чел.
SP	40	18,7	30–35
SJ	40	41,3	40–45
NT	10	21,2	5–10
NF	10	18,8	15–20

Как можно видеть, тенденции в распределении темпераментов во взрослой генеральной совокупности в целом повторяют статистические характеристики юношеской выборки: особенно это относится к стабильному доминированию SJ-группы. Вместе с тем отмечаются значительные отличия в представленности темпераментов NT и SP в российской и зарубежных популяциях, однако недостаточное для типологических исследований количество протестированных в российской группе не позволяет еще делать какие-либо выводы.

Таким образом, располагая определенными статистическими данными представленности в генеральной совокупности типов темперамента, мы получили возможность провести первичный анализ полученных нами результатов.

Результаты. Рассмотрим сравнительную статистику встречаемости темпераментов в экспериментальной и контрольной группах (табл. 3).

Таблица 3
Частота встречаемости темпераментов в экспериментальной и контрольной группах, %

Типы темперамента	МАН Украины ($N = 378$)	Контрольная группа ($N = 142$)
SP	5,3	9,9
SJ	43,1	46,5
NT	12,4	12,7
NF	39,2	31

Как видим, доминанта группы SJ сохраняется в обеих обследованных группах, что подтверждает значимость данного типа темперамента и для украинской выборки. Одновременно существенной особенностью этой выборки является весьма малое количество типов SP-группы, которая в странах Запада встречается гораздо чаще.

Однако нас прежде всего интересовала **NT**-группа, традиционно рассматриваемая как наиболее интеллектуально ресурсная, «потенциальная», группа, с типами которой обоснованно связывают достижения в науке (прежде всего в точных науках и естествознании), аналитике любой специализации и высшей инженерии.

Как свидетельствуют результаты нашего исследования, мы не получили подтверждения изначального предположения о том, что именно старшекласники типов **NT**-группы составляют значимо большее количество участников конкурса-защиты МАН Украины, по сравнению со среднестатистическим показателем в генеральной совокупности (и показателем контрольной группы в том числе): количество представителей группы **NT** в обеих выборках практически совпадает с аналогичными показателями в американской и мультиэтнической популяциях. С другой сторо-

ны, крайне незначительное представительство **SP**-типов в экспериментальной группе подтверждает их репутацию как носителей темперамента прежде всего практической направленности («ремесленников», «мастеров»), не заинтересованных в научно-теоретической и исследовательской работе. Поэтому мы предприняли попытку исследовать также *результативность* участия представителей различных типов темперамента на третьем общереспубликанском конкурсе МАНУ. Результативность рассчитывалась по определенному алгоритму на основе решений жюри конкурса, с учетом занятого претендентом места, суммы полученных баллов за контрольную работу по базовой дисциплине, а также за защиту научной работы. Традиционно призерами конкурса МАНУ становятся 35–45% участников.

Рассмотрим результаты этих расчетов и рейтинги типовых групп (табл. 4).

Таблица 4

Соотношение участия и результативности представителей различных типов темперамента на третьем республиканском этапе конкурсе МАН Украины

Типы темперамента	Участники конкурса-защиты МАН	Результативность (от теоретического максимума в 100%)	Рейтинг «одаренности» темперамента	«Индекс ресурсности» темперамента
SP	5,3%	26,5%	2	5
SJ	43,1%	22,9%	4	0,53
NT	12,4%	27,5%	1	2,2
NF	39,2%	23,2%	3	0,59

Таким образом, самая многочисленная группа учеников-членов МАНУ, т. е. **SJ**, в рамках типологии Юнга-Кейрси является в целом одновременно и наименее «одаренной», по сравнению с остальными тремя типами темперамента, в то время как наименее представленные в МАНУ-выборке представители **SP**- и **NT**-типов оказались наиболее «одаренными». При этом, если результаты темпераментов **SJ** и **NT** практически совпадают с данными западных коллег, то лидерство **SP**-типов в нашей экспериментальной группе было скорее неожиданным.

Обсуждение результатов

Таким образом, успехи украинских школьников-членов Малой академии наук, идентифицированных как носители **NT**-темперамента, подтвердили сложившуюся в литературе репутацию данного темперамента как действительно обладающего значительным интеллектуально-творческим потенциалом. В то же время блестящие показатели участвующих в научно-исследовательской и творческой деятельности украинских старшекласников, идентифицированных как представители темперамента **SP**, фактически опровергают пред-

ставление о данном темпераменте как обладающем слабыми академическими способностями. Возможно, одно из распространенных наименований представителей данной группы – «талантливые лентяи» – действительно имеет под собой основания, в связи с чем в учебных заведениях следовало бы вовремя идентифицировать этих детей и привлекать (мотивировать) их к участию в сложных исследовательских и творческих проектах. При этом с учетом данного психического склада следует отметить их ориентацию на решение прежде всего тех научных задач, которые будут иметь практическое применение.

Необходимо также объяснить скромные достижения группы **SJ**, наиболее многочисленной во всех представленных выше выборках (включая нашу экспериментальную группу) и относительно менее успешной согласно результатам как западных, так и нашего исследования. В доминировании *консервативной* по своей сути группы **SJ** (всегда не менее 40%), по-видимому, проявляется определенная целесообразность, вытекающая из базовой эволюционной задачи сохранения человечества, поддержания стабильности и обеспечения дальнейшего существования социума как целостности.

Как свидетельствует практика, конкретные профессиональные задачи, наиболее успешно выполняемые типами SJ-группы, традиционно связаны с менеджментом и организацией деятельности и жизнедеятельности коллективов различного масштаба, от микрогруппы (семья, спортивная команда) до трансатлантических мегакорпораций и государственных образований. При этом по мере восхождения на более высокий уровень социальной организации (и, соответственно, при принятии все более масштабных задач) в четверке группы SJ последовательно возрастает процент мыслительных типов (ISTJ и ESTJ) и резко сокращается количество чувствующих (ISFJ и ESFJ). Так, по данным О. Крегера и Дж. Тьюсона [8] типы ISTJ и ESTJ среди менеджеров среднего звена США в сумме составляют 49,5% от всех 16 типов ($N = 4789$ чел.), а среди топ-менеджеров уже более 60% ($N = 2245$ чел.).

Таким образом, группа SJ-типов, судя по всему, гораздо более продуктивно проявляется в сферах организационно-практической одаренности, чем в интеллектуально-творческой, что также соответствует оценке данных типов в уже указанных литературных источниках. Участие же носителей данного типа темперамента в научно-академической деятельности (в рамках МАНУ) обусловлено, скорее всего, не только и не столько познавательной потребностью или потребностью в творческом самовыражении (внутренней мотивацией), сколько соображениями прагматического, карьерно-стратегического характера; присуждение призовых мест на 3-м этапе в конкурсе МАН Украины обеспечивает определенные бонусы при поступлении в вузы, повышает статус портфолио и т. п.

Выводы

В исследовании нам удалось частично подтвердить результаты зарубежных коллег, а

именно: типы темперамента NT и SJ среди одаренных подростков в украинской выборке также представлены чаще и реже среднего (среднестатистического уровня) соответственно. В то же время полученные нами результаты противоречат результатам западных авторов: мы обнаружили высокую потенциальную одаренность темперамента SP и невысокие результаты темперамента NF. Предположительное объяснение этому можно искать в этнопсихологическом контексте, в различиях западной и восточной ментальностей, но недостаточная на данный момент выборка нашего исследования не позволяет сделать окончательных выводов. Тем не менее полученные нами данные указывают на перспективность исследования одаренности в типологическом аспекте.

Список литературы

1. Собчик Л. Н. Методы психологической диагностики. Вып. 1. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности: метод. руководство. М., 1990. 75 с.
2. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. 3-е изд. СПб., 2008. 368 с.
3. Юнг К. Г. Психологические типы. М., 1992. 194 с.
4. Абельская Е. Ф. Типоведческое исследование психического склада личности : дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2006. 202 с.
5. Briggs-Myers I. B., McCaulley M., Hammer A. L. MBTI Manual : A guide to the development and use of the Myers-Briggs Type Indicator. 3rd ed. Palo Alto, CA., 1998. 420 p.
6. Овчинников Б. В., Павлов К. В., Владимирова И. М. Ваш психологический тип. СПб., 1994. 238 с.
7. Sak U. A synthesis of research on psychological types of gifted adolescents // The Journal of Secondary Gifted Education. Winter 2004. Vol. XV, № 2. P. 70–79.
8. Крегер О., Тьюсон Дж. М. Типы людей и бизнес. М., 1995. 560 с.
9. The Keirsey Temperament Sorter (KTS-II). URL: <https://www.keirsey.com> (дата обращения: 10.01.2018).

Образец для цитирования:

Бельская Н. А. Возможности применения личностной типологии Д. Кейрси в идентификации одаренных подростков // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 184–189. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-184-189.

The Possibilities of Applying the Personal Typology of D. Keirsey in the Identification of Gifted Adolescents

N. A. Belskaya

Natalya A. Belskaya, Institute of Gifted Child, National Academy of Educational Sciences of Ukraine, 52-D, Sichovykh Striltsiv Str., Kyiv, 04053, Ukraine, nybelsona@mail.ru

The paper presents the results of the study of adolescent giftedness in the context of the personal typology of K. Young-D. Keirsey. A comparative analysis of the distribution of temperaments types (in the sense of D. Keirsey) on the Western samples of gifted adolescent, on the one hand, and the winners of the competition in the Minor Academy of Sciences of Ukraine, was carried out. It is proved that the frequencies of NT and SJ temperament types in both samples are generally consistent, namely: they are rep-

resented significantly more often and less often than the average, respectively. This confirms the essential "diversity" in the realization of the intellectual potential by the bearers of these temperaments in the general population. In turn, on the Ukrainian sample of gifted high school students, the success of representatives of the SP- temperament was even greater than that of NT-types, and this fact refutes the idea of it as a bearer of weak academic abilities. Also on our sample, fact of the high creative resource of the NF-temperament, revealed in the studies of Western colleagues, was not confirmed. However, given the insufficient volume of the Ukrainian sample ($N = 378$ pupils), the results need to be clarified through duplicate studies.

Key words: giftedness, typology, temperament, frequency of occurrence, resource index.

References

1. Sobchik L. N. *Metody psikhologicheskoy diagnostiki. Vyp. 1. Standartizirovanny mnogofaktornyy metod issledovaniya lichnosti: metod. rukovodstvo* [Methods of psychological diagnostics. Iss. 1. Standardized multi-factor method of personality research]. Moscow, 1990. 75 p. (in Russian).
2. Druzhinin V. N. *Psikhologiya obshchikh sposobnostey. 3-e izd. [Psychology of general abilities. 3rd ed.]*. St. Petersburg, 2008. 368 p. (in Russian).
3. Jung C. G., Baynes H. G. *Psychological types or the psychology of individuation*. London, 1921. 180 p. (Russ. ed.: Jung K. G. *Psikhologicheskie tipy*. Moscow, 1992. 194 p.).
4. Abelskaya E. F. *Tipovedcheskoe issledovanie psikhicheskogo sklada lichnosti* [Typological study of the mental formation of personality]. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Ekaterinburg, 2006. 202 p. (in Russian).
5. Briggs-Myers I. B., McCaulley M., Hammer A. L. *MBTI Manual: A guide to the development and use of the Myers-Briggs Type Indicator*. 3rd ed. Palo Alto, CA. 1998. 420 p.
6. Ovchinnikov B. V., Pavlov K. V., Vladimirova I. M. *Vash psikhologicheskiy tip* [Your psychological type]. St. Petersburg, 1994. 238 p. (in Russian).
7. Sak U. A synthesis of research on psychological types of gifted adolescents. *The Journal of Secondary Gifted Education*, Winter 2004, vol. XV, no. 2, pp.70–79.
8. Kroeger O., Thuesen J. M. *Type talk at work*. New York, 1992. (Russ. ed.: Kroeger O., Thuesen J. M. *Tipy lyudey i biznes*. Moscow, 1995. 560 p.).
9. *The Keirsey Temperament Sorter (KTS-II)*. Available at: <https://www.keirsey.com> (accessed 10 January 2018).

Cite this article as:

Belskaya N. A. The Possibilities of Applying the Personal Typology of D. Keirsey in the Identification of Gifted Adolescents. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 184–189. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-184-189.

УДК 159.99

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ И ОТНОШЕНИЕ К МИРУ ЛИЦ В ДОБРОВОЛЬНОЙ ЭМИГРАЦИИ

Е. В. Василенко

Василенко Екатерина Валентиновна, психолог, волонтер Благотворительного фонда «Твоя территория». Московский государственный психолого-педагогический университет, evasil@bk.ru

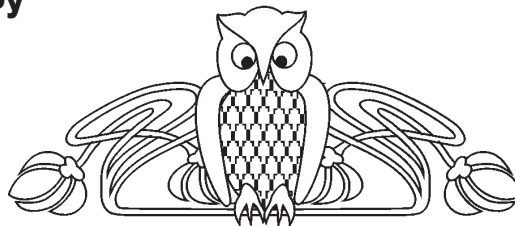
В статье рассматривается проблема социокультурной адаптации добровольных эмигрантов через призму стресспреодолевающего поведения и специфики их отношения к миру. Определяются особенности копинг-стратегий и характеристики внешнего и внутреннего мира граждан России, живущих за границей – в США, Великобритании, Швейцарии, Франции, Бельгии, Австрии ($N = 70$). Выявлено, что женщины в добровольной эмиграции чаще мужчин используют стратегию поиска социальной и эмоциональной поддержки. Трудоустроенные эмигранты склонны к активному совладанию, при этом они оценивают внешний мир более позитивно, что в сочетании с устремлением в будущее ведет к эффективному преодолению проблемной ситуации. «Инициаторы» отъезда в другую страну чаще обдумывают действия по разрешению трудной жизненной ситуации, разрабатывают стратегии поведения с целью их практического применения. «Неинициаторы» склонны к формированию зависимой позиции и/или чрезмерных ожиданий в отношении к миру, надеясь на помощь окружающих людей. Лица, пребывающие в эмиграции сроком от года до пяти лет, в большей степени склонны к стратегиям «отрицание» и «поведенческий уход» с целью снижения эмоционального напряжения. Можно предположить, что пятилетний срок пребывания в ситуации добровольной эмиграции – некий рубеж, приводящий к переосмыслению поведенческих подходов к решению возникающих проблем в добровольной эмиграции.

Ключевые слова: копинг-поведение, эмиграция, социокультурная адаптация, отношение к миру.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-190-194

Введение

Проблема эмиграции обширна и затрагивает не только эмигрантов, но и новую среду их проживания, именно поэтому она рассматривается отечественными и зарубежными психологами с разных перспектив и точек зрения. Для ответа на вопрос, каковы основные причины и психологические факторы успешной адаптации, исследуются стратегии совладающего поведения, лежащие в ее основе. Рассматриваются процессы копинга и адаптации, необходимые для пребывания человека в новой культуре (М. С. Самсонова, Т. Л. Смолина, А. Е. Фомичева, Н. В. Усова и др.). В исследованиях установлено, что стратегии аккультурации, используемые эмигрантами, оказываются связанными со стратегиями совладающего поведения. Так,

П. Шмитц выявил, что стратегия интеграции положительно коррелирует с проблемно ориентированным копингом [1]. Было также показано, что стратегия поиска социальной поддержки оказывает наибольшее положительное влияние на адаптацию эмигрантов [2, 3]. Т. Т. Donnelly [4] рассматривает совладание как динамический процесс, связанный с определенными различиями в социальных, культурных, политических, экономических и исторических условиях. Взаимосвязи этнокультурных особенностей с применяемыми копинг-стратегиями демонстрируются в работах М. С. Самсоновой, Т. Л. Смолиной, А. Е. Фомичевой, Т. Т. Donnelly [1, 5]. Согласно этим исследованиям, в группах населения одного и того же статуса, принадлежащих к различным культурам, регистрируются неодинаковые модели совладания. В исследовании Н. В. Усовой, которое также исследует особенности поведения добровольных эмигрантов, была обнаружена взаимосвязь между ожиданиями принимающей группы поведения мигрантов и собственно поведением последних [6].

Таким образом, предпочитаемые копинг-стратегии поведения складываются в определенные стили, взаимосвязаны с культурно-историческими условиями, этнокультуральными установками и способствуют психологической адаптации или, напротив, нарушению адаптации. Именно поэтому мы обращаемся к вопросу стресспреодолевающего поведения и отношения к миру, что является одним из компонентов адаптации добровольных эмигрантов. Изучение данного аспекта проблемы позволит:

1) проанализировать особенности копинг-стратегий и отношение к внешнему и внутреннему миру у мужчин и женщин в добровольной эмиграции;

2) сделать анализ особенностей копинг-стратегий, отношения к внешнему и внутреннему миру у лиц в добровольной эмиграции с различным социальным статусом, инициаторами и неинициаторами отъезда, с разным уровнем владения иностранным языком и разным сроком пребывания в добровольной эмиграции.

Организация и методы исследования

В исследовании, проведенном в 2017 г., приняли участие 70 русскоязычных человек (27 мужчин и 43 женщины), находящихся в ситуации добровольной эмиграции в США, Великобритании, Швейцарии, Франции, Бельгии, Австрии. Среди них 70% являются трудоустроенными, соответственно, 30% нигде не работают. По времени нахождения в ситуации добровольной эмиграции участники исследования распределились следующим образом: 31,5% – от одного года до трех лет; 23% – от трех до пяти лет; 21,5% – от пяти до десяти лет и 24% находятся в ситуации эмиграции свыше 10 лет.

Были использованы следующие методики: 1) тест оценки субъективного отношения к миру «Мир, в котором я живу. Какой он?», являющийся модификацией теста И. А. Буровихиной (И. А. Буровихина, 2013) [7] и позволяющий выявить отношение к внешнему и внутреннему миру у людей в добровольной эмиграции; 2) опросник COPE (версия Е. И. Рассказовой – Т. О. Гордеевой – Е. Н. Осина, 2013), рас-

считанный для измерения как ситуационных копинг-стратегий, так и лежащих в их основе диспозиционных стилей; 3) формализованная анкета, состоящая из пяти вопросов: пол, возраст, срок пребывания в эмиграции, занятость. Помимо этого респонденты отвечали на вопрос: Кто был инициатором эмиграции в Вашей семье?, что позволило нам выявить две группы эмигрантов: «инициаторы» и «неинициаторы» отъезда в другую страну.

Результаты исследования

Различия в группах мужчин и женщин были выявлены по стратегии поиска социальной поддержки по эмоциональным причинам ($p = 0,023$), а также поиска социальной поддержки инструментального характера ($p = 0,024$) (рис. 1). Для женщин характерна направленность на взаимодействие с другими людьми, и можно предположить, что решение проблемной ситуации для них связано с использованием советов, помощи и поддержки окружающих, что и отличает их от мужчин.

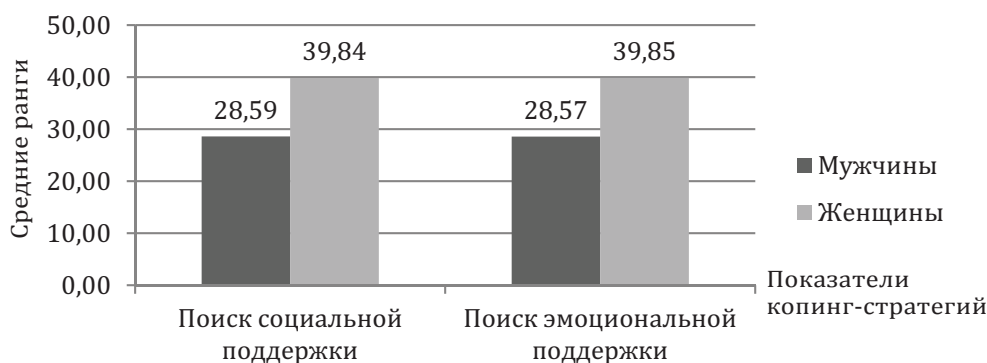

Рис. 1. Копинг-стратегии в группах мужчин и женщин в добровольной эмиграции (средние ранги)

Как уже было указано выше, данная стратегия положительно влияет на адаптивный потенциал эмигрантов, помогает им выстраивать отношения с окружающими, рассматривая их как основной ресурс для разрешения трудной ситуации.

Также анализ показал, что женщины чаще оценивают внешний мир как мудрый ($p = 0,019$) и нравственный ($p = 0,039$), дарящий опыт ($p = 0,014$), что согласуется с выбором ими стратегии поиска социальной поддержки, которая также обращена к внешнему миру. Таким образом, женщины в ситуации добровольной эмиграции стараются принимать изменившиеся социокультурные условия как ресурс, активно взаимодействуя с новой средой.

Рассматривая наличие или отсутствие работы как характеристику экономической составляющей адаптации к новой среде, мы выделили две группы эмигрантов. Значимые различия групп трудоустроенных и безработных добровольных эмигрантов были получены по предпочтению стратегии «Концентрация на эмоциях и их активное выражение» ($p = 0,050$) (рис. 2). Трудоустроенным эмигрантам, можно предположить, более свойственна лучшая регуляция своего эмоционального фона. Они более сконцентрированы не на эмоциях, а на способах, направленных на преодоление стрессовой ситуации, что находит свое подтверждение как в том, что трудоустроенные эмигранты чаще применяют стратегию «Активное совладание» ($p = 0,058$), так и в том,

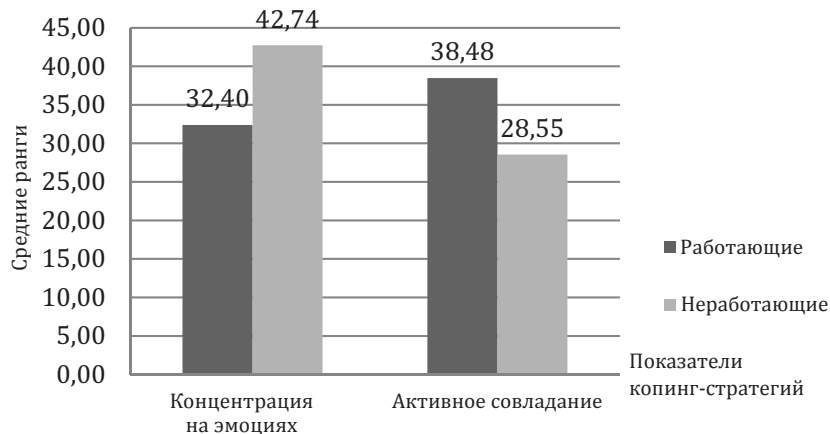

Рис. 2. Копинг-стратегии «Концентрация на эмоциях» и «Активное совладание» трудоустроенных и безработных добровольных эмигрантов (средние ранги)

что они склонны оценивать мир, в котором живут, как устремленный в будущее ($p = 0,011$).

Эмигрантам, являющимся инициаторами отъезда за границу в большей степени ($p = 0,000$) присуща такая активная стратегия, как «Планирование». С одной стороны, данная стратегия направлена на анализ и дальнейшее решение возникающей в эмиграции проблемы, исходя из задач, имеющихся ресурсов и опыта, с другой – чрезмерная рациональность может способствовать затягиванию процесса преодоления. Однако в сочетании со стратегией «Активное совладание» ($p = 0,001$), которая также характерна для инициаторов отъезда, и оценкой мира, в котором они живут, как наполненного сильными им задачами ($p = 0,001$) и зависящего от их собственной воли ($p = 0,040$), позволяет предполагать у них разрешение проблемной ситуации в виде активных шагов, направленных на преодоление стрессовой ситуации, в качестве которых инициаторы могут рассматривать сам акт переезда в новую страну проживания. Следует отметить, что инициаторам отъезда более свойственна копинг-стратегия «Подавление конкурирующей деятельности» ($p = 0,007$).

Значимые различия групп инициаторов и добровольных эмигрантов, которые последовали за близким человеком или родственником, были получены по предпочтению стратегии «Позитивное переформулирование и личностный рост» ($p = 0,014$). Стратегия дает возможность переосмыслить стрессовую ситуацию, включив ее в более широкий контекст психологической работы над собой, рассмотрев как стимул для личностного развития.

Лицам, не являющимся инициаторами отъезда за границу, в большей степени свойственны концентрация на эмоциях, их активное выражение ($p = 0,011$) и поиск эмоциональной поддержки, проявляющийся в стремлении разделить с кем-

либо свои переживания ($p = 0,000$), что может быть связано с оценкой внутреннего мира как полного друзей ($p = 0,015$), чувством доверия, интериоризируемого во внутренний план добровольных эмигрантов. Это находит подтверждение в самом факте доверия близкому человеку при принятии решения о переезде.

Таким образом, роль «инициатора отъезда», как и роль «сопровождающего лица» находят отражение в специфике применения стратегий совладающего поведения. «Инициаторы» чаще обдумывают, как действовать в трудной жизненной ситуации, разрабатывают план действий и реализуют его. «Неинициаторы» склонны к формированию зависимой позиции, стремясь разрешать проблемы при помощи других людей.

Далее, исходя из данных анкеты, эмигранты были разделены на четыре группы согласно сроку пребывания в эмиграции: первая группа (от одного года до трех лет, $N = 22$), вторая группа (от трех до пяти лет, $N = 16$), третья группа (от пяти до десяти лет, $N = 15$), четвертая группа (более десяти лет, $N = 17$). Достоверные различия групп были получены по использованию неэффективных копинг-стратегий «Отрицание» ($p = 0,036$) и «Поведенческий уход» ($p = 0,024$). Что предполагает (в случае предпочтения стратегии отрицания) пассивный уход от сопровождаемой эмоциональным напряжением реальности в виде отказа верить в случившееся или даже отказа от действий по разрешению возникших трудностей, попытке игнорировать его реальность. Данные стратегии, характерные для эмигрантов, проживающих за границей 5–10 лет, а также свыше 10 лет, могут рассматриваться как неадаптивные, однако это обстоятельство не исключает их пользы в отдельных ситуациях. Также достоверные различия групп были получены по использованию эффективных копинг-стратегий «Позитивное переформулирование и личност-

ный рост» ($p = 0,004$) и «Активное совладание» ($p = 0,026$). Отметим, что к позитивным стратегиям чаще прибегают эмигранты, находящиеся в ситуации добровольной эмиграции менее 5 лет. Таким образом, выделился пятилетний срок пребывания в ситуации добровольной эмиграции как некий рубеж, приводящий к переосмыслению поведенческих подходов к решению проблем.

Выводы

Анализ специфики стресспреодолевающего поведения лиц в добровольной эмиграции и их отношения к миру свидетельствует, что женщины в добровольной эмиграции чаще мужчин используют стратегии поиска поддержки, оценивают мир, в котором они живут, как мудрый, что согласуется с выбором ими стратегии поиска эмоциональной и социальной поддержки, обращенной также ко внешнему миру. Как видим, женщинам в ситуации добровольной эмиграции свойственно принятие изменившихся социокультурных условий.

Трудоустроенные эмигранты склонны к активному совладанию, при этом они оценивают внешний мир более позитивно, что в сочетании с устремлением в будущее ведет к эффективному преодолению проблемной ситуации. Мы видим, что безработные склонны оценивать внутренний мир как устремленный в прошлое, в отличие от трудоустроенных эмигрантов

«Инициаторы» отъезда чаще обдумывают, как действовать в трудной жизненной ситуации, разрабатывают стратегии поведения с целью их практического применения, «неинициаторы» склонны к формированию зависимой позиции, для них характерны чрезмерные ожидания по отношению к окружающим.

Лицам, пребывающим в эмиграции от года до пяти лет, в большей степени свойственно уходить от ответственности, отказываться от действий по разрешению возникших трудностей, некоторая пассивность (стратегии «отрицание» и «поведенческий уход») с целью снижения

эмоционального напряжения. Таким образом, можно определить пятилетний срок пребывания в ситуации добровольной эмиграции как некий рубеж, приводящий к переосмыслению поведенческих подходов к решению возникающих в эмиграции проблем.

Необходимо дальнейшее изучение копинг-стратегий и отношения к миру у лиц в добровольной эмиграции: с учетом трудовой занятости, с разными сроками пребывания в другой стране, с учетом позиции «инициатор-неинициатор» отъезда в другую страну. Проведенное исследование позволяет говорить о разных копинг-стратегиях преодоления, об особом отношении к миру в тех или иных группах эмигрантов, что позволяет выстроить адекватную психологическую помощь такой сложной целевой аудитории.

Список литературы

1. Самсонова М. С. Стратегии совладающего поведения при адаптации к инокультурному окружению // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 4. URL: <http://psyedu.ru/journal/2013/4/Samsonova.phtml> (дата обращения: 27.05.2017).
2. Уорд К. Азбука аккультурации // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб., 2003. С. 656–709.
3. Furnham A., Ota H., Tatsuro H., Koyasu U. Beliefs about overcoming psychological problems among British and Japanese students // J. Soc. Psychol. 2000. Т. 1, № 140. Р. 63–74.
4. Donnelly T. T. Contextual analysis of coping : implications for immigrants' mental health care // Issues Mental Health Nursing. 2002. № 23 (7). Р. 715–732.
5. Смолина Т. Л. Социальная поддержка как стратегия преодоления культурного шока // Социосфера. 2012. № 1. С. 656–709.
6. Усова Н. В. Совладающее поведение в ситуации добровольной миграции // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 96–99.
7. Одинова М. А. Психология жизнестойкости : учеб. пособие. М., 2015. 296 с.

Образец для цитирования:

Василенко Е. В. Копинг-стратегии и отношение к миру лиц в добровольной эмиграции // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 190–194. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-190-194.

Copying Strategies and Attitude to the World in Voluntary Emigration

E. V. Vasilenko

Ekaterina V. Vasilenko, Moscow State University of Psychology and Education, 29, Sretenka Str., Moscow, 127051, Russia, evasil@bk.ru

The article considers the problem of sociocultural adaptation of voluntary emigrants through the prism of stress-related behavior

and the specifics of their attitude to the world. Specific features of coping strategies and characteristics of the external and internal world of Russian citizens living abroad in the United States, Britain, Switzerland, France, Belgium, Austria ($N = 70$) are determined. It was revealed that women in voluntary emigration more often than men use the strategy of seeking social and emotional support. Employed emigrants are prone to active coping, while they evaluate the outside world more positively, which, combined with an aspiration for the future, leads to an effective overcoming of the problem situation. "Initiators" of departure to another coun-

try often think about actions to resolve a difficult life situation, develop strategies of behavior for the purpose of their practical application. "Not initiators" are slopes to form a dependent position and / or excessive expectations in relation to the world, hoping for the help of surrounding people. Persons who are in exile for a period of one to five years are more likely to have "negation" and "behavioral withdrawal" strategies in order to reduce emotional tension. We can assume a five-year period of stay in the situation of voluntary emigration as a certain boundary, leading to a rethinking of behavioral approaches to solving the emerging problems in voluntary emigration.

Key words: coping behavior, emigration, sociocultural adaptation, attitude towards the world.

References

1. Samsonova M. S. Strategii sovladayushchego povedeniya pri adaptatsii k inokulturnomu okruzheniyu (Coping strategies in adapting to the environment of other cultures). *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* (Psychological Science and Education: e-journal), 2013, no. 4. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2013/4/Samsonova.phtml> (accessed 27 May 2017) (in Russian).
2. Ward C. The ABCs of acculturation. *The handbook of culture and psychology*. Ed. by D. Matsumoto. New York, 2001, pp. 411–445 (Russ. ed.: Uord K. Azbuka akkulturationsii. In: *Psikhologiya i kultura*. Pod. red. D. Matsumoto. St. Petersburg, 2003, pp. 656–709).
3. Furnham A., Ota H., Tatsuro H., Koyasu U. Beliefs about overcoming psychological problems among British and Japanese students. *The Journal of Social Psychology*, 2000, vol. 1, no. 140, pp. 63–74.
4. Donnelly T.T. Contextual analysis of coping: implications for immigrants' mental health care. *Issues in Mental Health Nursing*, 2002, no. 23(7), pp. 715–732.
5. Smolina T.L. Sotsialnaya podderzhka kak strategiya preodoleniya kulturnogo shoka [Social support as a strategy to cope with culture shock]. *Sotsiosfera* [Sociosphere], 2012, no. 1, pp. 656–709 (in Russian).
6. Usova N. V. Sovladayushchee povedenie v situatsii dobrovolnoy migratsii [Coping behavior in a situation of voluntary migration]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 1, pp. 96 – 99 (in Russian).
7. Odintsova M. A. *Psikhologiya zhiznestoykosti* [Psychology of hardiness]. Moscow, 2015. 296 p.

Cite this article as:

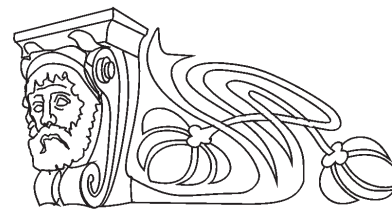
Vasilenko E. V. Copying Strategies and Attitude to the World in Voluntary Emigration. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 190–194. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-190-194.

УДК 159.9:316.64

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ УНИВЕРСИТЕТОВ

И. Е. Гарбер, А. А. Шаров

Гарбер Илья Евгеньевич, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Ilya.Garber@gmail.com

Шаров Алексей Александрович, аспирант кафедры социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, alsh2013mag@gmail.com

Изучались социальные репрезентации сотрудничества преподавателями университетов г. Саратова трех профилей: естественного, социально-гуманитарного и инженерного с помощью свободного ассоциативного теста с пятью возможными ответами. Объем выборки $N = 300$, из них женщин 66%, мужчин 34%, средний стаж 15 лет, $SD = 10$, доктора наук составляют 13%, кандидаты наук – 68%, магистры и специалисты – 19%. Все три профиля были представлены одинаковым количеством респондентов. Для интерпретации ответов использовались структурный подход Ж.-К. Абрика и методологические инструменты П. Верже. Ядро социальных репрезентаций сотрудничества выявить не удалось, единственное исключение – магистры и специалисты, ассоциирующие сотрудничество с работой. Выделены два компонента репрезентации сотрудничества: профессиональный и социально-психологический. Мужчины ассоциировали сотрудничество в первую очередь с профессиональными характеристиками, а женщины – с социально-психологическими. Репрезентации сотрудничества преподавателей естественнонаучного и социально-гуманитарного профилей схожи между собой: на первом месте стоит доверие, а далее – профессиональные характеристики. У преподавателей инженерного профиля на первом месте находятся профессиональные характеристики, а социально-психологические – далее. Кандидаты и доктора наук имели схожие репрезентации сотрудничества, отдавая предпочтение социально-психологическим характеристикам перед профессиональными.

Ключевые слова: социальная репрезентация, сотрудничество, преподаватель университета, ассоциативный тест, структурный подход Абрика, методологические инструменты Верже, сеть словесных ассоциаций.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-195-199

В последние три-четыре десятилетия социальные исследователи разных специальностей – политологи и экономисты, историки и культурологи, социологи и философы, антропологи и психологи, педагоги и менеджеры – интенсивно изучали проблематику конфликта, конфронтации, конкуренции, соперничества. Социальный заказ, связанный с широким спектром проб-

лем, – от локальных войн и террористических актов до напряженных трудовых и семейных межличностных отношений – транслировался средствами массовой информации и прямо или косвенно учитывался научным сообществом. Как следствие, в вузах России появилась новая дисциплина «Конфликтология» и выросло поколение психологов, считающих, согласно схеме К. Томаса (K. W. Thomas) и Р. Килмана (R. H. Kilmann), что сотрудничество есть не что иное, как одна из стратегий поведения в конфликте – и не более того. Профессор МГУ А. Г. Шмелев в 2014 г. предложил рассматривать конкуренцию как метакатегорию современной психологии. Суждение здравого смысла, что первичны потребность работать и жить вместе, кооперация и сотрудничество, разделение труда, а конфликт лишь их следствие, реже рассматривается в учебниках. Заметим, что неслучайно в дихотомических классификациях явное предпочтение отдается одному из полюсов шкалы, в нашем случае – соперничеству перед сотрудничеством.

Межличностные отношения предполагают взаимное действие участников, однако в психологических дисциплинах они чаще всего рассматриваются в разностатусных диадах: например, в организационной психологии это диада «начальник – подчиненный», в педагогической психологии – «учитель – ученик», в медицинской психологии – «врач – больной». Соответственно, чаще изучается психологическое воздействие участника диады с более высоким статусом на участника с более низким статусом, например, стиль управления/руководства, /обучения/воспитания/лечения. В экономической психологии, напротив, участник с более низким статусом – продавец – нередко пытается воздействовать на участника с более высоким статусом – покупателя – психологическими средствами, которые можно было бы обозначить как стиль продаж, но, наверное, можно говорить о способах манипулирования; по аналогии, подчиненный иногда пытается манипулировать руководителем, ученик – учителем, ребенок – родителем, больной – врачом. Терминология говорит сама за себя: те, кто имеют такое право, власть, воздействуют на других, те, у кого такого права, власти нет, пытаются манипулировать другими.

Межличностное взаимодействие в равно статусных диадах, например, «начальник – начальник», «подчиненный – подчиненный», «учитель – учитель», «врач – врач», исследуется намного реже и, как правило, в усредненном виде, например, как социально-психологический климат коллектива, в котором главную роль играет начальник / руководитель/лидер, или как организационная/корпоративная культура организации. При этом особое внимание уделяется эмоциональным отношениям, для изучения которых имеются такие удачные инструменты, как социометрия Я. Морено (J. L. Moreno) и тест межличностных отношений Т. Лири (T. F. Leary), ценностям и другим психологическим конструктам, а не деловым отношениям, которые нередко можно наблюдать и изучать объективными методами.

Поиск новых идей и подходов, их быстрое распространение способствовали тому, что многие западные исследователи в конце XX в. заинтересовались психологией доверия – аффективной и когнитивной основой межличностного сотрудничества в организациях. Итоги этой работы были подведены в России в 2008 г. в монографии А. Б. Купрейченко «Психология доверия и недоверия». Изучение литературы показывает, что проблема кооперации, сотрудничества, коллаборации в науке, особенно в больших организациях, стала объектом детального изучения лишь в начале XXI в. Закономерное движение по цепочке конфликт – доверие – сотрудничество привело в начале XXI в. к разработке первых в истории психологии измерительных средств: The Wilder Collaboration Factors Inventory [1], The Collaboration Performance Index (Frost & Sullivan), защите первой диссертации (M. A. Ramirez, University of Southern California, 2014). Не боясь ошибиться, можно предположить, что ближайшие десятилетия принесут много новых результатов в данной области социальной психологии организаций.

Цель данной работы заключается в описании социальных репрезентаций сотрудничества преподавателями российских университетов. Специфика феномена сотрудничества в высшем учебном заведении определяется многими факторами: принадлежностью преподавателя к небольшому по численности структурному подразделению (кафедре, лаборатории), не предполагающей, как правило, контактов с представителями других структурных подразделений, кроме общеуниверситетских; неукоснительно соблюдаемой должностной иерархией внутри структурного подразделения: заведующий кафедрой – профессор – доцент – старший преподаватель – ассистент, с общеизвестной системой

распределения административной власти; индивидуальным характером педагогического труда, регламентированного государственными стандартами, нормами высшего учебного заведения и не подразумевающего, вообще говоря, значительного количества коллективных действий, и др. Тем не менее каждый сотрудник университета знает, что сотрудничество, основанное как на формальных, так и неформальных, личных отношениях, в организации существует, оно неслучайно, более того, играет значительную роль в успешности и привлекательности университета для преподавателей, студентов и их родственников, работодателей, общества в целом.

Повышенное внимание к социальным репрезентациям закономерно связано с проблемой сотрудничества. В современной психологии успешно реализуются три проекта, направленных на поиск того, что объединяет людей разных культур: базовых жизненных ценностей (Ш. Шварц – Sh. H. Schwartz), социальных аксиом – обобщенных убеждений (К. Леунг – K. Leung и М. Бонд – M. H. Bond) и социальных репрезентаций – представлений (С. Московичи – S. Moscovici). В перспективе сотрудничество желательно рассмотреть с точки зрения каждого из этих трех проектов.

Основной метод исследования – свободный ассоциативный тест с пятью возможными ответами. Респондентам предлагалось указать пять первых пришедших в голову ассоциаций к слову «сотрудничество». Известная со времен сэра Фрэнсиса Гальтона (F. Galton), около 140 лет, эта экспериментальная техника трансформировалась в век информационных технологий, например, в проект «Сеть словесных ассоциаций» Ю. Ротмистрова, магистра по специальности «Компьютерные системы и сети». В основе его списка ассоциаций лежит программный модуль, анализирующий классические и современные произведения русской и зарубежной литературы [2]. Для анализа и интерпретации ответов использовались структурный подход Ж.-К. Абрика (J.-C. Abric) [3, 4] и методологические инструменты П. Верже (P. Vergès) [5–7]. Статистическая обработка данных велась с помощью пакета статистических программ IBM SPSS Statistics 24.

Объем выборки составил 300 преподавателей трех ведущих университетов Саратова; женщины составили 66%, мужчины 34%, что отражает гендерный преподавательский состав современных российских университетов; средний стаж работы в вузе равен 15 ± 10 лет, минимальный стаж – один год, максимальный – 56 лет. Естественные, социальные и инженерные науки представлены одинаково: 100, 100 и 100 представителей; доктора наук составили 13%,

кандидаты наук – 68%, магистры и специалисты – 19%. Последовательно рассмотрим полученные результаты. Для начала заметим, что среди 244 сгенерированных ассоциаций отсутствуют негативные, связанные со словом «коллаборационизм», сотрудничество с врагом.

Анализ репрезентации сотрудничества в выборке в целом. Согласно структурному подходу Абрика к социальным репрезентациям, они состоят из центрального ядра, относительно стабильного, окруженного периферическими элементами, относительно гибкими. Для отделения центральной части репрезентации от периферических элементов в данной работе использовались следующие критерии: для того, чтобы принадлежать к центральному ядру, ассоциация должна иметь высокую частоту и средний ранг менее 2,5; для того, чтобы принадлежать к периферии, ассоциация должна иметь частоту не менее 10%. Центральное ядро репрезентации сотрудничества не выявлено. У преподавателей университетов нет общепринятого, относительно стабильного представления о сотрудничестве. Это может говорить как о несформированности у них целостного представления о сотрудничестве, так и о том, что представления о сотрудничестве у разных групп преподавателей различаются. Первая периферийная зона содержит доверие (частота 29%, средний ранг 2,9) и работу (частота 26%, средний ранг 2,9). Данный результат подкрепляется многочисленными отечественными и зарубежными психологическими исследованиями, в совокупности доказавшими, что в основе межличностного сотрудничества в организациях лежит доверие. Вторая периферийная зона включает только общение (частота 10%, средний ранг 2,4). Третья периферийная зона наиболее многочисленна: коллектив, труд, дружба, союз, взаимодействие, согласие, деятельность.

Анализ гендерных репрезентаций сотрудничества. Центральное ядро репрезентации сотрудничества у мужчин-преподавателей не выявлено. В первую периферийную зону вошли работа (частота 34%, средний ранг 2,8) и коллектив (частота 26%, средний ранг 2,9). Во вторую периферийную зону вошло только согласие (частота 17%, средний ранг 2,3). Третья зона наиболее многочисленна и включает в себя: труд, доверие, дружбу, союз, взаимодействие и деятельность. У преподавателей-женщин также отсутствует центральное ядро репрезентации сотрудничества. Первая периферийная зона содержит только доверие (частота 33%, средний ранг 2,8), вторая периферийная зона – только общение (частота 10%, средний ранг 2,1). Третья периферийная зона представлена следующими ассоциациями: работа, труд, коллектив, взаимодействие, дружба, союз,

деятельность. Таким образом, мужчины-преподаватели ассоциируют сотрудничество в первую очередь с профессиональными характеристиками (работа и коллектив), а женщины-преподаватели прежде всего с социально-психологическими (доверие и общение).

Анализ профильных репрезентаций сотрудничества. У профессорско-преподавательского состава естественнонаучного профиля не выявлено центральное ядро репрезентации сотрудничества. Первая периферийная зона включает в себя доверие (частота 35%, средний ранг 3,0), вторая периферийная зона – развитие (частота 10%, средний ранг 1,5) и союз (частота 10%, средний ранг 1,0). Третья периферийная зона представлена ассоциациями: труд, работа, коллектив, взаимодействие, команда. Представители социально-гуманитарного профиля также продемонстрировали отсутствие центрального ядра репрезентации сотрудничества. Первая периферийная зона содержит доверие (частота 29%, средний ранг 2,5), вторая периферийная зона – взаимодействие (частота 11%, средний ранг 2,4) и труд (частота 14%, средний ранг 2,4). Третья периферийная зона наиболее многочисленна: деятельность, коллектив, дружба, союз, взаимность. У преподавателей кафедр инженерного профиля также не обнаружено центральное ядро репрезентации сотрудничества. Первая периферийная зона содержит коллектив (частота 25%, средний ранг 3,2) и работу (частота 37%, средний ранг 2,9), вторая периферийная зона включает доверие (частота 19%, средний ранг 1,7) и согласие (частота 10%, средний ранг 2,4). Третья периферийная зона наиболее многочисленна и содержит труд, союз, дружбу. Таким образом, репрезентации сотрудничества преподавателей естественнонаучного и социально-гуманитарного профилей схожи и противостоят репрезентациям преподавателей инженерного профиля: в самом деле, для первых двух профилей главное – доверие, а далее – профессиональные характеристики. Для преподавателей инженерного профиля на первых местах стоят профессиональные характеристики (работа, коллектив), а социально-психологические (доверие, согласие) расположены за ними.

Анализ репрезентаций сотрудничества в зависимости от квалификации. У преподавателей – докторов наук отсутствует центральное ядро репрезентации сотрудничества. В первую периферийную зону у них входит доверие (частота 33%, средний ранг 3,2), во вторую периферийную зону – две ассоциации: общение (частота 13%, средний ранг 2,2) и труд (частота 10%, средний ранг 2,0). Третья периферийная зона включает в себя дружбу, коллектив и взаимодействие. У преподавателей – кандидатов наук

отсутствует центральное ядро репрезентации сотрудничества. В первую периферийную зону входят доверие (частота 33%, средний ранг 2,9) и работа (частота 28%, средний ранг 3,0), во вторую периферийную зону – две ассоциации: взаимодействие и деятельность (частота 11%, средний ранг 2,3). Третья периферийная зона включает в себя труд, союз, коллектив и согласие. У магистров и специалистов в центральное ядро репрезентации сотрудничества входит работа (частота 27%, средний ранг 2,4). Это единственная выявленная в исследовании группа преподавателей со сформированной стабильной репрезентацией сотрудничества. Однако у магистров и специалистов отсутствуют первая и вторая периферийные зоны репрезентации сотрудничества, третья включает в себя: дружбу (частота 20%, средний ранг 2,8), коллектив (частота 16%, средний ранг 3,0), труд (частота 16%, средний ранг 3,6). Помимо неожиданного на общем фоне результата магистров и специалистов обращает на себя внимание сходство репрезентаций сотрудничества у кандидатов и докторов наук.

Сформулируем основные выводы проведенного исследования.

1. У профессорско-преподавательского состава российских университетов не выявлена целостная и относительно стабильная социальная репрезентация сотрудничества, единственное исключение – преподаватели без ученой степени (магистры и специалисты), ассоциирующие сотрудничество с работой.

2. Можно выделить два основных компонента репрезентации сотрудничества: профессиональный (работа, коллектив, деятельность) и социально-психологический (доверие, согласие, общение). Мужчины-преподаватели ассоциируют сотрудничество в первую очередь с профессиональными характеристиками, а женщины-преподаватели прежде всего с социально-психологическими.

3. Репрезентации сотрудничества преподавателей естественнонаучного и социально-гуманитарного профилей схожи: на первом месте стоит доверие, а далее – профессиональные характеристики. У преподавателей инженерного профиля на первом месте стоят профессиональные характеристики, а социально-психологические – далее.

4. Кандидаты и доктора наук имеют схожие репрезентации сотрудничества, отдавая в целом предпочтение социально-психологическим характеристикам перед профессиональными.

5. Среди сгенерированных преподавателями университетов ассоциаций отсутствуют негативные, связанные со словом «коллаборационизм», сотрудничество с врагом, а также термины военно-политической сферы (НАТО, оккупант, пакт, терроризм, спецслужба, нацист и т. п.), составляющие значительную часть компьютерной сети словесных ассоциаций.

Список литературы

1. *Mattessich P., Murray-Close M., Monsey B.* Wilder Collaboration Factors Inventory. St. Paul, 2001. 16 p.
2. *De Deyne S., Storms G.* Word Associations : Network and semantic properties // *Behavior Research Methods*. 2008. Vol. 40, no. 1. P. 213–231. DOI: 10.3758/BRM.40.1.213.
3. *Abric J.-C.* Coopération, compétition et représentations sociales. Fribourg, 1987. 229 p.
4. *Abric J.-C.* Les représentations sociales : aspects théoriques // *Pratiques sociales et représentations*. Ed. J.-C. Abric. Paris, 1994. P. 10–36.
5. *Vergès P.* Une possible méthodologie pour l'approche des représentations, économiques // *Communication Information*. 1985. Vol. VI, no. 2/3. P. 375–396.
6. *Vergès P.* L'évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de Psychologie, Special Issue : Nouvelles voies en psychologie sociale*. 1992. Vol. XLV, no. 405. P. 203–209.
7. *Vergès P.* Représentations sociales en psychologie économique // *Psychologie Économique. Théories et Applications*. Eds. C. Roland-Lévy, P. Adair. Paris, 1998. P. 19–33.

Образец для цитирования:

Гарбер И. Е., Шаров А. А. Социальные репрезентации сотрудничества преподавателями университетов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 195–199. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-195-199.

Social Representations of Collaboration by University Faculty

I. E. Garber, A. A. Sharov

Ilya E. Garber, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, Ilya.Garber@gmail.com

Aleksey A. Sharov, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, alsh2013mag@gmail.com

Social representations of collaboration by Saratov university faculty of three profiles were studied: natural, socio-humanitarian and engineering using a free associative test with five possible answers. The sample size is $N = 300$. Of these, women are 66%, men are 34%. The average length of service is 15 years, $SD = 10$. Doctors of sciences 13%, candidates of sciences 68%, masters and specialists 19%. All three profiles were represented by the same number of respondents. For interpretation of answers, Abric's structural approach and Verge's methodological tools were applied. The core of social representations of collaboration could not be identified.

The only exception was the level of masters and specialists who associated collaboration with work. Two components of the representation of collaboration were singled out: professional and socio-psychological. Male faculty associated collaboration primarily with professional characteristics, while female faculty mostly with socio-psychological. Representations of collaboration between faculty in natural and socio-humanitarian profiles are similar: first place was given to trust, and then to professional characteristics. The faculty in the engineering profile had professional characteristics on the first place, and socio-psychological ones – further. Candidates and doctors of sciences had similar representations of collaboration, preferring socio-psychological characteristics over professional ones.

Key words: social representation, collaboration, university faculty, association task, Abric's structural approach, Verge's methodological tools, word associations network.

References

1. Mattessich P., Murray-Close M., Monsey B. *Wilder collaboration factors inventory*. St. Paul, 2001. 16 p.
2. De Deyne S., Storms G. Word associations: Network and semantic properties. *Behavior Research Methods*, 2008, vol. 40, no. 1, pp. 213–231. DOI: 10.3758/BRM.40.1.213.
3. Abric J.-C. *Coopération, compétition et représentations sociales* (Cooperation, competition, and social representations). Fribourg, 1987. 229 p. (in French).
4. Abric J.-C. Les représentations sociales: aspects théoriques (Social representations: Theoretical aspects). In: *Pratiques sociales et représentations* (Social Practices and Representations). Ed. J.-C. Abric. Paris, 1994, pp. 10–36 (in French).
5. Vergès P. Une possible méthodologie pour l'approche des représentations, économiques (A Possible methodology for the approach of representations, economic). *Communication Information*. 1985, vol. VI, no. 2/3, pp. 375–396 (in French).
6. Vergès P. L'évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation (The Evocation of money: A method for defining the central core of a representation). *Bulletin de Psychologie, Special Issue: Nouvelles voies en psychologie sociale* (Psychology Bulletin, Special Issue: New Directions in Social Psychology), 1992, vol. XLV, no. 405, pp. 203–209 (in French).
7. Vergès P. Représentations sociales en psychologie économique (Social Representations in Economic Psychology). In: *Psychologie Économique. Théories et Applications* (Economic Psychology. Theories and Applications). Eds. C. Roland-Lévy & P. Adair. Paris, 1998, pp. 19–33 (in French).

Cite this article as:

Garber I. E., Sharov A. A. Social Representations of Collaboration by University Faculty. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 195–199. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-195-199.

УДК 159.9:78

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРИ АТТРАКЦИИ

А. Ф. Пантелеев

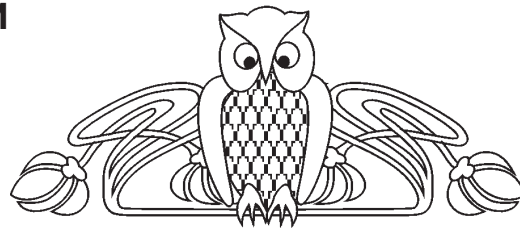
Пантелеев Александр Федорович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, afr45@mail.ru

Возможность реализации когнитивных стратегий углубления и расширения в ситуации когнитивного взаимодействия в диаде при запоминании и воспроизведении текстов зависит как от характера взаимоотношений между членами диады, так и от логической организации стимульного материала (использованы описательный и объяснительный тексты). В результате экспериментов с участием дружеских диад и диад случайного характера установлено, что отношения аттракции ориентируют диаду на применение логических приемов, когда такие приемы неэффективны. Когнитивное взаимодействие при отсутствии отношений аттракции характерно тем, что если один из членов диады доминирует, то это приводит к большей эффективности при работе с описательным текстом и к снижению эффективности при работе с объяснительным текстом. Можно предположить, что когнитивная специфика аттракции связана с реализацией когнитивной стратегии углубления, отсутствие таких отношений – с когнитивной стратегией расширения. Различия характера когнитивного взаимодействия случайных и дружеских диад позволяет раскрыть и особенности когнитивных стратегий. Реализация когнитивной стратегии углубления связана и с характером стимульного материала, и с возможностью его понимания как целостной характеристики взаимодействия.

Ключевые слова: аттракция, когнитивная стратегия, учебный текст, запоминание и воспроизведение.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-200-205

Аттракция (межличностная аттракция) в социальной психологии интерпретируется как социальная установка [1], которая актуализируется в процессе социальной перцепции и обычно проявляется как влечение к другому, позитивное эмоциональное отношение в виде интереса, порождающее возникновение чувства симпатии к другому. Традиционным предметом исследования являются предикторы аттракции, в число которых включаются признаки идентификации «Я» – «Другой», в том числе: сходство личностных особенностей, характер ответной эмоциональной реакции, частота восприятия, коммуникативные особенности и ряд других. Аттракция может проявляться на разных уровнях межличностных контактов, может стать основой для глубоких межличностных отношений, в частности, дружбы между людьми. С позиции Л. Я. Гозмана, аттракция относится к эмоциональным явлениям и может быть рассмотрена

как структура, включающая в себя собственно аффективный компонент, содержащий чувство симпатии, дружеское расположение и проч., собственно отношение как мотивационно-волевой и поведенческий компоненты, и оценочный, когнитивный компонент [2]. Л. Я. Гозманом отмечается положительная взаимосвязь между уровнем внутригрупповой аттракции и познавательными процессами, в частности, взаимного обучения и коммуникацией в группе.

Представление, что люди, как правило, напоминают своих друзей, принято на интуитивном уровне. Исследования подтверждают эти представления, социальные связи наиболее часто возникают и укрепляются между лицами одного возраста, пола, этнической принадлежности и другим характеристикам [3]. Традиционно данный феномен называется гомофилией, его существование выявлено в различных смысловых и пространственных контекстах, включая онлайн-овые социальные сети [4–7]. Можно утверждать, что гомофилия относится к одному из самых древних принципов организации взаимодействия между людьми и, возможно, это самая надежная эмпирическая закономерность социализации.

Выявлено [8], что, несмотря на объективную необходимость разделения труда с целью повышения уровня удовлетворения потребностей, в группах собирателей-охотников наблюдается сходство по ряду признаков, не имеющих прямого отношения к повышению продуктивности группы, в частности – возраст, вес, наличие жировых отложений, сходство поведенческих тенденций и проч. В таких группах заметно реже наблюдаются проявления гетерофилии, которые характерны при склонности субъекта общаться с другими, непохожими на себя. Когда люди действительно налаживают связи с людьми, которые отличаются от самих себя, эти отношения, как правило, проявляются или как инструментальные, ориентированные на решение конкретной задачи (например, профессиональной, когда необходимы взаимодополняющие умения [9]), или/и кратковременные, часто исчезающие после того, как цель достигнута [10].

В результате исследований установлено, что некоторые черты личности могут быть связаны с социальной ассортативностью. В частности, две черты личности «большой пятерки» – экстраверсия [5, 11], открытость к получению опыта оказались более сходными у друзей, чем в случае людей, которые не дружат друг с другом. Отмечено, что другие члены «большой пятерки» черт не позволяют прогнозировать возникновение дружбы [11], в частности, сходство в невротизме не связано с возникновением дружбы [9].

Исследования гомофилии были традиционно ориентированы на демографические переменные, что вполне оправдано, так как у людей в силу пространственной близости, сходства культур, языка, обычаев и проч. формируется специфическая картина мира, что, в свою очередь, отражается в реагировании на мир в целом. Сходство в том, как люди реагируют на окружающую их среду и интерпретируют её, повышает возможность прогнозирования мыслей и действий друг друга во время социальных взаимодействий, поскольку знание о себе является более достоверным источником информации о похожих других, чем о непохожих друг на друга. Повышенная предсказуемость во время социальных взаимодействий, в свою очередь, обеспечивает уверенную коммуникацию, тем самым способствуя позитивным социальным взаимодействиям и увеличивая вероятность развита дружбы [12].

Если друзья действительно похожи друг на друга, с точки зрения того, как они воспринимают, интерпретируют мир и реагируют на него, то близость социальной связи должна сопровождаться сходством когнитивных процессов, в противном случае сходство маловероятно. Проверка этого предположения на нейронном уровне проведена С. Паркинсоном и др. [13]. В ходе исследования в качестве независимой переменной была избрана выраженность социальных связей между студентами, которая определялась на основе анализа граф-схемы. Граф-схема была построена на основе высказываний студентов о том, кого они считают своими друзьями из числа тех, кто обучается вместе с ними. За основу расчета было принято количество ребер графа, исходящих от вершины. Выделенные из общей выборки 42 студента приняли участие в ФМРТ исследовании. В качестве стимульного материала использовались короткие ролики различного содержания. Зависимой переменной была характеристика паттернов активности головного мозга: авторы [13] исходили из предположения о сходстве паттернов у друзей. Ожидалось, что уровень сходства зависит от социальной дистанции. Выявлено, что сходство нейронного

ответа уменьшается с увеличением социальной дистанции между испытуемыми, нейронные ответы у друзей сходны. Наиболее заметным оказалось сходство нейронного ответа у друзей в областях мозга, участвующих в распределении внимания, интерпретации повествования и аффективном ответе. Г. А. Товстоногов в одном из своих интервью сказал, что друзей не выбирают, они обнаруживаются.

Отношения аттракции, с одной стороны, оказывают влияние на результаты совместной деятельности, с другой – изменения в характере деятельности позволяют раскрыть когнитивную специфику взаимодействия и охарактеризовать когнитивный компонент аттракции. В качестве зависимой переменной избран характер доминирующей когнитивной стратегии, реализуемой при запоминании и воспроизведении текстов с различной логико-психологической структурой. Основной целью исследования являлось сравнение особенностей когнитивного взаимодействия в диадах, которые отличались характером отношений. В частности, это были дружеские (далее – Дд) и случайные (далее – Сд) диады. При подборе Дд экспериментатор просил одного из испытуемых принять участие в исследовании вместе с другом (наличие факта дружеских отношений проверялось). Сд подбирались методом случайного выбора, условием образования диады было малое знакомство и, как минимум, нейтральное отношение друг к другу.

В ходе исследования испытуемым предлагалось запоминать и воспроизводить короткие тексты учебного (научно-популярного) содержания (объяснительные и описательные). Выбор текста в качестве стимульного материала объясняется тем, что текст по своей природе имеет коммуникативную направленность и тем самым диалогичен.

В качестве метода анализа текстов использовалась разработанная Л. П. Доблаевым методика логико-психологического анализа текста, которая позволяет раскрыть его смысловую структуру, характер логических связей между предложениями [14]. Подход Л. П. Доблаева к анализу текстов состоял в том, что текст объективно содержит некоторую систему смысловых связей, задача субъекта состоит в раскрытии этих связей (понимании текста), выявлении существующих в тексте субъект-предикатных отношений. Каждый из субъектов устанавливает свои связи, такова логика читателя, однако наряду с логикой читателя существует металогика, которая отражает объективные смысловые отношения и замысел автора, основанный на реальных предметных отношениях предмета суждения. Ранее нами было

показано, что решение мнемической задачи – запоминание текста – связано с раскрытием его логико-психологической структуры [15].

Применение метода логико-психологического анализа текста позволяет раскрыть его структуру, которая визуально представляется в виде граф-схемы «дерево». Логико-психологические структуры описательного и объяснительного текстов отличаются степенью иерархизированности. В то время как для описательного текста свойственно относительно небольшое число узлов (структура названа параллельной), для объяснительного текста характерно значительно большее число узлов и, соответственно, преобладание последовательных (углубляющих) связей (структура названа последовательной).

Различие положения отдельного предложения в структуре позволяет ввести количественные характеристики глубины и широты валентности. Ширина валентности – количество непосредственных связей данного предложения с заглавием текста, глубина – характеристика предложения как опосредующего звена в раскрытии структуры текста в целом. В описательном тексте максимальной шириной валентности обладает заголовок, поскольку раскрываются разные аспекты темы, глубина валентности предложений текста минимальна. В объяснительном тексте каждое предложение занимает определенное место на линии модификации (по Л. П. Доблаеву), поэтому изменение порядка следования существенно снижает возможность объяснения.

В процессе понимания и запоминания мысль в описательном тексте развивается «вширь», каждое новое предложение – новая мысль, связанная с другими предложениями в основном через заголовок. В объяснительном тексте связь с заголовком осуществляется через промежуточные предложения. Решение задачи подбора таких текстов и возможность проведения их анализа стало возможным за счет их естественнонаучного содержания, для текстов художественного содержания применение данного вида анализа затруднительно. С целью рандомизации условий по параметру «открытость» тексты были взяты из учебников для младших классов средней школы, объем текста не превышал 12 предложений.

В соответствии со сложившимся традиционным подходом понимание текста субъектом диалогично и состоит в постановке вопросов к тексту и поисках ответа на них в содержании. Существуют как явные, так и латентные вопросы, которые имеют место в редуцированном виде. Известно, что предварительная постановка вопросов облегчает понимание и запоминание учебного текста.

Описательные и объяснительные тексты создают принципиально различные условия для когнитивного взаимодействия членов диады. Во втором случае поисковая активность субъекта направлена «вглубь», так как понимание смысла последующего предложения невозможно без понимания смысла предыдущего, стоящего с ним на одной линии развития мысли (линии модификации, по Л. П. Доблаеву), что и предполагает реализацию когнитивной стратегии углубления. В первом случае этого не требуется, так как каждое последующее предложение по смыслу не зависит от предыдущего и связано с ним через заголовок, происходит обогащение смысла заголовка текста, реализуется когнитивная стратегия расширения. Поскольку понимание связано с постановкой вопросов и поиском ответов на них, то объяснительный текст может быть понят, если будет проводиться поиск ответов на вопрос: Почему (это так)?, в случае описательного текста в качестве основного вопроса выступает А что еще? Простота текстов и внешнее (для испытуемых) сходство решаемых задач дает основание считать, что различие логико-психологических структур послужило одним из основных факторов, определяющих характер когнитивного взаимодействия в диаде.

Методика исследования состояла в запоминании и поочередном воспроизведении членами диады текстов с последующими дополнениями и поправками. После воспроизведения испытуемые должны были совместно восстановить последовательность предложений текста с помощью разрозненных карточек с отдельными предложениями. Условия эксперимента рандомизировались. Запоминание текстов происходило в результате слухового восприятия с обычной в подобных случаях инструкцией.

Всего в исследовании приняли участие 20 Дд и 20 Сд, состоявшие из испытуемых в возрасте 18 – 19 лет, в каждую диаду входили испытуемые одной гендерной принадлежности.

В ходе исследования наблюдались заметные различия в работе Сд и Дд: Дд работала над текстом вместе, члены Сд в основном занимали автономные позиции. Дополнений после поочередного воспроизведения было больше у Дд, и это не зависело от вида текста. Воспроизводя текст, члены Дд чаще оставляли предложение неполным, у Сд это различие незначимо.

При работе с объяснительными текстами члены диад дополняют воспроизведенное по-разному: если в Сд чаще вспоминает пропущенное второй из воспроизводивших, то в Дд – первый. Анализ вторым из диады воспроизводимого первым из диады текста направлен

на поиск ключевых предложений объяснения и не зависит от вида диады, хотя сравнительная ценность вспомненного вторым членом Сд и ниже, чем занимавшего аналогичную позицию члена Дд. Воспроизводимое вторым имеет возможность слышать и анализировать первый, уже воспроизводивший. Оказалось, что сравнительный объем вспомненного в дополнение при этом в случае Дд в 6 раз больше, чем Сд. Поскольку воспроизводимое первым слушает второй, которому еще предстоит вспомнить текст, то это создает для него дополнительные возможности. Оказалось, что эта возможность полнее используется в случае Сд, причем описательные тексты в этом смысле более выигрышны в сравнении с объяснительными.

Сравнение объемов воспроизведения текстов разного вида членами Дд и Сд показало, что объем воспроизведения текста первым из воспроизводивших зависел от вида текста и от вида диады: в Сд первый лучше, по сравнению с вторым, воспроизводил объяснительный текст, хотя в Дд такое различие не обнаружено.

Восстановление соответствующего исходному порядку предложений текстов с помощью карточек протекало в Сд и Дд по-разному: в итоге правильность восстановления последовательности предложений описательного текста выше у Сд, объяснительного – у Дд (имеется в виду итоговый вариант, к которому пришли в результате совместных действий оба члена диады). Сравнение точности восстановления последовательности предложений каждым из членов диады показывает, что снижение числа ошибок более выражено у Сд, хотя итог зависит от вида текста. Восстановление последовательности протекало по-разному в поведенческом плане: если в Сд ошибки, как правило, исправлял один из членов диады, а второй был довольно пассивным, то в Дд работа сопровождалась несогласиями и даже микроконфликтами, члены Дд активно включали в ход восстановления текста логику. Последнее малоэффективно применительно к описательным текстам, в этих текстах особой логики не просматривается, поэтому взаимодействие часто не приводило к успеху.

Валентностные характеристики предложений, дополненных членами Дд и Сд после воспроизведения первым и вторым членами диады, различны при работе с объяснительными текстами. Дополнения первого (по порядку воспроизведения) из членов Дд в 8 раз превышают аналогичный показатель Сд. Это свидетельствует об ориентации на раскрытие структуры текста в целом и как результат – о реализации когнитивной стратегии углубления.

Проведенное исследование показало, что когнитивное взаимодействие, происходящее в процессе запоминания и воспроизведения текста членами Дд, более эффективно в тех случаях, когда есть основа для совместных действий (в данном случае – в виде логики), основная ориентация в установлении смысловых связей в условиях Дд, по-видимому, направлена на ядерную часть значений предложений текстов, у включенных в Сд объективируются несколько иные установки – ее члены ориентированы в большей мере не столько на ядерную, сколько на ситуативную часть значения, что ближе к структуре действий по запоминанию и последующему воспроизведению описаний, а не объяснений.

Наблюдения за работой испытуемых при восстановлении последовательности предложений с использованием карточек (раскладке) разных текстов показывают следующее: при раскладке карточек объяснительного текста наблюдаются как проявления памяти, так и проявления логического мышления. Первое проявляется в том, что довольно часто испытуемые сразу выкладывают первые и последние карточки текста. При совместных действиях (если экспериментатор говорит, что раскладка содержит ошибки) проявления памяти приобретают характер таких высказываний: «... нет, это было раньше, сначала было это, потом вот это...», «... я помню, что в тексте рассказывалось сначала о крокодилах вообще, а потом о самке крокодила...», «... эта карточка была в самом конце...» и т. п.

Проявления логического мышления иные: «... нет, это должно быть в середине, потому что нельзя сказать сначала вот об этом, а потом вот об этом, так нелогично...», высказывания подобные довольно часты при затруднениях раскладки карточек. Различие в совместных действиях испытуемых при раскладке (исправлении ошибок раскладки) можно свести к следующему: если исправляется ошибка в раскладке объяснительного, имеющего строгую логическую структуру текста, то оба испытуемых приходят к одному и тому же мнению. Сомнения в таких случаях (и Дд, и Сд) высказываются по отношению к описательным включениям в объяснительный в целом текст. Испытуемые как бы движутся к одной точке, хотя, возможно, и с разных сторон. Даже если им не удалось исправить ошибку в раскладке, они оба уверены, что разложили карточки правильно.

Иным образом работают испытуемые при исправлении ошибок в раскладке описательного текста, не имеющего, как известно, столь же строгой логической структуры, как объяснительный. Совместные действия испытуемых при

этом напоминают движение в лучшем случае «на параллельных курсах», каждый уверен в правильности своего варианта раскладки и взаимное сближение происходит несравнимо медленнее. Часто приходится наблюдать, что испытуемые так и не пришли к единому мнению о правильности какого-либо варианта раскладки. При совместных действиях в процессе раскладки довольно часто наблюдается такая ситуация: один из испытуемых предлагает другому правильный порядок некоторых карточек (правильный – соответствующий исходному тексту), другой же убеждает его в том, что «это было не так». Создается впечатление, что испытуемые мешают друг другу: во всяком случае помощь их друг другу намного менее эффективна при раскладке описательного текста, чем при раскладке объяснительного.

Действия испытуемых в ходе раскладки свидетельствуют о том, что это две психологически различные ситуации когнитивного взаимодействия. Объяснительный текст по своим структурным особенностям способствует взаимодействию, делает его более успешным, описательный же как бы противодействует ему, разобщает испытуемых, существенно снижает возможности коммуникации.

В то время, как Дд работает при исправлении ошибок в раскладке вместе, спорит друг с другом, отстаивая свою точку зрения, в Сд характер действий каждого из испытуемых существенно иной. В подавляющем большинстве наблюдений работы Сд обнаруживается безразличие второго из членов Сд к тому, что делает первый при раскладке: некоторые смотрят в сторону, на экспериментатора и т. п. При исправлении ошибок в раскладке в 75% случаев работает один, другой или просто смотрит, или смотрит, выражая всем своим взглядом несогласие, но не вмешивается.

Проведенное исследование показывает, что для происходящего при запоминании и воспроизведении текстов с различной логико-психологической структурой когнитивного взаимодействия при отношениях аттракции наиболее характерна реализация когнитивной стратегии углубления. Можно предположить, что характер когнитивной стратегии отражает особенности когнитивного компонента аттракции и может служить одним из маркеров особенностей межличностного взаимодействия.

Список литературы

1. *Houston T.* Foundations of interpersonal attraction. N.Y., 1974. 415 p.
2. *Гозман Л. Я.* Психология эмоциональных отношений. М., 1987. 175 с.
3. *Parkinson C., Kleinbaum A. M., Wheatley T.* Similar neural responses predict friendship // *Nature Communications*. 2018. Vol. 9. Article № 332. DOI: 10.1038/s41467-017-02722-7.
4. *Feiler D. C., Kleinbaum A. M.* Popularity, similarity, and the network extraversion bias // *Psychological Science*. 2015. Vol. 26. P. 593–603.
5. *Moody J.* The structure of a social science collaboration network : disciplinary cohesion from 1963 to 1999 // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. P. 213–238.
6. *Apicella C. L., Marlowe F. W., Fowler J. H., Christakis N. A.* Social networks and cooperation in hunter-gatherers // *Nature*. 2012. Vol. 481. P. 497–501.
7. *Lewis K., Gonzalez M., Kaufman J.* Social selection and peer influence in an online social network // *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*. 2012. Vol. 109. P. 68–72.
8. *Berger C. R., Calabrese R. J.* Some explorations in initial interactions and beyond : toward a developmental theory of interpersonal communication // *Human Communication Research*. 1975. Vol. 1. P. 99–112.
9. *McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M.* Birds of a feather : homophily in social networks // *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol. 27. P. 415–444.
10. *Selshout M., Burk W., Branje S., Denissen J., Aken M.* Meeus Emerging late adolescent friendship networks and Big Five personality traits : a social network and Wim approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 78. P. 509–538.
11. *Selshout M., Denissen J., Branje S., Meeus W.* In the eye of the beholder : perceived, actual, and peer-rated similarity in personality, communication, and friendship intensity during the acquaintanceship process // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96. P. 1152–1165.
12. *Fu F., Nowak M. A., Christakis N. A., Fowler J. H.* The evolution of homophily // *Scientific Reports*. 2012. Vol. 2. URL: <http://www.academia.edu/2695505> (дата обращения: 02.09.2017).
13. *Rivera M. T., Soderstrom S. B., Uzzi B.* Dynamics of dyads in social networks : assortative, relational, and proximity mechanisms // *Annual Review of Sociology*. 2010. Vol. 36. P. 91–115.
14. *Доблаев Л. П.* Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М., 1982. 176 с.
15. *Пантелеев А. Ф.* Роль логических связей в запоминании текста // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 68–73.

Образец для цитирования:

Пантелеев А. Ф. Когнитивные стратегии при аттракции // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 200–205. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-200-205.

Cognitive Strategies in Attractions

A. F. Panteleev

Aleksandr F. Panteleev, Saratov State University, 83, Astrakhan-skaya Str., Saratov, 410012, Russia, afp45@mail.ru

The possibility of implementing cognitive strategy of deepening and expansion in a situation of cognitive interaction in the dyad during memorization and reproduction of texts depends on the nature of the relationship between the dyad members, as from the logical organization of the stimulus material (a descriptive and an explanatory texts been used). As a result, the experiments with friendly dyads and random dyads established that the relationship of the attraction forced the dyad to use a logical methods, although they are ineffective. Cognitive interaction in the absence of a relationship of attraction is characterized by the fact, that while one of the dyad member is dominating, it leads to greater efficiency when working with description text and reduces the efficiency when working with explanatory text. It can be assumed that the cognitive specific of attraction associated with the realization of cognitive strategies of deepening and the absence of such relations with cognitive strategies of extention. The difference between cognitive cooperation of random diad and friendly diad allows to discover the specialities of cognitive strategies. The realization of cognitive strategy of deepening connects with the character of stimulus material and the possibility of understanding as solid characteristic of interaction.

Key words: attraction, cognitive strategy, educational text, memorizing, reproduction.

References

1. Houston T. *Foundations of interpersonal attraction*. New York, 1974. 415 p.
2. Gozman L. Ya. *Psikhologiya emotsionalnykh otnosheniy* [Psychology of emotional relation]. Moscow, 1987. 175 p. (in Russian).
3. Parkinson C., Kleinbaum A. M., Wheatley T. Similar neural responses predict friendship. *Nature Communications*, 2018, vol. 9, article no. 332. DOI: 10.1038/s41467-017-02722-7.
4. Feiler D. C., Kleinbaum A. M. Popularity, similarity, and the network extraversion bias. *Psychological Science*, 2015, vol. 26, pp. 593–603.
5. Moody J. The structure of a social science collaboration network: disciplinary cohesion from 1963 to 1999. *American Sociological Review*, 2004, vol. 69, pp. 213–238.
6. Apicella C. L., Marlowe F. W., Fowler J. H., Christakis N. A. Social networks and cooperation in hunter-gatherers. *Nature*, 2012, vol. 481, pp. 497–501.
7. Lewis K., Gonzalez M., Kaufman J. Social selection and peer influence in an online social network. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*, 2012, vol. 109, pp. 68–72.
8. Berger C. R., Calabrese R. J. Some explorations in initial interactions and beyond: toward a developmental theory of interpersonal communication. *Human Communication Research*, 1975, vol. 1, pp. 99–112.
9. McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. Birds of a feather: homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*, 2001, vol. 27, pp. 415–444.
10. Selfhout M., Burk W., Branje S., Denissen J., Aken M. Meeus Emerging late adolescent friendship networks and Big Five personality traits: a social network and Wim approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2010, vol. 78, pp. 509–538.
11. Selfhout M., Denissen J., Branje S. & Meeus W. In the eye of the beholder: perceived, actual, and peer-rated similarity in personality, communication, and friendship intensity during the acquaintanceship process. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009, vol. 96, pp. 1152–1165.
12. Fu F., Nowak M. A., Christakis N. A., Fowler J. H. The evolution of homophily. *Scientific Reports*, 2012, vol. 2. Available at: <http://www.academia.edu/2695505> (accessed 2 September 2017).
13. Rivera M. T., Soderstrom S. B., Uzzi B. Dynamics of dyads in social networks: assortative, relational, and proximity mechanisms. *Annual Review of Sociology*. 2010, vol. 36, pp. 91–115.
14. Dobraev L. P. *Smyslovaya struktura uchebnogo teksta i problemy ego ponimaniya* [Semantic structure of the text and its understanding]. Moscow, 1982. 176 p. (in Russian).
15. Panteleev A. F. Rol logicheskikh svyazey v zapominanii teksta [The role of logical connections in text memorization]. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2012. vol. 12, iss. 4, pp. 68–73 (in Russian).

Cite this article as:

Panteleev A. F. Cognitive Strategies in Attractions. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 200–205. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-200-205.

УДК 159.9.07

АНАЛИЗ СТЕПЕНИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БАЗОВЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Е. Н. Рядинская

Рядинская Евгения Николаевна, докторант Южного федерального университета, кандидат психологических наук, доцент, Ростов-на-Дону, muchalola@mail.ru.

В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого является анализ удовлетворенности базовых потребностей мирных жителей, проживающих в условиях вооруженного конфликта. Показано, что респонденты из районов малоинтенсивных и интенсивных обстрелов только частично довольны реализацией своих потребностей. Однако при рассмотрении удовлетворенности потребностей с учетом возрастных особенностей определено, что у молодых людей 16–19 лет не удовлетворены потребности в безопасности и самовыражении, у мужчин 19–35 лет – материальные потребности и потребность в безопасности, у мужчин в возрасте 35–60 лет – материальные потребности и потребность в признании, у мужчин от 60 лет и выше – потребность в безопасности. Установлено, что потребности женщин первой группы частично удовлетворены практически во всех возрастных категориях. В ходе анализа обнаружено, что у мужчин всех возрастных категорий, непосредственно проживающих в зоне военных действий, потребность в безопасности находится в зоне неудовлетворенности, а социальные потребности в группе молодых людей (16–19 лет) и мужчин 19–35 лет удовлетворены частично. Выявлено также, что у большинства женщин из этого района проживания материальные потребности и потребности в безопасности не удовлетворены.

Ключевые слова: базовые потребности, удовлетворенность, мирные жители, вооруженный конфликт.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-206-213

Введение

Глобальный экономический и антропологический кризис, многочисленные вооруженные конфликты, терроризм и экстремизм: все это приводит к разрушениям ценностно-смыслового контура индивидуального и совместного человеческого бытия, отчуждению личности от смысла собственной жизни и деятельности, а следовательно, к неудовлетворению основных потребностей [1, 2]. Особенно остро неудовлетворенность потребностей наблюдается у населения, проживающего в непосредственной зоне вооруженного конфликта.

Большинство авторов определяют потребность как внутреннее состояние индивида, которое вызывается испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования

и развития [3–5]. С позиции гуманистического подхода к изучению личности потребности рассматриваются как глубинный источник всех форм активности человека [6]. Представители данного подхода считают, что удовлетворение потребностей является фундаментальным условием человеческого существования, где прослеживается его тесная связь с окружающей средой [7, 8].

В психологической литературе выделяются следующие виды основных потребностей: биологические, социальные и духовные [9–11]. Биологические потребности отражают зависимость человека от природных, материальных условий, необходимых для поддержания его жизни, социальные отражаются в потребности человека в труде, общении, общественном признании. Духовные потребности связаны с приобретением знаний, изучением наук, приобщением к конфессиональным и художественным ценностям.

Следует отметить, что в экстремальных условиях, особенно в период вооруженного конфликта, у людей может изменяться значимость и приоритетность основных потребностей. Многие авторы указывают, что у личности в экстремальных условиях жизни в первую очередь проявляются биологические потребности: в безопасности, сохранении своего психического и физиологического здоровья, а также возможности нормального жизнеобеспечения себя и своих близких [12–17]. Данные потребности направлены на поддержание безопасности личности. Но после острой фазы вооруженного конфликта наступает фаза постконфликтного восстановления – периода устойчивого развития, который основывается на поддержании мира и относительной стабильности благодаря программам, рассчитанным на несколько лет, учитывая специфику региона, пораженного вооруженным конфликтом [18–20]. Поэтому для оценки способности личности к конструктивному выстраиванию своего будущего в период постконфликтного восстановления важным является изучение потребностного компонента жителей, проживающих в условиях вооруженного конфликта. Неудовлетворенность базовых потребностей, как известно, затрудняет развитие духовных и может

привести к деградации человеческой личности в целом. А в экстремальных ситуациях, при постоянной угрозе жизни это особенно актуально, ведь потребности определяют поведение людей, влияют на их мировоззрение и т. д.

Исходя из этого, **целью** эмпирического исследования является анализ степени удовлетворенности потребностей мирных жителей, проживающих в условиях вооруженного конфликта.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование проводилось в восьми городах Донбасса (Ясиноватой, Горловке, Докучаевске, Дебальцево, Иловайске, Макеевке, Донецке, Енакиеве), в которых с 2014-го по 2017 г. с разной интенсивностью идут боевые действия. В исследовании приняли участие 723 человека в возрасте от 17 до 75 лет. С целью получить более достоверную информацию по

проблеме нами были сформированы две группы: первая состояла из жителей (335 человек) малоинтенсивных районов обстрелов (МИРО), во вторую входило население (388 человек) из интенсивных районов обстрелов (ИРО). Выборка была гетерогенной; семейное положение респондентов было различным: проживали в паре или были одиночки.

Для изучения удовлетворенности базовых потребностей личности в период вооруженного конфликта нами использовалась методика оценки степени удовлетворения основных потребностей (метод парных сравнений В. В. Скворцова в модификации И. А. Акиндиновой).

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим результаты степени удовлетворенности базовых потребностей в двух исследуемых группах (таблица).

Степень удовлетворенности базовых потребностей в двух исследуемых группах (средние значения)

Базовые потребности	Первая группа (МИРО)		Вторая группа (ИРО)	
	Мужчины $X \pm \sigma$	Женщины $X \pm \sigma$	Мужчины $X \pm \sigma$	Женщины $X \pm \sigma$
Материальные	23,8±0,79	24,5±1,43	25,8±2,17	28,1±1,92
В безопасности	25,1±1,32	26,1±0,59	28±0,93	28,4±0,48
Социальные	21,8±0,87	20,7±1,41	22,4±1,54	24,6±1,39
В признании	21,7±0,49	22,8±2,92	21,1±1,63	21,2±1,25
В самовыражении	21,5±1,12	22,6±1,47	22,7±1,42	22,5±1,64

У большинства респондентов (65,9% от общей выборки группы) из районов малоинтенсивных обстрелов базовые потребности в основном находятся в зоне частичной удовлетворенности, что естественно, на наш взгляд, для их образа жизни в условиях вооруженного конфликта (см. табл. 1).

У многих исследуемых (57,5% от общей выборки группы), проживающих в зоне интенсивных обстрелов, также наблюдается частичное удовлетворение базовых потребностей. Однако более половины мужчин (58,3%) и женщин (59,5%) не удовлетворены возможностью реализовать материальные потребности, а также степенью своей безопасности, поскольку проживают непосредственно в зоне интенсивных обстрелов. В связи с тем, что полученные результаты по изучению степени удовлетворенности базовых потребностей у респондентов исследуемых групп не показали статистически значимых различий, мы рассмотрели их проявление с учетом возрастных особенностей.

Рассмотрим результаты, полученные у мужчин, проживающих в зоне малоинтенсивных обстрелов (рис. 1).

У мужчин, проживающих в районах малоинтенсивных обстрелов, заявленные базовые потребности в основном находятся в зоне частичной удовлетворенности. Так, у молодых людей 16–19 лет ближе к зоне неудовлетворенности находятся потребности: в безопасности (58,3%) и в самовыражении (55,6%), что, скорее всего, свойственно их возрасту, когда присутствуют активные намерения в развитии, познании и желании выделиться из общего окружения. Материальные и социальные потребности у данной возрастной категории также частично удовлетворены, но не так значимы, поскольку многие молодые люди обучаются в вузах, живут с родителями, которые их обеспечивают.

Для большинства мужчин 19–35 лет наиболее значимыми являются материальные потребности (69,7%) и потребности в безопасности (57,6%), которые находятся практически на

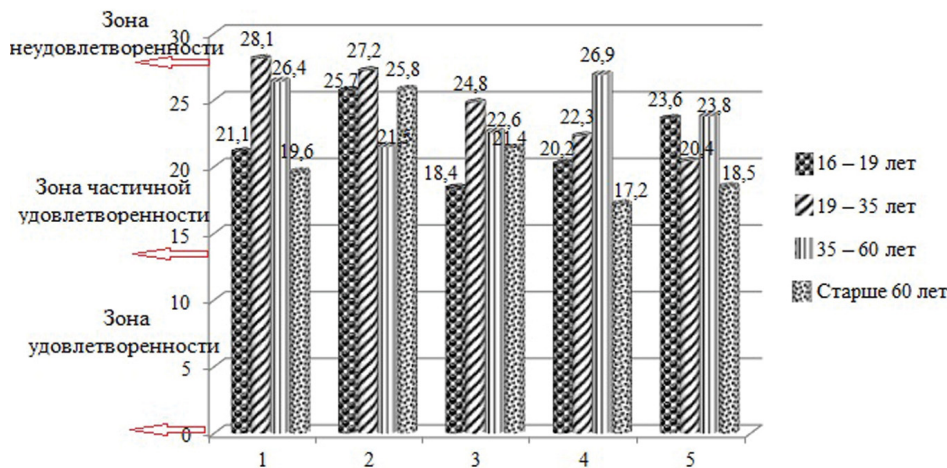

Рис. 1. Выраженность базовых потребностей (средние значения) у мужчин первой группы (МИРО): 1 – материальные потребности; 2 – потребности в безопасности; 3 – социальные потребности; 4 – потребности в признании; 5 – потребности в самовыражении

границе зоны неудовлетворенности. Это может указывать на их желание больше зарабатывать и быть более независимыми в финансовом плане. Однако прохождение вооруженного конфликта на территории, где они проживают и осуществляют свою трудовую деятельность, некоторым образом ограничивает их трудоспособность и финансовые возможности из-за интенсивных обстрелов и физической угрозы жизни. В зоне частичной удовлетворенности у них находятся социальные потребности (51,5%), потребности в признании (48,4%), потребности в самовыражении (45,5%).

Мужчин в возрасте 35–60 лет (65,6%) не очень устраивают материальное положение и потребности в признании. На наш взгляд, это связано с кризисом среднего возраста, который наиболее остро проявляется у мужчин.

Людей старшего поколения, в основном пенсионеров (старше 60 лет), волнуют, прежде всего, вопросы безопасности (69,7%), остальные базовые потребности находятся в зоне частичной удовлетворенности и не являются для них критичными.

В результате исследования степени удовлетворенности базовых потребностей у женщин из зоны малоинтенсивных обстрелов установлено, что они частично удовлетворены практически во всех возрастных категориях (рис. 2).

Большинство молодых девушек 16–19 лет (68,2%) испытывают среднюю удовлетворенность в самовыражении и признании (средние значения 24,1 и 22,8). Это может объясняться, прежде всего, желанием что-то в своей жизни изменить, сделать шаг к своему возможному

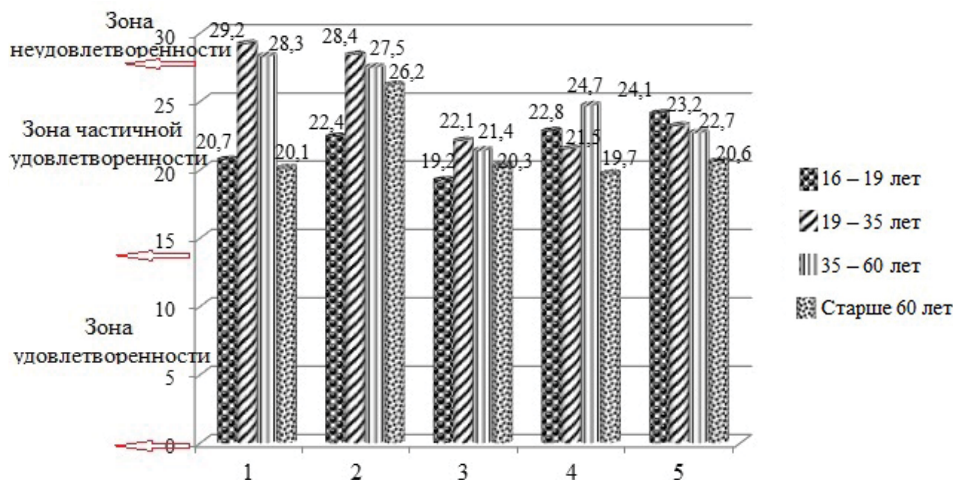

Рис. 2. Выраженность базовых потребностей (средние значения) у женщин первой группы (МИРО): 1 – материальные потребности; 2 – потребности в безопасности; 3 – социальные потребности; 4 – потребности в признании; 5 – потребности в самовыражении

будущему, попробовать себя в различных сферах деятельности. Возникает острая необходимость ощутить свою самостоятельность, которая может выражаться в выборе внешнего вида, творческой или начальной профессиональной деятельности, в выборе круга общения и конкретных увлечений. Отметим, что осознание собственного «Я» в этом возрасте несколько гиперболизировано, поэтому для данной возрастной группы, несмотря на военные действия и экстремальность жизни, эти потребности являются наиболее значимыми. Материальные и социальные потребности девушек первой группы частично удовлетворены, и степень их удовлетворения не вызывает особого недовольства, так как большая часть респондентов живет с родителями, которые о них заботятся.

У многих женщин 19–35 лет (68,6%) и 35–60 лет (53,7%) материальные потребности и потребности в безопасности находятся в зоне неудовлетворенности, что указывает на их значимость. Поскольку эта категория женщин в основном относится к трудоспособному населению, имеющему семьи, детей, их не могут не волновать вопросы трудовой занятости и материального обеспечения. В условиях вооруженного конфликта, как указывалось выше, наблюдается экономическая и социальная дестабилизация, что может затруднять трудоустройство женщин, особенно по их непосредственной специальности, ухудшая материальное положение семьи. Остальные базовые потребности (социальные, потребность в признании, самовыражении) у женщин данной возрастной группы также удовлетворены частично, что связано, на наш взгляд, с проживанием в зоне вооруженного конфликта, где постоянно присутствует угроза жизни.

У 55,1% женщин старше 60 лет более ярко выражена потребность в безопасности, остальные потребности находятся в зоне частичной удовлетворенности.

По данным, которые были получены в ходе изучения удовлетворенности потребностей у мужчин и женщин первой группы, нами установлены статистически значимые различия по *t*-критерию Стьюдента.

Так, степень удовлетворенности материальной потребности более негативно выражена у респондентов возрастной категории 19–35 и 35–60 лет. Поскольку личность в этот возрастной период находится в фазе активной профессиональной деятельности, материальное обеспечение для нее играет, на наш взгляд, важную роль, а неудовлетворенность им может указывать на сложности с трудоустройством в связи с осуществлением жизнедеятельности в условиях вооруженного конфликта. У молодых людей 16–19

лет наблюдается частичное удовлетворение этой потребности: очевидно, большинство из них находится на иждивении родителей в период своей образовательной деятельности. Люди старше 60 лет показали такие же результаты, что может говорить о снижении их материальной заинтересованности ввиду особенностей возраста.

Потребность в безопасности менее удовлетворена в группе мужчин 19–35 лет, чем у мужчин 35–60 лет ($p = 0,007963$), при уровне значимости $\alpha = 0,05$. Социальные потребности более удовлетворены у молодых людей (16–19 лет), чем у мужчин в возрасте 19–35 лет (различия статистически значимы, $p < 0,003$). Потребность в признании более удовлетворена у людей старше 60 лет и менее – у мужчин 35–60 лет, чем у молодых людей 16–19 лет ($p < 0,001$; $p < 0,023$ соответственно). Потребность в самовыражении наиболее удовлетворена у мужчин старше 60 лет, чем у молодых людей ($p < 0,01$) и тех, кому от 35 до 60 лет ($p < 0,01$).

Анализ результатов, полученных во второй группе, показывает, что у более половины мужчин 19–35 и 35–60 лет (57,7% и 56,1% соответственно) материальные потребности находятся в зоне неудовлетворенности. У 64,1% молодых людей (16–19 лет) и 58,5% мужчин старше 60 лет они частично удовлетворены (рис. 3).

Полученные данные свидетельствуют о том, что в ранней молодости (16–19 лет) и в возрастной категории респондентов старше 60 лет материальные потребности не столь важны, как в трудоспособном возрасте (от 19 до 60 лет), даже в экстремальных условиях жизни, что подтверждается статистически значимыми различиями по *t*-критерию Стьюдента ($p < 0,001$; $p < 0,03$).

Рассмотрим результаты изучения выраженности базовых потребностей у мужчин и женщин из зоны интенсивных обстрелов (ИРО) разных возрастных категорий (рис. 3, 4).

Потребность в безопасности у данной категории лиц, независимо от возраста, находится в зоне неудовлетворенности (58,3%), что естественно. Населенные пункты проживания мужчин второй группы подвергаются интенсивным обстрелам, ограничена возможность нормальной жизнедеятельности, постоянно присутствует физическая угроза жизни.

Социальные потребности, по мнению большинства респондентов (74,4%), также удовлетворены частично. Потребности в признании имеют статистически значимые различия по *t*-критерию Стьюдента ($p < 0,001$) в группе молодых людей (16–19 лет) и мужчин 19–35 лет. Вероятно, это связано с тем, что мужчинам (19–35 лет) в этот период определенной безысходности и экономической дестабилизации требуется в большей мере,

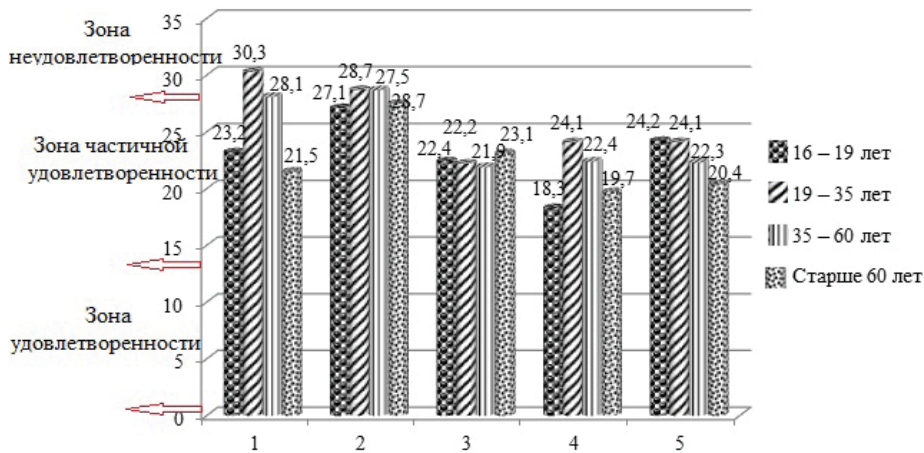

Рис. 3. Выраженность базовых потребностей (средние значения) у мужчин второй группы (ИРО): 1 – материальные потребности; 2 – потребности в безопасности; 3 – социальные потребности; 4 – потребности в признании; 5 – потребности в самовыражении

чем молодежи, признание окружающих (особенно близких), ощущение собственной значимости для активизации внутренних резервов организма.

Потребности в самовыражении имеют частичную удовлетворенность у большинства мужчин (74,4%). Более не удовлетворена эта потребность у молодых людей в возрасте 16–19 лет, но статистически значимых различий в показате-

лях других возрастных групп выявлено не было.

Степень реализации трех базовых потребностей (социальных, в признании и самовыражении) у женщин второй группы в основном находится в зоне частичной удовлетворенности (рис. 4.). У большинства же женщин этой группы (59,5%) материальные потребности и потребности в безопасности не удовлетворены.

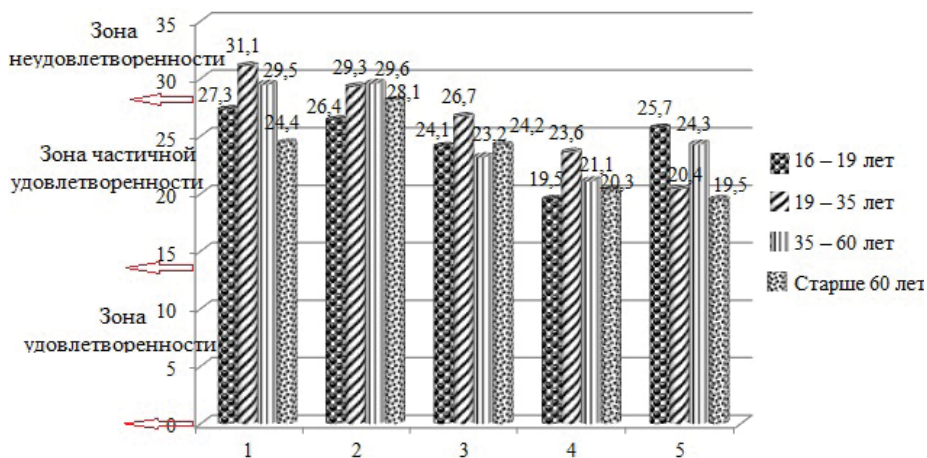

Рис. 4. Выраженность базовых потребностей (средние значения) у женщин второй группы (ИРО): 1 – материальные потребности; 2 – потребности в безопасности; 3 – социальные потребности; 4 – потребности в признании; 5 – потребности в самовыражении

Более чем у половины девушек в возрасте 16–19 лет (55,9%) результаты ближе к зоне неудовлетворенности. Для большинства людей старше 60 лет (57,1%) более важной является удовлетворение потребности в безопасности, которая находится у них в зоне неудовлетворенности.

Данные статистического анализа (по *t*-критерию Стьюдента) показали, что женщины 19–35 лет более недовольны своим материальным

положением, чем лица старше 60 лет ($p < 0,001$). Отметим, что в связи с интенсивными обстрелами в зоне проживания этих людей подобные результаты естественны. Безусловно, существуют определенные проблемы с трудоустройством жителей в этих районах и, соответственно, их материальное обеспечение оставляет желать лучшего, несмотря на то, что власти ДНР осуществляют всяческую поддержку, оказывая со-

действие в восстановлении разрушенного жилья, предоставляя различную гуманитарную помощь.

Социальные потребности наиболее не удовлетворены у женщин 19–35 лет (56,1%), у остальных они удовлетворены частично. Потребности в признании и самовыражении также частично удовлетворены у большинства респондентов данной группы (57,8%). Отметим, что у многих молодых девушек 16–19 лет (52,5%) потребность в самовыражении имеет не очень позитивную окраску, так как в условиях военных действий этот процесс затруднен. У женщин старше 60 лет (59,1%) эта потребность практически удовлетворена, что подтверждается статистически значимыми различиями по *t*-критерию Стьюдента ($p < 0,001$).

Отметим, что удовлетворенность основных жизненных потребностей мужчин и женщин трудоспособного возраста (19–35 лет), проживающих в районах интенсивных обстрелов, в большей степени находится в зоне неудовлетворенности или частичной удовлетворенности, поскольку в этой местности затруднен процесс жизнедеятельности. Жители вынуждены приспосабливаться к жизни в условиях военных действий, претерпевая различные ограничения, удовлетворение базовых потребностей находится на уровне выживания.

Выводы

Анализ степени удовлетворенности базовых потребностей показал, что респонденты двух групп частично довольны реализацией своих потребностей. Однако при детальном рассмотрении, с учетом возрастных особенностей, выявлены показатели неудовлетворенности материальных потребностей и потребностей в безопасности у жителей в возрасте от 19 до 60 лет. Установлено, что для молодых людей (16–17 лет) характерна неудовлетворенность потребностей в признании и самовыражении. Определено, что у людей старшего поколения (старше 60 лет) наиболее неудовлетворенными являются потребности в безопасности.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в условиях вооруженного конфликта личность ориентирована в большей степени на удовлетворение первичных потребностей, главным для нее становится выживание, сохранение жизни себе и близким.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках Инициативного научного проекта фундаментального характера в рамках реализации внутреннего гранта Южного федерального университета (ВнГр - 07/2017-01).

Список литературы

1. Александровский Ю. А., Лобастов О. С., Стивак Л. И., Щукин В. П. Психогении в экстремальных условиях. М., 1991. 96 с.
2. Яницкий М. С., Сухих А. В. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности : учеб. пособие. Новокузнецк, 2010. 102 с.
3. Baumeister R.F. How stories make sense of personal experiences : Motives that shape autobiographical narratives // Personality and Social Psychology Bulletin. 1994. № 20. P. 676–690. DOI: 10.1177/0146167294206006.
4. Kreidler S. Motivation and cognition : Forging an interdisciplinary perspective. N.Y., 2013. 522 p.
5. Инполитова Е. А., Ральникова И. А. Особенности представлений о жизненных перспективах личности, переживающей кризис 35–45 лет // Личность : психологические проблемы субъектности. Барнаул, 2005. С. 244–258.
6. Lennings C. J. Optimism, satisfaction and time perspective in the elderly // International Journal of Aging and Human Development. 2000. Vol. 51. P. 168–181.
7. Бочавер А. А. Исследования жизненного пути человека в современной зарубежной психологии // Психол. журн. 2008. Т. 29, № 5. С. 54–62.
8. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М., 2004. 608 с.
9. Duffy R. D., Allan B. A., Autin K. L., Bott E. M. Calling and life satisfaction : It's not about having it, it's about living it // Journal of Counseling Psychology. 2013. № 60 (1). P. 42–52. DOI: 10.1037/a0030635.
10. Lens W., Paixão M. P., Herrera D. [et al.]. Future time perspective as a motivational variable : content and extension of future goals affect the quantity and quality of motivation // Japanese Psychological Research. Special issue : Time perspective study now. 2012. Vol. 54, № 3. P. 321–333.
11. Maslow H. A. Towards a psychology of being. 3rd ed. N.Y., 1998. 320 p.
12. Вайзер Г. А. Смысл жизни и «двойной кризис» в жизни человека // Психол. журн. 1998. Т. 19, № 5. С. 3–14.
13. Карапетян Л. В., Глотова Г. А. Исследование типов базовых жизненных установок // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2009. Т. 68, № 4. С. 110–119.
14. Магомед-Эминов М. Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1996. № 4. С. 26–35.
15. Насибуллов К. И. Особенности смысловой сферы личности при разрушении ценности собственной жизни : дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2002. 166 с.
16. Психология личностных проявлений в процессе жизнеосуществления человека / под ред. Л. Д. Деминой, И. А. Ральниковой, Д. В. Труевцева. Барнаул, 2009. 359 с.

17. Урываев В. А., Бойчук Б. В. Трансформации личности как многоаспектная проблема // Клиническая и медицинская психология : исследования, обучение, практика : электр. науч. журн. 2013. № 2 (2). URL: <http://medpsy.ru/climp> (дата обращения: 05.03.2015).
18. Абакумова И. В., Рядинская Е. Н. Особенности постконфликтного восстановления : отечественный и зарубежный опыт // Вестн. Краснояр. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. Сер. Психологические науки. 2016. № 4 (38). С. 208–214.
19. Абульханова К. А., Воловикова М. И. Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // Психол. журн. 2007. Т. 28, № 5. С. 5–14.
20. Дементий Л. И., Купченко В. Е. Жизненные стратегии. Омск, 2010. 189 с.

Образец для цитирования:

Рядинская Е. Н. Анализ степени удовлетворенности базовых потребностей мирных жителей, проживающих в условиях вооруженного конфликта // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 206–213. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-206-213.

Analysis of the Degree of Satisfaction of the Basic Needs of the Residents Living under the Conditions of the Armed Conflict

Y. N. Ryadinskaya

Yevgenia N. Ryadinskaya, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia, mucha-lola@mail.ru

The article presents the results of an empirical study, the purpose of which is to analyze the satisfaction of the basic needs of civilians living under the conditions of the armed conflict. It is shown that the respondents of the two groups are only partially satisfied with the realization of their needs. However, when considering the satisfaction of needs, taking into account the age characteristics, it was determined that with young people 16–19 years old unsatisfied were the needs for safety and self-expression, for men 19–35 years old unsatisfied were material needs and the need for safety, for men aged 35–60 years they were material needs and need for recognition, with men from 60 and more it is the need for safety. It is established that the needs of women of the first group are partially satisfied in almost all age categories. In the course of the analysis it was found that in the second group of men of all age categories the need for safety is in the area of dissatisfaction, and the social needs in the group of young people (16–19 years) and men 19–35 years are partially satisfied.

Key words: basic needs, satisfaction, civilians, armed conflict.

Acknowledgements: *The research was carried out within the framework of the Initiative Scientific Project of a fundamental nature according to the goals of the internal Southern Federal University grant (ВнГр - 07/2017-01).*

References

1. Aleksandrovskiy Yu. A., Lobastov O. S., Spivak L. I., Shchukin V. P. *Psyhogeenii v ekstremnykh usloviyakh* [Psychogeniuses in extreme conditions]. Moscow, 1991. 96 p. (in Russian).
2. Yanitskiy M. S., Sukhikh A. V. *Diagnostika urovnya razvitiya tsennostno-smyslovoy sfery lichnosti* [Diagnosis of the level of development of the value-semantic sphere of the individual]. Novokuznetsk, 2010. 102 p. (in Russian).
3. Baumeister R. F. How stories make sense of personal experiences: Motives that shape autobiographical narratives. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1994, no. 20, pp. 676–690. DOI: 10.1177/0146167294206006.
4. Kreitler S. *Motivation and cognition: Forging an interdisciplinary perspective*. New York, 2013. 522 p.
5. Ippolitova Ye. A., Ralnikova I. A. Osobennosti predstavleniy o zhiznyennykh perspektivakh lichnosti, perezhivayushchey krizis 35–45 let [Features of ideas about the life prospects of an individual experiencing an age crisis of 35–45 years]. In: *Lichnost: psikhologicheskiye problemy subyektivnosti* [Personality: psychological problems of subjectivity]. Barnaul, 2005, pp. 244–258 (in Russian).
6. Lennings C. J. Optimism, satisfaction and time perspective in the elderly. *International journal of aging and human development*, 2000, vol. 51, pp. 168–181.
7. Bochaver A. A. Isslyedovaniya zhiznyennogo puti chelovyeka v sovremennoy zarubyezhnoy psikhologii [Research of a person's life path in modern foreign psychology]. *Psikhol. zhurn.* [Psychological Journal], 2008, vol. 29, no. 5, pp. 54–62 (in Russian).
8. Nyutten Zh. *Motivatsiya, deystvie i perspektiva budushchego* [Motivation, action and perspective of the future]. Moscow, 2004. 608 p. (in Russian).
9. Duffy R. D., Allan B. A., Autin K. L., Bott E. M. Calling and life satisfaction: It's not about having it, it's about living it. *Journal of Counseling Psychology*, 2013, no. Jan. 60 (1), pp. 42–52. DOI: 10.1037/a0030635.
10. Lens W., Paixão M. P., Herrera D., Grobler A. Future time perspective as a motivational variable: content and extension of future goals affect the quantity and quality of motivation. *Japanese psychological research. Special issue: Time perspective study now*, 2012, vol. 54, no. 3, pp. 321–333.
11. Maslow H. A. *Towards a Psychology of Being*. 3rd ed. New York, 1998. 320 p.
12. Vaizer G. A. Smysl zhizni w dvoynoy krizis v zhizni chelovyeka [The sense of life and the «double crisis»

- in human life]. *Psikhol. zhurn.* [Psychological Journal], 1998, vol. 19, no. 5, pp. 3–14 (in Russian).
13. Karapetyan L. V., Glotova G. A. Isslyedovaniye tipov bazovykh zhiznyennykh ustanovok [The study of types of basic life attitudes]. *Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 1. Problyemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Ser. 1. Issues in Education, Science and Culture], 2009, vol. 68, no. 4, pp. 110–119 (in Russian).
 14. Magomed-Eminov M. Sh. Lichnost i ekstreemalnaya zhiznyennaya situatsiya [Personality and extreme life situation]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 1996, no. 4, pp. 26–35 (in Russian).
 15. Nasibullov K. I. *Osobennosti smyslovoy sfery lichnosti pri razrushenii tsennosti sobstvennoy zhizni* [Features of the semantic sphere of the personality when the value of one's own life is destroyed]. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Kazan', 2002. 166 p. (in Russian).
 16. *Psikhologiya lichnostnykh proyavleniy v protsesye zhizneosushchetvleniya chelovyeka* [Psychology of personality manifestations in the process of the life of a person]. Eds. L. D. Demina, I. A. Ralnikova, D. V. Truyevtsev. Barnaul, 2009. 359 p. (in Russian).
 17. Uryvayev V. A., Boychuk B. V. Transformatsii lichnosti kak mnogoaspektnaya problyema (Transformation of the personality as a multidimensional problem). *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obucheniyе, praktika: eleyktr. nauch. zhurn.* (Clinical and medical psychology: research, training, practice: Electronic scientific journal), 2013, no. 2 (2). Available at: <http://medpsy.ru/climp> (accessed 5 March 2015) (in Russian).
 18. Abakumova I. V., Ryadinskaya Ye. N. Osobennosti postkonfliktного vosstanovleniya: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt [Specific features of post-conflict reconstruction: domestic and foreign experience]. *Vestn. Krasnoyar. gos. ped. un-ta im. V. P. Astafeva* [Bulletin of V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University], 2016, no. 4 (38), pp. 208–214 (in Russian).
 19. Abulkhanova K. A., Volovikova M. I. Psikhosotsialnyy i subyektnyy podkhody k issledovaniyu lichnosti v usloviyakh sotsialnykh izmeneniy [Psychosocial and subjective approaches to the study of personality under conditions of social change]. *Psikhol. zhurn.* [Psychological journal], 2007, vol. 28, no. 5, pp. 5–14 (in Russian).
 20. Dementiy L. I., Kupchenko V. Ye. *Zhiznennyye stratyegii* [Life strategies]. Omsk, 2010. 189 p. (in Russian).

Cite this article as:

Ryadinskaya Y. N. Analysis of the Degree of Satisfaction of the Basic Needs of the Residents Living under the Conditions of the Armed Conflict. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 206–213. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-206-213.

УДК 316.6

ЗАВИСТЬ КАК ЭФФЕКТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕДОСТАТОЧНОГО ВЛАДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ НАВЫКАМИ

Р. М. Шамионов

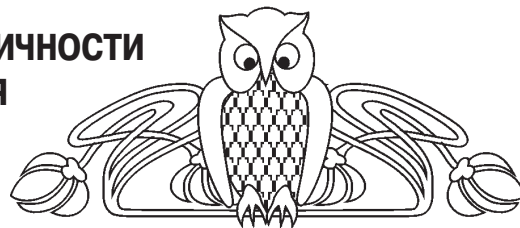
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, shamionov@mail.ru

Представлены результаты теоретического анализа проблемы становления завистливого отношения как ненормативного эффекта социализации личности в условиях недостаточного владения социальными навыками. Рассмотрены механизмы формирования завистливого отношения личности на разных этапах социализации. Проанализированы различные варианты активности при блокировании завистливого отношения посредством внутренних регуляторов – ценностей, норм, установок. Отмечается значимость для формирования завистливого отношения провокационности воздействий взрослых и интериоризации тенденциозной системы социального сравнения «Я – Другой» на уровне первичной социализации. Сделан вывод, что механизм возбуждения завистливого отношения формируется в процессе первичной социализации личности, а критерии благополучия как инстанции завистливого отношения, играющие роль его катализатора, меняются в зависимости от характеристик вторичной социализации. Показано, что в условиях недостаточного владения социальными навыками зависть часто становится нескрываемой и явной, не вполне рефлекслируемой. Отсутствие социальной конгруэнтности, связанное с недостатками социализации личности, допускает реализацию завистливого отношения и его внутреннюю легитимизацию за счет гиперболизации незаслуженности достижений Другого. В заключение определены перспективы эмпирических исследований завистливого отношения в разрезе социализации личности и в связи с ее эффектами.

Ключевые слова: зависть, завистливое отношение, личность, социализация, эффекты социализации, критерии благополучия, социальный навык.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-214-219

Проблема завистливого отношения личности к различным превосходящим проявлениям Другого приобретает особую остроту в эпоху ужесточения социальной конкуренции ввиду недостатков различных ресурсов в современном мире, среди которых особое место занимают социальные и временные ресурсы. Социальная конкуренция создает предпосылки для формирования зависти, поскольку она предопределяет соревновательный характер со-бытия людей в единых или близких (похожих) условиях. Это связано с тем, что одним из наиболее отчетли-

вых признаков современной эпохи является неопределенность – социальная, политическая, экономическая и пр. Именно неопределенность выступает катализатором более интенсивного соотношения себя с Другим, поскольку личность в этом случае либо не обретает, либо утрачивает уверенность в себе и своих силах добиться чего-либо и нуждается в определенных «маяках». В связи с тем, что неопределенность проникает на уровень личности, усиливая внутреннюю тревожность, фрустрируя потребность в предсказуемости жизни, Другой становится своего рода динамичной и доступной инстанцией обретения (или необретения) уверенности, определенности.

С социальными ресурсами тесно связаны и временные. Время жизни человека, пожалуй, является одним из самых мало регулируемых ресурсов, что в значительной степени усиливает не только его притягательность, но и дефицитарность. Поэтому ранний старт Другого в той или иной сфере жизни, его достижения, соотношенные со своими временными возможностями либо оценкой достижений, соотношенных со своим субъективным временем жизни, в значительной степени могут стать объектами завистливого отношения.

Социальные ресурсы связаны с социализацией индивида в различных условиях бытия. Совершенно очевидно, что их емкость зависит от включенности личности в различные формы и виды отношений в условиях групповой деятельности на разных уровнях. В условиях российской действительности владение социальными навыками является чуть ли не определяющим не только для обыденной жизни, но и профессиональной. Неслучайно в кросскультурных исследованиях, выполненных российскими и западноевропейскими психологами в 90-х гг. XX в., было установлено, что в России переменная межличностных взаимоотношений играет более весомую (порой определяющую) роль в профессиональных отношениях [1]. Кроме того, эмпирические исследования зависти тоже указывают на весомую роль этих переменных. Так, в исследованиях Т. В. Бесковой был обнаружен устойчиво высокий ранг таких предметов зави-

сти, как социальный статус, межличностные отношения, которые, прежде всего, предполагают хорошо развитые социальные навыки [2].

Нередко ресурсы, на которые может распространяться завистливое отношение, недоступны для воздействия завистника. Это касается не только социальных или временных ресурсов, но и материальных, физических (например, физическая крепость, внешняя привлекательность), профессиональных, карьеры и пр. явлений в жизни Другого. Поэтому поведенческие проявления зависти в этих сферах могут быть спроецированы на другие области, либо связанные с этими ресурсами, либо не связанные с ними, либо на области социальной дифференциации или дискриминации. С другой стороны, мы показали, что склонность к зависти как доминирующее отношение к достижениям Другого носит диффузный характер и легко переносится на его личность; собственная подавленность завистливой личности сопряжена с неприязнью к достижениям и личности другого [3]. Иначе говоря, высокий уровень зависти связан с негативными переживаниями и в отношении себя (подавленность), и в отношении других (неприязнь). Отсюда следует важная особенность этого отношения, заключающаяся в том, что последовательно реализуемое поведение, соответствующее отношению, не способно снять эту подавленность, а значит, не происходит долгосрочного снятия напряженности. В другом исследовании было показано, что стремление нивелировать превосходство Другого не приводит к ожидаемой удовлетворенности, а, напротив, усиливает завистливость [4]. Таким образом, завистливость является весьма устойчивой характеристикой личности.

Истоки завистливого отношения находятся в детстве и связаны с объективными характеристиками первичных институтов социализации и принимающих участие в этом процессе агентов. Куттер считает, что в основе зависти лежит комплекс неполноценности [5], активно культивируемый окружением, а средствами ее нивелирования являются достоинство, самоценность, самоуверенность человека, которые могут и должны поддерживаться обществом. Говоря о зависти как эффекте социализации, мы, прежде всего, имеем в виду издержки социализации – представление о себе как о несправедливо обделенном, неспособность к критическому анализу процесса достижений Другого и своих способностей, наконец, неспособность дифференцировать свои ценности и переоценивать их в процессе жизни. Иначе говоря, при успешной и нормативной социализации личность способ-

на относиться к себе как субъекту, сознавать свою ценность, конкурировать, достигать и справляться с завистью.

Исследования, проведенные в течение ряда лет (В. А. Лабунской, Т. В. Бесковой, К. Муздыбаевым, А. Н. Ильиным, С. К. Летягиной, Р. М. Шамионовым и др.), убедительно доказывают наличие социально-психологической природы этого явления. Несмотря на существенные различия в его определении [6], имеется инвариантное ядро, заключающееся в трактовке зависти как деструктивного явления. Вместе с тем мы солидарны с исследователями, которые рассматривают зависть как социально-психологическое отношение, поскольку лишь в установлении связи с Другим как социальным существом, в соотношении своих достижений с его достижениями, своего бытия с его бытием и формируется это явление. В этом смысле формирование завистливого отношения выступает в качестве своеобразного эффекта социализации личности.

На уровне первичной социализации личности обращение к Другому, сравнение с Другим как эталонным со стороны значимых лиц выступает важнейшим фактором не только стихийного научения ребенка использованию социального сравнения для соотношения своих достижений с достижениями Других, но и одновременно является своеобразным каналом утилизации разочарования, гнева, фрустрации потребности в принятии со стороны близких. Очевидно, эти первые элементы опыта, постепенно закрепляясь в виде ряда установок, становятся важными характеристиками, способствующими относительно легкому побуждению зависти как регулятора соответствующего поведения.

В процессе формирования зависти как личностной характеристики происходит смена ее фокуса, что связано с эволюционным изменением его предмета – с осязаемых материальных к идеальным. Зависть как личностная характеристика является устойчивым образованием, актуализация которого запускается любым стимулом, связанным с субъективной оценкой превосходства Другого. Ситуативная зависть, очевидно, проявляется лишь в определенных условиях, с ней человек способен легко справиться и найти «оправдания» своей мимолетной зависти. Ранее нами было показано, что водоразделом между различными аспектами завистливого отношения, приводящими к его характеристике как негативной («черной»), являются такие обстоятельства, когда у человека формируется мотивация оказания негативного воздействия на личность другого и его достижения [7].

Социализация личности, предполагающая усвоение норм, ценностей, установок, социальных навыков, включает не только позитивные характеристики, но и те, которые, как правило, скрыты и скрываются. Это в полной мере относится и к зависти. С одной стороны, зависть является результатом социального научения, как определенный результат социализации. Это связано с социальными воздействиями, направленными на сравнение с Другими в ущерб личности, которое принижает возможности и достижения личности ребенка. Причиной завистливого отношения, как считает В. А. Лабунская, являются установки на уравнивание и выравнивание, актуализирующие сравнительно-оценочную деятельность, а также фрустрация потребности в подтверждении [8]. По сути, многие воздействия взрослых являются в этом отношении провокационными. В то же время в детских сообществах часто происходит провоцирование зависти, как намеренно, так и непреднамеренно. Субъект зависти, как правило, испытывает ряд личностных проблем, связанных с недостаточностью позитивной оценки его деятельности, личности и места в системе межличностных отношений.

Формирование завистливого отношения опосредованно усвоением норм и ценностей, которые фиксируют причинно-следственную связь между удовлетворением потребностей, ориентированных на принятие и определенные достижения и социальные сравнения в системе «Я – Другой», и актуализируют личную «норму нивелирования неравенства». Средства нивелирования могут быть как социально приемлемыми (например, мысленное нивелирование неравенства, отказ от соревнования и пр.), условно социально нормативными (вербальные выражения, принижающие достижения другого), либо асоциальными (на уровне «отобрать» или «разрушить»).

Все эти характеристики связаны с различными траекториями социализации личности, в соответствии с которыми происходит формирование зависти и ее выражение на уровне либо социально допустимого поведения, либо недопустимого. Необходимо отметить, что в реальности завистник не получает какой-либо выгоды кроме небольшого недлительного удовлетворения от нивелирования неравенства. Поскольку его внимание находится в состоянии поиска новых объектов, в зависимости от ряда личностных факторов (тревожности, неудовлетворенности, неуверенности, напряженности, неуравновешенности и пр.), глубины переживания обиды («за несправедливость»), возможны разные временные параметры завистливости. Это могут быть мимолетные переживания, с которыми

легко справиться, либо длительные, навязчивые, редкие, либо частые. Иначе говоря, личностный профиль субъекта может как способствовать усилению завистливости, так и тормозить ее проявления. Наличие регуляторных механизмов на основе диспозиций личности, которые формируются в процессе социализации, позволяет сдерживать проявления завистливого отношения. Однако поскольку диспозиции высшего уровня формируются относительно поздно, завистливость выступает по отношению к ним первичным образованием. Поэтому как сами нормы и ценности, так и их строение в единой системе могут стать не только инстанциями сдерживания, но и источниками завистливого отношения. Кроме того, как показано в исследовании Т. В. Бесковой [9], некоторые ценности (например, «материально обеспеченная жизнь», «интересная работа») могут способствовать проявлению зависти, а другие – нивелировать ее («познание», «счастье других»). Иначе говоря, высший уровень диспозиционной регуляции поведения (по В. А. Ядову) может содержать элементы, которые способствуют и препятствуют проявлениям завистливости, в зависимости от того, в какой степени выражена их значимость в единой системе.

Таким образом, с одной стороны, формирование завистливого отношения происходит в процессе социализации как интернализация определенных поведенческих стратегий в отношении лиц, «несправедливо владеющих» тем, чем «должен обладать субъект», а с другой – как ценностно-нормативное образование, допускающее или не допускающее проявление зависти.

Наконец еще одним важным аспектом социализации является владение личностью социальными навыками, позволяющими ей адаптироваться к ситуациям межличностных взаимодействий, устанавливать отношения с другими и добиваться своих целей во взаимодействии с ними. Данный эффект является, пожалуй, одним из наиболее сложно достигаемых, поскольку для этого необходимо реальное включение личности во всевозможные контакты со сверстниками и представителями других поколений на протяжении длительного времени и формирование опыта позитивных отношений, а также развитие социального интеллекта как способности к познанию социальных явлений (в том числе пониманию других, их взаимоотношений, выстраиванию стратегии поведения и т. д.). В современных условиях это может быть затруднительным в связи с социально-экономическими причинами либо факторами безопасности ребенка, когда его ограничивают во взаимодействии с ровесниками.

Важным здесь является и то, что существует ограничение, связанное с «распределением потенциалов» – развитие одной функции может отвлечь от развития других. На примере социального интеллекта это было проиллюстрировано Д. В. Ушаковым [10]: форсирование формирования одних навыков не всегда предполагает становление других, и это особенно хорошо прослеживается на примере разных видов интеллекта. Тем не менее в ситуации недостаточного владения личностью социальными навыками формирование завистливого отношения может происходить несколько иначе. В частности, речь идет о его недифференцированном формировании и более глубоком проникновении. Кроме того, поведенческий компонент завистливого отношения может несколько отставать в созревании от эмоционального. Здесь происходит некое заикливание на репрезентации взаимодействия «Я – Превосходящий Другой», в котором и сам субъект, и Другой приобретают различные черты (как правило, оторванные от реальности). Это своего рода искривленная социально-экзистенциальная сфера intersubъективного пространства (по Е. В. Рягузовой [11]). Зависть здесь усиливается за счет наделяния особыми характеристиками другого субъекта, за счет субъективного усиления незаслуженности достижения успеха Другим. Субъективная недооценка затрат, производимых Другим для достижения успеха, является отражением не только незрелости оценочной функции (индивид не способен адекватно оценить возможности, затраты и получаемый результат), включая и неспособность адекватно оценить собственные силы и затраты, но и социально-интеллектуальной незрелости – неспособности понять другого, конструктивно взаимодействовать с ним для собственных достижений. Деструктивность зависти и заключается в том, что завидующий в реальности ничего не получает в результате реализации своих действий по устранению «несправедливости», превосходства другого или его достижений и даже удовлетворенность может быть весьма призрачной. В условиях недостаточного владения социальными навыками зависть часто становится нескрываемой, явной и порой не вполне рефлексивной.

Таким образом, в процессе социализации личности происходит формирование механизма зависти как готовности к поиску признаков превосходства Другого, относящегося к определенному (ближнему) коммуникативному кругу, и стремлении к их нивелированию. На разных этапах социализации предмет зависти отличается, соответствуя кругу значимых для субъекта областей. Так, К. Муздыбаев отмечает, например, образовательную и профессиональную деятель-

ность в поздней юности, жизненные успехи в молодости, наконец, жизненные достижения в предпенсионном возрасте [12]. В исследовании Т. В. Бесковой также отмечено, что зависть с возрастом не меняется, но меняется ее предмет [13, с. 241–244]. Очевидно, на разных этапах социализации личности происходит выдвигание отдельных ценностей в качестве ведущих ввиду особых социально-возрастных норм (критериев) благополучия, исходя из которых оценивается степень своих достижений в соотношении с таковыми у других (опять же не любых, но тех, кто входит в особую группу близких «по судьбе» лиц), поэтому происходит изменение предмета зависти и ее усиление в определенные эпохи жизни субъекта, однако сам механизм зависти неизменен, поскольку это результат первичной социализации. Вторичная социализация способна лишь доставлять средства ее маскировки и рационализации (например благодаря религии). Кроме того, в завистливом отношении к превосходству Другого происходит эволюционное изменение от предметных объектов к идеальным, например, свойствам личности Другого – альтруизму, выдержке, ответственности и т. п.

В процессе социализации происходит и изменение активности, вызванной завистью. Если в детстве она проявляется более явно и в стратегии «отобрать», то впоследствии становится все более изощренной, начиная со скрытых действий и заканчивая скрытой коммуникацией, например за счет преуменьшения достижений Другого или их дискредитации. Поскольку общественные регуляторы зависти также включаются в нормативно-ценностную систему личности, она становится все более скрываемой.

Так как разные ценности и нормы включены в единую систему, возникает ситуация, при которой обладание Другим тем, что ценно для субъекта, вызывает зависть, но социальная норма ее блокирует, благодаря чему происходит актуализация закрепленной в результате социализации стратегии поведения (например, рационализация, снижение ценности достигнутого, дискредитация усилий Другого и т. п.). Вместе с тем временной лаг между формированием ситуативного завистливого отношения и включением регулятивной функции может быть довольно большим, в результате чего возможно импульсивное проявление завистливости.

Заключение

Рассмотрение трех аспектов социализации личности применительно к формированию завистливого отношения позволяет установить роль стихийного усвоения различных норм, цен-

ностей, моделей поведения в этом процессе. Из проведенного анализа следует, что существуют не только многовекторность проявлений зависти как таковой, но и ее многофакторность, которые могут в реальной ситуации объединяться в единый комплекс. Это требует эмпирического определения роли каждого из них и анализа соотношения завистливости, ценностных характеристик личности и ее социальных навыков.

В условиях недостаточного владения социальными навыками зависть становится, прежде всего, проблемой ее носителя – личности, для которой успехи Другого не только оказываются недостижимыми из-за неспособности справиться с тревогой в межличностных отношениях, конструктивно взаимодействовать и решать задачи совместно с другими, но и оборачиваются самоубийством, самоуничтожением, т. е. личность загоняет себя в круг еще больших проблем.

Для раскрытия всей полноты психологической картины становления завистливого отношения личности необходима такая теоретическая база, которая может помочь определить и место этого явления среди других, и его динамику, и всевозможные факторы и причины, наконец, определить пути его нивелирования. В этом смысле необходимы системно-функциональный и системно-структурный анализы и принятие принципа диахронии применительно к анализу его оснований. Это позволит глубже проникнуть в суть явления, определить его реальные системные характеристики, инвариантное ядро и динамическую подструктуру.

Важным обстоятельством при анализе завистливого отношения является изучение критериальной основы субъективного благополучия личности, так как на разных этапах социализации ими могут быть различные явления, организованные по-разному и относящиеся к разным структурам психики: например, в детском возрасте это могут быть явления, связанные с первичными потребностями, а в более старшем – с социальными установками и ценностями. Поэтому изучение завистливого отношения в разрезе социализации личности предполагает анализ содержательных характеристик, обусловленных меняющимися критериями благополучия, их связь с другими эффектами социализации – идентичностью, ценностными ориентациями, социальными навыками, а также первичными впечатлениями,

связанными с ситуациями сравнения с Другими, выполненными взрослыми и интериоризированными в процессе первичной социализации.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-013-00134 А).

Список литературы

1. Российский менталитет : вопросы психологической теории и практики / под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М., 1997. 336 с.
2. Бескова Т. В. Социально-психологическая структура и детерминанты зависти. Саратов, 2013. 324 с.
3. Шамионов Р. М. Зависть в системе социально-экономических установок и активность личности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. Т. 4, № 4. С. 46–52.
4. Бескова Т. В., Шамионов Р. М. Особенности субъективного благополучия субъектов зависти и соперничества // Рос. психол. журн. 2011. Т. 8, № 2. С. 9–18.
5. Куттер П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей. СПб., 2004. 120 с.
6. Социально-психологические детерминанты зависти / под ред. Т. В. Бесковой. Саратов, 2011. 367 с.
7. Шамионов Р. М. Зависть и «оправдание» зависти // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в современной России. Самара, 2010. С. 47–52.
8. Лабунская В. А. О соотношении зависти, безнадёжности и надежды как способа преобразования пространства общения субъекта // Психология общения-2006 : на пути к энциклопедическому знанию : сб. материалов междунар. конф. М., 2006. С. 97–111.
9. Бескова Т. В. Взаимосвязь ценностных ориентаций личности и ее склонности к зависти // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2010. Т. 3, вып. 3. С. 60–72.
10. Ушаков Д. В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект : теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М., 2004. С. 11–28.
11. Рягузова Е. В. Социальная психология личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Саратов, 2011. 304 с.
12. Муздыбаев К. Завистливость личности // Психол. журн. 2002. Т. 23, № 6. С. 42–43.
13. Бескова Т. В. Социально-психологическая структура и детерминанты зависти. Саратов, 2013. 324 с.

Образец для цитирования:

Шамионов Р. М. Зависть как эффект социализации личности в условиях недостаточного владения социальными навыками // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 214–219. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-214-219.

Envy as an Effect of Socialization of the Person in Conditions of Insufficient Possession of Social Skills

R. M. Shamionov

Rail M. Shamionov, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, shamionov@mail.ru

The article presents the results of theoretical analysis of the problem of formation of envious attitude as an abnormal effect of socialization of the individual in conditions of insufficient ownership of social skills. An attempt to consider the mechanism of formation of an envious attitude of a person at different stages of socialization is realized. The various options activity by blocking envious relations through internal controls – values, norms, attitudes are analyzed. The significance of provocative influence of adults and interiorization of the tendentious system of social comparison “Me-Other” at the level of primary socialization for the formation of envious attitude is noted. It is concluded that the mechanism of the envious attitude excitation is formed in the process of primary personality socialization, and the criteria of well-being as an instance of the envious attitude, playing the role of its catalyst, vary depending on the characteristics of secondary socialization. In conditions of insufficient possession of social skills envy often becomes undisguised and obvious, not quite reflexible is shown. The lack of social congruence associated with impaired socialization, allows the realization of a envy relationship and its internal legitimation at the expense of hyperbole is not the well-deserved achievements of the Other. In conclusion, the prospects of empirical studies of envious attitude in the context of socialization of the individual are defined and in connection with its effects.

Key words: envy, envious attitude, personality, socialization, effects of socialization, criteria of well-being, social skill.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Researches (project no. 18-013-00134 A).*

Reference

1. *Rossiyskiy mentalitet: voprosy psikhologicheskoy teorii i praktiki* [Russian mentality: questions of psychological theory and practice]. Eds. K. A. Abulkhanova, A. V. Brushlinskiy, M. I. Volovikova. Moscow, 1997. 336 p. (in Russian).
2. Beskova T. V. *Sotsialno-psikhologicheskaya struktura i determinanty zavisti* [Social-psychological structure and determinants of envy]. Saratov, 2013. 324 p. (in Russian).
3. Shamionov R. M. *Zavist v sisteme sotsialno-ekonomicheskikh ustanovok i aktivnost lichnosti* [Envy in the socio-economic attitudes and the individual activity]. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2011, vol. 4, no. 4, pp. 46–52 (in Russian).
4. Beskova T. V., Shamionov R. M. *Osobennosti subektivnogo blagopoluchiya subektov zavisti i sopernichstva* [Features of subjective well-being of subjects of envy and rivalry]. *Rossiyskiy psikhologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2011, vol. 8, no. 2, pp. 9–18 (in Russian).
5. Kutter P. *Liebe, hass, neid, eifersucht. Eine Psychoanalyse der Leidenschaften*. Gottingen, 1998. 109 p. (Russ. ed.: Kutter P. *Lyubov, nenavist, zavist, revnost. Psikhologicheskaya struktura i determinanty zavisti*. St. Petersburg, 2004. 120 p.).
6. *Sotsialno-psikhologicheskije determinanty zavisti* [Social-psychological determinants of envy]. Ed. by T. V. Beskova. Saratov, 2011. 367 p. (in Russian).
7. Shamionov R. M. *Zavist i «opravdanie» zavisti* [Envy and justification of envy]. In: *Professionalnoe i lichnostnoe samoopredelenie molodezhi v sovremennoy Rossii* [Professional and personal development of young people in modern Russia]. Samara, 2010, pp. 47–52 (in Russian).
8. Labunskaya V. A. *O sootnoshenii zavisti, beznadezhnosti i nadezhdy kak sposoba preobrazovaniya prostranstva obshcheniya subekta* [On the correlation of envy, hopelessness and hope as a way of transforming the subject's communication space]. In: *Psikhologiya obshcheniya-2006: na puti k entsiklopedicheskomu znaniyu: materialy mezhdunar. konf.* [Psychology of Communication-2006: Towards Encyclopedic Knowledge: materials of the international conference]. Moscow, 2006, pp. 97–111 (in Russian).
9. Beskova T. V. *Vzaimosvyaz tsennostnykh orientatsiy lichnosti i ee sklonnosti k zavisti* [Interrelation of valuable orientations of the person and its propensity to envy]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2010, vol. 3, no. 3, pp. 60–72 (in Russian).
10. Ushakov D. V. *Sotsialnyy intellekt kak vid intellekta* [Social intelligence as view of intellect]. In: *Sotsialnyy intellekt: teoriya, izmerenie, issledovaniya* [Social intelligence: theory, change, researches]. Eds. D. V. Lyusin, D. V. Ushakov. Moscow, 2004, pp. 11–28 (in Russian).
11. Ryaguzova E. V. *Sotsialnaya psikhologiya lichnostnykh reprezentatsiy vzaimodeystviya «Ja – Drugoy»* [Social psychology of personal representations «Me – Other»]. Saratov, 2011. 304 p. (in Russian).
12. Muzdybaev K. *Zavistlivost lichnosti* [Envy of person]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2002, vol. 23, no. 6, pp. 42–43 (in Russian).
13. Beskova T. V. *Sotsialno-psikhologicheskaya struktura i determinanty zavisti* [Social-psychological structure and determinants of envy]. Saratov, 2013. 324 p. (in Russian).

Cite this article as:

Shamionov R. M. Envy as an Effect of Socialization of the Person in Conditions of Insufficient Possession of Social Skills. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 214–219. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-214-219.

ПЕДАГОГИКА

УДК 372.8

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОЛИГОН КАК СРЕДСТВО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕПОДАВАНИЯ В ВУЗЕ

Г. И. Железовская, Д. С. Хижняк

Железовская Галина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sgu.pedagogika@yandex.ru

Хижняк Денис Сергеевич, кандидат юридических наук, магистрант кафедры психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, denis_khizhnyak@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме использования инновационных форм преподавания курса криминалистики в юридическом образовательном учреждении, обусловленных компетентным подходом к обучению будущих юристов. Цель статьи – рассмотреть вопросы использования криминалистического полигона в практике преподавания в образовательном учреждении. Проблема использования криминалистического полигона рассматривается авторами исходя из состояния системы современного образования и дифференциации его форм (бакалавриат, магистратура, специалитет). Авторы разъясняют понимание криминалистического полигона как современного средства обучения, в частности выделены задачи его использования, указывают перспективы развития преподавания криминалистики с использованием учебного полигона, анализируют опыт российских и зарубежных вузов в создании различных блоков криминалистических полигонов и их оснащения различными средствами, а также возможности применения традиционных и инновационных методов обучения, обусловленных техническими возможностями криминалистических полигонов, представляющих собой физическую модель как места совершения преступления, так и его виртуального аналога. Делается вывод, что обе модели должны использоваться в качестве взаимодополняющих в учебном процессе юридического вуза. Рассматриваются конструкция учебного криминалистического полигона в целом и его отдельные системные блоки.

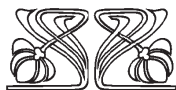
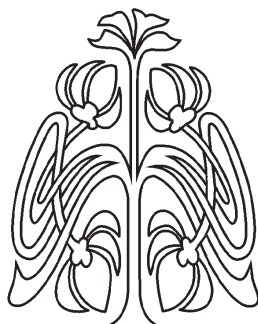
Ключевые слова: инновационные методы преподавания, преподавание криминалистики, криминалистический полигон.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-220-223

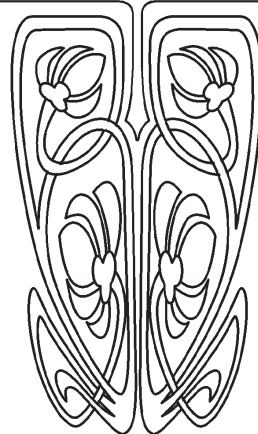
Известно, что материально-техническое обеспечение учебного процесса в любом вузе, в том числе юридическом, является непременным условием качества подготовки современных специалистов.

Термин «полигон» имеет несколько значений «(от греч. *poly* – много и *gonia* – угол). 1. Большой незаселенный участок, служащий местом для опытных или учебных занятий и упражнений специальных войск, стрельбище (воен.). Артиллерийский полигон. 2. Расположение крепостных укреплений в форме многоугольника (воен.). Крепостной полигон. 3. То же, что многоугольник (мат. редко)» [1].

Опорным для возникновения термина *полигон* в практике преподавания криминалистики является первое значение. Как следует из этого значения, криминалистический полигон должен иметь значительные размеры для того, чтобы обрабатывать реализацию

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

моделируемых ситуаций в приближенных к реальности условиях. *Полигон криминалистический* определяют как «тренажерный комплекс, предназначенный для практических занятий и упражнений по обнаружению, изъятию, фиксации и исследованию доказательств. Объекты, размещенные на П.к., позволяют имитировать обстановку проведения различных следственных действий; осмотра, следственного эксперимента, обыска и др., обучать оценке следов в комплексе и т. п. П.к. создается в помещении и (или) на открытой местности. Обстановка П.к. может быть стационарной (торговый зал магазина, жилая комната, складское помещение и др.) или изменяемой (раздвижные перегородки, сменные комплекты предметов и др.) [2].

В связи с развитием современных информационных технологий в преподавании криминалистики термин «полигон» приобрел и другое наполнение. Под ним понимают информационные банки данных и компьютерные программы, с помощью которых обучающиеся могут осуществлять поиск информации, формулировать фабулы преступлений, заполнять документы, обучение работе ориентировочной части следственных действий (осмотр места происшествия, выдвижение следственных версий в отношении субъекта преступления, организация планирования следственно-оперативных мероприятий, с учетом вероятного портрета преступника) и т. д. [3–5].

Виртуальные полигоны обладают определенными достоинствами, они компактны, позволяют получить доступ к программе сразу нескольким пользователям, однако имитация реальной ситуации имеет значительное преимущество перед компьютерными программами, так как позволяет обучающимся самим становиться участниками событий.

В научно-методической литературе, рассматривая проблему полигонов, физически имитирующих обстановку, в которой проводятся следственные действия, авторы в основном обращаются к опыту китайских вузов [6, с. 6]. Учебные задачи, которые решаются на учебных криминалистических полигонах, разнообразны, например: осмотр места происшествия (на улице, в помещении); изучение следов, оставленных преступником; задержание подозреваемых в совершении преступления и др. В связи с тем, что преподаватель должен иметь возможность оценивать практическую деятельность обучающихся на полигоне, он должен быть обзорим. Конструкция полигона может быть разнообразной. Он может состоять из нескольких блоков, а доступ к визуальному наблюдению за деятельностью об-

учающихся может осуществляться как на месте, так и на удаленном расстоянии (с возвышения, трапов и др.) [7, с. 172].

В последние годы в вузах России стали появляться полигоны данного типа. Их системные блоки часто включают в себя как сходные, так и различные блоки. Так, в Межрегиональном открытом социальном институте (Йошкар-Ола) представлены следующие блоки: «жилая квартира», «торговый зал» «служебный кабинет следователя» [8]. В Барнаульском юридическом институте МВД России объекты комплекса представлены «жилой комнатой», «офисом фирмы», «кафе-баром» и «городской улицей» [9]. В Пермском государственном университете имеются «жилая комната» и «помещение офиса» [10].

В 2017 г. в Саратовской государственной юридической академии был оборудован учебный полигон кафедры криминалистики, который включает в себя восемь инсталляций: «уголовные дела Саратова и Саратовской области», кабинет криминалистической техники для работы со следами, оставленными предполагаемыми преступниками, комнаты для деловых игр «осмотр места происшествия» и «обыск», кабинет следователя для проведения игрового допроса, кабинет очной ставки, инсталляция «предъявление для опознания», комнату для работы с автотранспортом, а также учебную аудиторию для просмотра учебных видеофильмов и фильмов, снятых во время занятий. При создании криминалистических полигонов вузы не только исходят из своих финансовых и технических возможностей, но руководствуются и статистикой наиболее типичных для данного региона уголовных дел.

Возможности применения методов обучения обусловлены материально-техническим оснащением блоков или инсталляций. Как правило, материально-техническое обеспечение включает в себя предметы мебели (столы, стулья, шкафы) и быта (посуда, ковры), средства, необходимые для осуществления профессиональной деятельности в какой-либо сфере (кассовые аппараты, стеллажи, товары потребления, компьютеры), оружие, манекены и др.

Кроме указанных обычных средств используются и современные криминалистические: упаковочные средства для отработки практических навыков при обнаружении и изъятии следов пальцев рук с различных поверхностей (например, пылевых следов), средства осуществления дактилоскопирования, материалы для изготовления гипсовых слепков, средства исследования документов, имеющих следы подделки.

Указанные материально-технические средства способствуют применению следующих

традиционных и интерактивных методов, наполненных криминалистическим содержанием: обсуждению выполненных практических действий по расследованию и раскрытию преступлений, закреплению практических навыков по дактилоскопированию, снятию гипсовых слепков, кейс-методу, ситуационному подходу к решению учебной задачи, состязательному выполнению практических заданий с дальнейшим их обсуждением, в том числе с использованием отснятого во время занятия видеоматериала.

Таким образом, использование криминалистического полигона можно считать инновационной и специфической формой процесса обучения криминалистике в вузе. У этой формы обучения имеются перспективы развития в виде сочетания физических моделей мест совершения преступлений с виртуальными блоками полигона с использованием современных информационных технологий. Только виртуальная разновидность полигона недостаточно эффективна, поскольку обучающийся не может находиться в реальной обстановке осуществления следственной деятельности с использованием существующей аппаратуры и средств изучения слеодообразования.

Список литературы

1. Полигон // Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=52896> (дата обращения: 31.03.2018).
2. Полигон криминалистический // Криминалистическая энциклопедия. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/криминалистическая-энциклопедия> (дата обращения: 31.03.2018).
3. Амельчаков И. Ф. О повышении практической направленности обучения в Бел. ЮИ МВД России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 1. С. 3–7.
4. Толстоуцкий В. Ю. Компьютерная программа «ФОРВЕР-СЛЕДОВАТЕЛЬ» повышает эффективность обучения на криминалистическом полигоне // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3, ч. 2. С. 211–215.
5. Хрисанов В. А., Дубровский В. Ю., Ермоленко С. А. Укрепление материально-технической базы Белгородского юридического института как фактор повышения качества учебно-воспитательного процесса профессиональной подготовки курсантов и слушателей // Вестн. Белгород. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 1. С. 15–20.
6. Шань Д., Зайцева Е. А., Андреев А. Г. Особенности организации учебного процесса в Китайском университете уголовной полиции Министерства общественной безопасности КНР // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2011. № 3 (18). С. 172–175.
7. Внуков В. И. О положительном опыте подготовки специалистов в Китайском университете уголовной полиции Министерства общественной безопасности КНР // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2013. № 2 (25). С. 119–123.
8. Криминалистический полигон // Межрегиональный открытый социальный институт: сайт. URL: <http://mosi.ru/ru/mosi/kriminalisticheskiy-poligon> (дата обращения: 31.03.2018).
9. Полигон с новейшим криминалистическим оборудованием открыли в Барнаульском юридическом институте // Криминалисты.ру : сайт. URL: <http://kriminalisty.ru/novosti/barnaullur.html> (дата обращения: 31.03.2018).
10. Криминалистический полигон // Пермский государственный университет : сайт. URL: <http://www.psu.ru/fakultety/yuridicheskij-fakultet/laboratorii/kriminalisticheskij-poligon> (дата обращения: 31.03.2018).

Образец для цитирования:

Железовская Г. И., Хижняк Д. С. Криминалистический полигон как средство инновационного преподавания в вузе // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 220–223. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-220-223.

Criminalistics Polygon as a Means of Innovative Teaching at a Higher School

G. I. Zhelezovshaya, D. S. Khizhnyak

Galina I. Zhelezovshaya, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, sgu.pedagogika@yandex.ru

Denis S. Khizhnyak, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410002, Russia, denis_khizhnyak@mail.ru

The article is devoted to the actual problem of using innovative forms of teaching the forensic course in a legal educational institution, conditioned by the competence approach to training future lawyers.

The purpose of the article is to consider the use of the forensic test site in the practice of teaching in an educational institution. The problem of using the forensic polygon is considered by the authors based on the state of the system of modern education and the differentiation of its forms (baccalaureate, magistracy, specialty). The authors explain the understanding of the criminal landfill as a modern training tool (in particular, the tasks of its use), indicate the prospects for the development of the teaching of criminology using the training ground, analyze the experience of Russian and foreign universities in the creation of various blocks of forensic testing grounds and their equipping with various means, traditional and innovative methods of training, due to the technical capabilities of forensic testing sites, which are both a physical model of the crime scene and its virtual counterpart. The conclusion is drawn that both models should be

used as complementary in the educational process of a law school. The design of the educational forensic polygon as a whole and its separate system blocks are considered.

Key words: innovative teaching methods, teaching criminalistics, the criminalistics polygon.

References

1. Poligon (Polygon). *Tolkovyy slovar Ushakova onlayn* (The explanatory dictionary of Ushakov online). Available at: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=52896> (accessed 31 March 2018) (in Russian).
2. Polygon kriminalisticheskii (Forensic polygon). *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* (Forensic encyclopedia). Available at: <http://www.vokabula.rf/slovari/kriminalisticheskaya-entsiklopediya> (accessed 31.03.2018) (in Russian).
3. Amelchakov I. F. O povyshenii prakticheskoy napravlenosti obucheniya v Bel. YuI MVD Rossii [On increasing the practical orientation of education in Bel. Russian Ministry of Internal Affairs]. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti* [Problems of law-enforcement activity], 2013, no. 1, pp. 3–7 (in Russian).
4. Tolstolutskiy V. Yu. Kompyuternaya programma «FORVER-SLEDOVATEL» povyshaet effektivnost obucheniya na kriminalisticheskom poligone [Computer program «FORVER-FOLLOWER» increases the effectiveness of training at the forensic testing ground]. *Vestn. Nizhegorod. un-ta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2013, no. 3, part 2, pp. 211–215 (in Russian).
5. Khrisanov V. A., Dubrovskiy V. Yu., Ermolenko S. A. Ukreplenie materialno-tekhnicheskoy bazy Belgorodskogo yuridicheskogo instituta kak faktor povysheniya kachestva uchebno-vospitatelnogo protsessa professional'noy podgotovki kursantov i slushateley [Strengthening the material and technical base of the Belgorod Law Institute as a factor in improving the quality of the educational process of professional training of cadets and students]. *Vestn. Belgorod. yurid. in-ta MVD Rossii* [Vestnik of The Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia], 2015, no. 1, pp. 15–20 (in Russian).
6. Shan D., Zaytseva E. A., Andreev A. G. Osobennosti organizatsii uchebnogo protsessa v Kitayskom universitete ugolovnoy politsii Ministerstva obshchestvennoy bezopasnosti KNR [Features of the organization of the educational process at the Chinese University of Criminal Police of the Ministry of Public Security of the PRC]. *Vestn. Volgograd. akad. MVD Rossii* [Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest], 2011, no. 3 (18), pp. 172–175 (in Russian).
7. Vnukov V. I. O polozhitel'nom opyte podgotovki spetsialistov v Kitayskom universitete ugolovnoy politsii Ministerstva obshchestvennoy bezopasnosti KNR (On the positive experience of training specialists in the Chinese University of Criminal Police of the Ministry of Public Security of the PRC). *Vestn. Volgograd. akad. MVD Rossii* [Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest], 2013, no. 2 (25), pp. 119–123 (in Russian).
8. Kriminalisticheskii polygon (Forensic polygon). *Mezhhreghionalnyy otkrytyy sotsialnyy institut* (Interregional Open Social Institute. Site). Available at: <http://mosi.ru/ru/mosi/kriminalisticheskii-poligon> (accessed 31 March 2018)
9. Polygon s noveishim kriminalisticheskim oborudovaniem otkryli v Barnaulskom uridicheskome institute (Forensic polygon with the newest forensic equipment is opened in the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia). *Kriminalysti.ru* (Forensics.ru.Site) (Available at: <http://kriminalisty.ru/novosti/barnaulur.html> (accessed 31 March 2018) (in Russian).
10. Kriminalisticheskii polygon (Forensic polygon). *Permskiy gosudarstvennyy universitet* (Perm State University. Site). Available at <http://www.psu.ru/fakultety/yuridicheskij-fakultet/laboratorii/kriminalisticheskij-poligon> (accessed 31 March 2018) (in Russian).

Cite this article as:

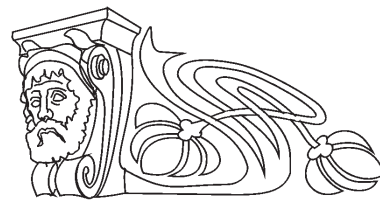
Zhelezovshaya G. I., Khizhnyak D. S. Criminalistics Polygon as a Means of Innovative Teaching at a Higher School. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 220–223. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-220-223.

УДК 372.881.1

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ПЛЮРИЛИНГВИЗМА В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

А. О. Ильнер, Н. Х. Савельева

Ильнер Александр Олегович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ilner@mail.ru

Савельева Нэлли Хисматуллаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, nellik1983@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению и анализу основ концепции плюрилингвизма как способности людей использовать два и более языков для общения и участия в межкультурном диалоге. Анализируется концепция «Современные языки: изучение, преподавание, оценка. Общеευропейская компетенция», разработанная Советом по культурному сотрудничеству при Совете Европы. Отдельное внимание уделяется национальным системам оценки языковой компетенции – языковому портфелю как инструменту, с помощью которого учащийся может представить в систематизированном виде результаты своих достижений и опыта в изучении иностранных языков. Авторы описывают и разводят понятия «плюрилингвизм» и «многоязычие». Проводится подробный анализ методов практической реализации идей плюрилингвизма, а также требований, предъявляемых к выпускникам неязыковых специальностей. Немаловажным моментом является изучение программ развития академической мобильности, интернационализации образования. Особого внимания заслуживает описание уровней владения иностранным языком: основной, соответствующий уровню А – элементарное владение языком (Basic User/Elementare Sprachverwendung), включающим А1 – уровень выживания (Breakthrough/Einstieg) и А2 – допороговый уровень (Waystage/Grundlagen), а также повышенный уровень, который охватывает диапазон от А2 до В1 (пороговый уровень (Threshold/Mittelstufe)). Кроме того, подчеркивается, что использование иностранных языков в качестве языков преподавания неязыковых дисциплин способствует скорейшему обмену современной научной информацией, формированию глобального образовательного и научного пространств.

Ключевые слова: иностранный язык, коммуникация, уровень владения иностранным языком, плюрилингвизм, многоязычие, интернационализация образования.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-224-227

В современных условиях глобализации, на фоне развивающихся деловых, культурных и научных связей одним из требований, предъявляемых к выпускникам неязыковых специальностей, является практическое владение одним или несколькими языками международного

общения. Программы развития академической мобильности, интернационализация образования в рамках Болонского процесса также должны способствовать повышению конкурентоспособности российских специалистов на международном рынке труда, где оценка профессионализма соискателя часто напрямую зависит от уровня и качества иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции специалиста.

С 1970-х г. Совет по культурному сотрудничеству при Совете Европы начал работу по систематизации подходов к преподаванию иностранного языка и стандартизации оценок уровня владения языком. Итогом этой работы стало принятие в 1996 г. в Страсбурге документа «Современные языки: изучение, преподавание, оценка. Общеευропейская компетенция» (Common European Framework of Reference for Languages / Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen) (далее сокращенно CEFR) [1]. Согласно разработанной концепции преподавание языков должно способствовать развитию многоязычия, языкового и культурного многообразия.

В 2001 г. Совет Европы рекомендовал использование CEFR для создания национальных систем оценки языковой компетенции, *языкового портфеля* (Language Portfolio / Sprachenportfolio) как инструмента, с помощью которого учащийся может представить в систематизированном виде результаты своих достижений и опыта в изучении иностранных языков. Данные разработки нашли отражение в государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования и соответствующих образовательных программах по дисциплине «Иностранный язык».

Первые государственные образовательные стандарты в Российской Федерации были приняты в 1994 г., а в 2000 г. были приняты ГОС второго поколения. Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. № 309-ФЗ была утверждена новая структура государственного образовательного стандарта и разработаны новые (третьего поколения) федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС). В связи с принятием нового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ были внедрены федеральные госу-

дарственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО, ФГОС 3+).

Образовательный стандарт вводит понятие *уровня владения иностранным языком*, на основании которого основной целью курса иностранного языка для неязыковых специальностей является *повышение исходного уровня владения иностранным языком*, достигнутого на предыдущей ступени образования, и овладение студентами необходимым и достаточным уровнем коммуникативной компетенции для решения социально-коммуникативных задач в различных областях бытовой, культурной, профессиональной и научной деятельности при общении с зарубежными партнерами, а также для дальнейшего самообразования [2]. В зависимости от уровня формируются цели обучения иностранным языкам в неязыковом вузе, каковыми являются формирование и совершенствование иноязычных коммуникативных умений студентов на двух уровнях: *основном* и *повышенном*, в зависимости от исходного уровня иноязычной коммуникативной компетенции студентов.

Понятия основного и повышенного уровня соотносятся с уровнями владения иностранным языком CEFR. Основной уровень соответствует уровню А – элементарное владение языком (Basic User / Elementare Sprachverwendung), включающим А1 – уровень выживания (Breakthrough / Einstieg) и А2 – допороговый уровень (Waystage / Grundlagen). Повышенный уровень охватывает диапазон от А2 до В1 (пороговый уровень – Threshold / Mittelstufe). При этом минимальные требования к уровню по завершении курса обучения не выходят за рамки основного уровня. Структура курса представлена блоками, охватывающими основные цели профессионально ориентированного общения – от общих целей и целей делового общения до профессиональных и академических. Таким образом, цели и требования к овладению иностранным языком для неязыковых специальностей, обозначенные в образовательных стандартах высшего профессионального образования и соответствующих программах по дисциплине «Иностранный язык», соответствуют принятой в рамках CEFR концепции *плюрилингвизма* (Plurilinguism, Mehrsprachigkeit) как способности людей использовать два и более языка для общения и участия в межкультурном диалоге, что подразумевает общение на иностранных языках с представителями других культур.

Плюрилингвизм в определенной степени противопоставляется *многоязычию* (Multilinguism, Vielsprachigkeit) как знанию определенного набора языков или сосуществованию

разных языков в одном обществе. По мнению разработчиков CEFR, многоязычия можно достичь путем простого увеличения количества предлагаемых к изучению иностранных языков в школе или в системе образования, либо побуждая учеников изучать более чем один иностранный язык, либо ограничить доминирующее положение английского языка в международном общении. Плюрилингвизм же подчеркивает, что языковой опыт человека расширяется в культурном контексте, от языка домашнего общения через язык общества к языкам других народов, которые он изучает в школе либо университете или напрямую через непосредственный опыт [3]. Эти языки и культуры не хранятся в строго разделенных ментальных «отсеках», они вместе образуют коммуникативную компетенцию, развитию которой способствуют знания языка и языковой опыт, а языки взаимодействуют и оказывают друг на друга взаимное влияние. В разных ситуациях люди имеют возможность использовать различные аспекты этой компетенции для осуществления эффективной коммуникации с определенным собеседником. То же самое закреплено и государственными образовательными стандартами, согласно которым изучение иностранного языка призвано, наряду с развитием профессиональных и исследовательских навыков и умений, повышением уровня учебной автономии и способности к самообразованию, обеспечить расширение кругозора и повышение общей культуры студентов и воспитание толерантности и уважения к духовным ценностям разных стран и народов.

Человек, обладающий иноязычной коммуникативной компетенцией в рамках концепции плюрилингвизма, владеет иностранными языками на разном уровне и хорошо – родным языком, при этом он знает на среднем уровне один или два иностранных языка и имеет представление о других. Провозглашая концепцию плюрилингвизма, CEFR, таким образом, отказывается от изолированного изучения одного или нескольких иностранных языков, где в качестве образца используется образ «идеального носителя языка». Реализация профессионально ориентированного обучения иностранному языку, основанная на учете потребностей студентов, диктуемых особенностями будущей профессии или специальности, позволяет в рамках концепции плюрилингвизма нивелировать такую специфическую черту учебной дисциплины «Иностранный язык» как *беспредметность*. В отличие от других дисциплин, иностранный язык per se не дает человеку знаний об окружающей действительности, ибо сам является средством формирования, существования и выражения

мыслей об окружающем мире. Профессионально ориентированное обучение иностранным языкам способствует интеграции учебной дисциплины «Иностранный язык» с дисциплинами профессионального цикла, когда язык становится средством получения необходимых знаний. Использование иностранных языков в качестве языков преподавания неязыковых дисциплин, а также формирование интернациональной среды в вузе, по сути, являясь практической реализацией концепции плюрилингвизма в учебном пространстве университетов, способствует скорейшему обмену современной научной информацией, формированию глобального образовательного и научного пространств.

В рамках настоящего исследования считаем целесообразным остановиться на проблеме создания интернациональной среды в высшем учебном заведении, которая в широком смысле отражает ориентацию объекта на международное измерение его деятельности, определяется стремлением высших учебных заведений к развитию в международном направлении сферы образовательных услуг, научных разработок.

Первоначально создание интернациональной среды в европейских вузах подразумевало лишь академическую мобильность. В 1972 г. М. Харари в определении интернационализации высшего образования включил три основных элемента: наличие международного компонента в содержании учебных планов и программ; международную мобильность студентов и профессорско-преподавательского состава; наличие программ технического сотрудничества и взаимопомощи [4]. В настоящее время «интернационализация образования понимается как сумма всех мер, ориентированных на усиление и содействие созданию интернационального академического сообщества, которое будет призвано готовить студентов к жизнедеятельности в условиях глобализирующейся среды» [5, с. 45].

В контексте основных постулатов концепции плюрилингвизма особое значение приобретает международное образование, открывающее большие возможности для межнационального понимания, что особенно актуально в эпоху глобальных мировых изменений. В отличие от интернационализации, охватывающей различные уровни высшего образования, международное образование представляет собой свод определенных образовательных программ, направленных на дополнительную подготовку студентов к будущей профессии, предусматривающую развитие знаний, умений и навыков, которые могут пригодиться на рынке труда любой страны в условиях интернационализации хозяйственной жизни [6].

Однако создание интернациональной среды в сфере высшего образования подразумевает не только мобильность студентов и придание процессу образования международной направленности. В этом контексте необходимо выделить случаи, когда университет «преодолеывает границы» и предлагает свои услуги в странах, не обладающих достаточными возможностями для удовлетворения растущего спроса на высшее образование, что предполагает экспорт образовательных услуг, создание филиалов в других странах. Экспортерами образовательных услуг, как правило, выступают вузы Европы, США, Австралии. Импортерами являются страны Африки, Азии, некоторые страны Европы, т. е. регионы, которые самостоятельно не могут обеспечить необходимый уровень предложения в сфере высшего образования, а также качество, которое соответствовало бы запросам современной экономики. В качестве примеров экспорта можно рассматривать Американский университет, университет Франции и Немецкий университет в Египте. Технологический университет Ханоя (Вьетнам) предлагает программы бакалавриата и магистратуры совместно с университетами Бельгии, Франции, Германии, США и Сингапура. Правительство Вьетнама стало инициатором создания Международного университета, который призван решить проблему дефицита предложения в сфере высшего образования [7].

Кроме того, в процессе интернационализации есть и позитивные моменты. К положительным характеристикам процесса интернационализации высшего образования можно отнести появление новых участников на рынке образовательных услуг, таких как виртуальные, франчайзинговые, корпоративные университеты.

Список литературы

1. Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen : Lernen, lehren, beurteilen. München, 2009. 244 S.
2. Примерная программа дисциплины «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов // Научно-методический совет по иностранным языкам Минобрнауки России. URL : <http://fgosvo.ru/uploadfiles/ppd/20110329000911.pdf> (дата обращения: 19.01.2017).
3. Смокотин В. М. Основные инструменты политики многоязычия и поликультурности в Европе : общие европейские языковые компетенции и языковой портфель // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 337. С. 72–77.
4. Harari M. Internationalizing Education. Long Beach, Ca, 1972. 157 p.
5. Jong de H., Teekens H. The case of the university of

- twente : internationalisation as education policy // Journal of Studies in International Education. 2003. Vol. 7, № 1. P. 41–51.
6. Абабкова М. Ю. Понятия «глобализация образования», «интернационализация образования», «международное образование»: общее и различное // Теория и практика сервиса : экономика, социальная сфера, технологии. 2011. № 7. С. 46–51.
7. Прохоров А. В. Интернационализация как ведущая ценность академического сообщества // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 3 (37). С. 157–161.

Образец для цитирования:

Ильнер А. О., Савельева Н. Х. Реализация концепции плюрилингвизма в условиях российской высшей школы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 224–227. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-224-227.

Realization of the Concept of the Plurilinguism in Russian Higher School

A.O. Illner, N. Kh. Savelyeva

Aleksandr O. Illner, Ural Federal University, 19, Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russia, illner@mail.ru

Nelli Kh. Savelyeva, Ural Federal University, 19, Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russia, nellik1983@mail.ru

The article considers the concept of the plurilinguism, as an ability to use two or more languages for communication and taking part in the intercultural dialogue. The Common European Framework of Reference for Languages is analyzed. The special attention is paid to the national systems of evaluation of the language competence – Language Portfolio, as an instrument that allows users to record their language learning achievements and their experience of learning and using languages. The authors describe and separate the definitions plurilinguism and multilingualism, giving attention to the practical methods of realization of the concept of the plurilinguism and requirements to graduates of non-linguistic faculties. They also study the programs of development of academic mobility and internationalization of education, emphasizing the levels in language abilities: from A1 (Breakthrough) and A2 (Waystage) to B1 (Threshold). In addition the authors emphasize that the usage of foreign languages in teaching of non-linguistic subjects encourages the fast exchange of modern scientific information and formation of the global educational and scientific space.

Key words: foreign language, communication, language level, plurilinguism, multilingualism, internationalization of the education.

References

1. *Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen: Lernen, lehren, beurteilen* [Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment]. München, 2009. 244 S. (in German).
2. Primernaya programma distsipliny «Inostranny yazyk» dlya neyazykovykh spetsialnostey i fakultetov (Approximate program of the subject “Foreign language” for the non-linguistic specializations and faculties). *Nauchno-metodichesky sovet po inostrannym yazykam Minobrnauki Rossii* (Scientific-methodological council for foreign languages of the Ministry of education Russia). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/ppd/20110329000911.pdf> (19 January 2017) (in Russian).
3. Smokotin V. M. Osnovnye instrumenty politiki mnogoyazychiya i polikulturnosti v evrope: obshchie evropeyskie yazykovye kompetentsii i yazykovoy portfel [The basic instruments of policy of multilingualism and multiculturalism in Europe: common European language competences and language portfolio]. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya, Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Sciences], 2010, no. 337, pp. 72–77 (in Russian).
4. Harari M. *Internationalizing Education*. Long Beach, Ca., 1972. 157 p.
5. Jong de H. & Teekens H. The case of the university of twente: Internationalisation as education policy. *Journal of Studies in International Education*, 2003, vol. 7, no. 1, pp. 41–51.
6. Ababkova M. Yu. Ponyatie “globalizatsiya obrazovaniya”, “internatsionalizatsiya obrazovaniya”, “mezhdunarodnoe obrazovanie”: obshchee i razlichnoe [The definition “Globalization of the education”, “Internationalization of the education”, “International education”: common and different]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsialnaya sfera, tekhnologii* [The theory and praxis of the service: economics, social sphere, technologies], 2011, no. 7, pp. 46–51 (in Russian).
7. Prokhorov A. V. Internatsionalizatsiya kak vedushchaya tsennost akademicheskogo soobshchestva [Internationalization as a main value of the academic society]. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social economical things and processes], 2012, no. 3 (37), pp. 157–161 (in Russian).

Cite this article as:

Illner A.O., Savelyeva N. Kh. Realization of the Concept of the Plurilinguism in Russian Higher School. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 224–227. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-224-227.

УДК 37.015.3-053.5

КОМПОНЕНТЫ, КРИТЕРИИ И УРОВНИ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Н. Ю. Курчатова

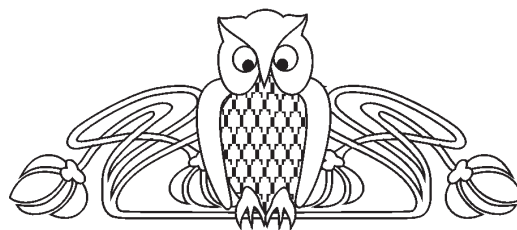
Курчатова Наталия Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikurchatova@yandex.ru

Статья посвящена описанию компонентов, критериев и уровней речемыслительной деятельности старших школьников, определено, что понимается под этими понятиями. В определении критериев активности был сделан акцент на компонентном составе речемыслительной деятельности в процессе активизации. Обобщенный фактический материал позволил выделить и описать эти компоненты – мотивационный, содержательный и процессуально-творческий. Названия, присвоенные каждому из них, были обоснованы пониманием сущности и структуры речемыслительной деятельности: она всегда имеет мотивацию, представляет собой процесс, в котором личность проявляет себя, и направлена на достижение результата. Внутри каждого компонента были определены критерии, по которым их можно оценить. На основании компонентов и критериев были выделены уровни активизации речемыслительной деятельности: непродуктивный, частично-продуктивный и творческий – и описаны их показатели. Уровни и показатели позволяют оценить, изменяется ли речемыслительная деятельность старших школьников или находится в периоде стагнации во время формирующего эксперимента под воздействием определенных педагогических условий. С помощью компонентов, критериев и уровней речемыслительной деятельности можно оценить эффективность действий педагога, применяемых им методов, средств, приемов, форм или создаваемых педагогических условий, которые направлены на улучшение этой деятельности. Необходимость активизации речемыслительной деятельности обоснована требованиями современного общества и образования к будущему абитуриенту и работнику.

Ключевые слова: компоненты, критерии, показатели, уровни, активизация речемыслительной деятельности, старшие школьники.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-228-234

К числу наиболее важных и сложных проблем теоретического исследования относится разработка уровней речемыслительной деятельности и, в первую очередь, определения критериев изучаемого педагогического явления. В процессе научного исследования мы не обнаружили работ, описывающих критерии и показатели речемыслительной деятельности старших школьников, следовательно, для данной работы необходимо было разработать свою систему критериев оценки исследуемого процесса.

В теории и практике педагогического образования существуют общие требования к выделению и обоснованию *критериев* и уровней, которые сводятся к тому, что первые должны отражать основные закономерности какого-либо процесса, в нашем случае – закономерности активизации речемыслительной деятельности в специально созданных педагогических условиях. Объективной основой критериев являются практические дела и поступки людей. Субъективную сторону критериев составляют мотивы этих поступков, в которых раскрывается, как правило, социальный опыт личности (Д. Б. Богоявленская, В. М. Вергасов, А. И. Крупнов, А. М. Матюшкин, В. Д. Небылицин, Э. С. Чугунова) [1–6]. Исходя из этого мы предположили, что объективную сторону критериев эффективности активизации речемыслительной деятельности старших школьников составят конкретные результаты обучения, способы и скорость их достижения, а субъективной станут цели, мотивы их достижения. При этом общим для определения критериев должно быть то, что каждый из них будет высшим уровнем изучаемого явления, послужит идеальным образцом, при сравнении с которым можно будет установить положение реальных явлений и соответствие их идеалу.

На основании теоретического исследования вопроса измерения силы активизации речемыслительной деятельности старших школьников мы сделали существенный для нашего исследования вывод: каждый частный критерий изучаемого нами процесса должен быть развернут, т. е. включать в себя более мелкие единицы измерения – показатели. Показатель, являясь компонентом критерия, в свою очередь, служит типичным и конкретным проявлением одной из существенных сторон данного качества процесса, по которому можно судить о наличии этого качества.

За основу построения критериев и выделения уровней активности речемыслительной деятельности мы взяли творческую «свободную» активность как высшее проявление активизации речемыслительной деятельности, проявляющуюся в содержательности всех видов речи, изменении мотивации. Мы учли также, что для каждого

учащегося характерны определенный уровень подготовленности к активизации речемыслительной деятельности и свой темп изменения активности. Поэтому для оценки этого процесса были использованы не только качественные (изменение уровня активности или уровня одного из критериев), но и количественные характеристики. С целью уточнения содержания критериев и их показателей нами проводились беседы, интервью с учителями и учащимися, их тестирование, осуществлялись наблюдение за изменением результатов на уроках и вне их, анализ письменных работ, выполняемых по заданию преподавателя и самостоятельно, по собственному желанию. Об изменении уровня активности речемыслительной деятельности мы предполагали судить по систематичности проявления того или иного показателя, по частоте действий, по изменению содержания.

Определяя критерии активности, мы опирались на компонентный состав речемыслительной деятельности в процессе активизации. Обобщенный фактический материал позволил нам выделить и описать следующие *компоненты* речемыслительной деятельности старших школьников: мотивационный, содержательный и процессуально-творческий. Названия, присвоенные каждому компоненту, мы определили, опираясь на понимание сущности и структуры речемыслительной деятельности – она всегда имеет мотивацию, представляет собой процесс, в котором личность каким-то образом проявляет себя, и направлена на достижение определенного результата. Внутри каждого компонента мы определили критерии, по которым каждый из компонентов можно оценивать.

Мотивационный компонент представляет мотивацию старших школьников в процессе активизации речемыслительной деятельности. В качестве критериев мотивационного компонента выступают желание обучаемых изучать данные предметы, узнавать новое, выполнять работы, присутствовать на уроке, стремление общаться, проявлять активность. Долгосрочная мотивация (профессиональная) заключается в интересе стать конкурентноспособной, умеющей хорошо владеть своей речью личностью, готовой занять достойное место во взрослой жизни, поступить в вуз. Краткосрочная мотивация заключается в желаниях старших школьников успешно сдать выпускной экзамен, избежать наказания, их стремлении получить похвалу и т. д.

Содержательный компонент, имеющий в качестве критериев правильность, логичность и точность речи, использование средств художественной выразительности, разнообразные фор-

мы выполняемых работ, их содержание, объем, позволяет оценить содержание речемыслительной деятельности старших школьников. Важным показателем этого компонента является уровень владения речью, в том числе умение учащихся построить грамотный и основательный ответ на предложенное задание (устное и письменное).

Критериями процессуально-творческого компонента будут стремление к продолжению, разнообразие действий в осуществлении речемыслительной деятельности, интенсивность их выполнения в процессе этой деятельности и других ее видах, таких как желание заниматься дополнительно учебными предметами (в нашем случае – русским языком и литературой), сдавать экзамены в устной форме или в виде сочинений, активность на уроке (желание высказаться, поднятая рука), а в качестве творческих критериев – желание выполнять и создавать творческие, нестандартные работы, участвовать в олимпиадах, вечерах, конференциях. Эти критерии позволяют оценить действия учащихся старших классов, направленные на изменение речемыслительной деятельности. Также данный компонент определяет сформированность стремления к целям и их достижение, самостоятельный перенос знаний и умений в новую ситуацию, нахождение новых проблем в знакомых условиях, новых возможностей функции знакомого объекта, структуры объекта, подлежащего изучению.

Каждый выделенный нами компонент в своем составе имеет несколько критериев, а каждый критерий – три показателя владения им старших школьников (высокий, средний и низкий). Компонент считается сформированным, если он обладает высокими показателями. Например, мотивационный компонент обладает высокими показателями, если личность испытывает устойчивую заинтересованность в изучении русского языка и литературы, сила желания проверить себя на уроке велика и постоянна; старший школьник получает искреннее удовольствие от участия в уроках, он постоянно выполняет разнообразные творческие работы, получает положительные эмоции, которые демонстрирует как во время учебного процесса, так и вне его. Имеющий высокие показатели этого компонента школьник постоянно самостоятельно осуществляет речемыслительную деятельность, например, регулярно пишет стихи или прозу или же остается после урока, чтобы обсудить волнующую его тему, ищет дополнительные материалы и выступает с ними по собственной инициативе, с удовольствием и постоянно участвует в литературных гостиных,

поэтических праздниках и т. д. При высоких показателях этого компонента старший школьник обладает желанием и потребностью много и разнообразно читать.

Мотивационный компонент имеет средние показатели критериев, если старший школьник испытывает неустойчивый интерес к русскому языку и литературе, сила желания проверить себя на уроке непостоянна и зависит от того, насколько понята и усвоена тема, от настроения, уверенности или неуверенности в своих действиях. Он нерегулярно выполняет предлагаемые творческие работы, неустойчив в эмоциях, которые демонстрирует во время учебного процесса и вне его, не имеет особого желания продемонстрировать свое творчество, не проявляет инициативы в поиске дополнительного материала и, если использует его, то только тот, который ему уже известен. Учащийся, имеющий средние показатели мотивационного компонента, хочет изучать предметы в пределах курса. При этом старший школьник не испытывает негативных реакций при самостоятельной работе и готов работать без помощи взрослого. Такой обучающийся нуждается в периодическом стимулировании со стороны преподавателя наводящими или контролирующими вопросами либо поощрительно-порицательными замечаниями. Подобная стимуляция, как правило, не вызывает негативных реакций, а лишь ускоряет и делает более эффективным конкретный процесс.

Мотивационный компонент обладает низкими показателями (не сформирован), если личность не испытывает интереса к русскому языку и литературе, сила желания проверить себя на уроке отсутствует. Старший школьник получает чаще отрицательные эмоции от участия в уроках, что связано с неудовлетворительными оценками, непониманием производимых на уроках действий. Он демонстрирует в этом случае неустойчивые или негативные эмоции, самостоятельно практически не осуществляет речемыслительную деятельность; его раздражают и повергают в тяжелое настроение предложения проявить себя, заняться творческой работой, письменные работы и сочинения часто имеют признаки плагиата. Он не задерживается после урока, невзирая на просьбу педагога, может отказаться от участия или в последний момент подвести команду, группу, класс. Старший школьник, имеющий низкие показатели мотивационного компонента, нуждается в постоянном контроле и стимулировании со стороны преподавателя.

Содержательный компонент сформирован и обладает высокими показателями критериев, если учащийся демонстрирует грамотный и

профессиональный уровень владения устной и письменной речью, количество грамматических, речевых, орфографических, логических ошибок в устных и письменных работах минимально или равняется нулю, словарный состав богат и при небольшой стимуляции со стороны учителя учащимся создается текст, изобилующий эпитетами и другими средствами художественной выразительности. Высокий уровень показателей демонстрируется им в превосходящем норму или соответствующем ей объеме текста, в длительном, полном, логическом ответе (письменном или устном), в высокой («четыре», «пять») среднегодовой оценке по русскому языку и литературе, а также высоком балле за ЕГЭ по русскому языку, в том числе за сочинительную его часть. Письменные и устные работы учащихся, находящихся на этом уровне, отличаются оригинальностью, нестандартностью мышления. Процесс коммуникации у старшеклассников с высокими показателями содержательного компонента проходит легко и непринужденно не только на уроках и в пределах изучаемого материала, но и в учебное время.

Содержательный компонент частично сформирован и обладает средними показателями критериев, если учащийся демонстрирует удовлетворительный уровень владения устной и письменной речью, количество грамматических, речевых, орфографических, логических ошибок в устных и письменных работах соответствует положительной оценке, учащийся исправляет допущенные промахи при указании на них, словарный состав у него средний, ему необходимо достаточно длительное время для создания текста (устного или письменного), зачастую он, начав говорить, сбивается. Речь его не имеет достаточного количества средств художественной выразительности, поэтому объем текста соответствует норме или ниже нее, ответы – небольшие, содержат неточные формулировки, часто обрывочны. Среднегодовая оценка по русскому языку и литературе между «тройкой» и «четверкой», балл за ЕГЭ равен среднему результату (оценка 4), за сочинительную часть данного экзамена получает между 9 и 15 баллами.

Содержательный компонент не сформирован, если обладает низкими показателями, т. е. учащийся демонстрирует неудовлетворительный уровень владения устной и письменной речью, количество грамматических, речевых, орфографических, логических ошибок в устных и письменных работах превышает норму положительной оценки или очень велико. Учащийся не может исправить самостоятельно допущенные ошибки при указании на них учителем, словарный состав у него маленький, речь развита плохо,

ему необходимо длительное время для создания текста (устного или письменного), зачастую он отказывается от предлагаемого вида речемыслительной деятельности, от ответа. В речи такой старший школьник не использует средств художественной выразительности, поэтому объем текста не соответствует норме и обычно ниже ее, ответы представляют собой 2–3 слова, 1–2 предложения, нелогичны и часто неправильно сформулированы. Среднегодовая оценка по русскому языку и литературе между «единицей» и «тройкой», балл за ЕГЭ равен низшему результату («двойка» или «тройка»), за сочинительную часть данного экзамена получает ниже 9 баллов. Эти старшие школьники характеризуются незнанием содержания литературных текстов, воспроизводят на уроке и в письменных работах лишь то, что удалось понять с первого раза. Сочинения таких учащихся по объему малы, содержание не отличается оригинальностью, работы часто переписываются из сборников сочинений, не включают творческую составляющую. В речи старшекласники смешивают стили речи, часто употребляют «обедненный» разговорный стиль.

Процессуально-творческий компонент мы определяем как сформированный, если он имеет высокий уровень всех показателей: у учащегося наличествует высокий уровень самоконтроля в процессе речемыслительной деятельности, он проявляет постоянное стремление к продолжению данного вида деятельности, скорость выполнения работ высока, степень активности на уроках велика, что выражается в часто поднятой руке и при каждом поднятии правильном ответе. Показатели высокого уровня – это разнообразие действий в осуществлении речемыслительной и других видах деятельности, интенсивность выполнения действий (активность на уроке), а в качестве творческих показателей – желание выполнять и создавать творческие, нестандартные работы, участвовать в олимпиадах, вечерах, конференциях, конкурсах. Высоким показателем является стремление старшего школьника к целям и их достижение, самостоятельный перенос знаний и умений в новую ситуацию, а также нахождение новых проблем в знакомых условиях, новых возможностей функции знакомого объекта, структуры объекта, подлежащего изучению. Высоким показателем здесь является умение старших школьников видеть альтернативные решения и подходы к поиску, умение комбинировать ранее известные способы решений проблем для конструирования нового способа и создавать оригинальный способ, когда известны другие.

Учащиеся с высокими показателями процессуально-творческого компонента способны

быстро и без потери активности переключаться с одного вида речемыслительной деятельности на другой, умеют самостоятельно анализировать, обобщать, делать умозаключения, формулировать вопросы, выполнять задания в отведенное время и до его окончания, корректировать, изменять продукты своей речемыслительной деятельности, стремясь достичь более высокого уровня выполнения работы. Эти старшие школьники отличаются высокой продуктивностью, равной 100% и выше от запланированного объема, т. е. помимо необходимых заданий, выполняемых в хорошем темпе и без ошибок, они самостоятельно выполняют творческие речемыслительные действия, например, создают оригинальные тексты. Их характерное поведение – активность и заинтересованность всегда, даже на других уроках, где они проявляют вышеперечисленные качества речемыслительной деятельности, – доказательность, логичность и т. п. Во внеклассных мероприятиях, в общешкольных праздниках, событиях они выступают как креативные лидеры, способные за несколько минут придумать и написать целый сценарий, сюжет, программу: делают это они самостоятельно и быстро.

Процессуально-творческий компонент частично сформирован, если имеет средний уровень всех показателей, например, есть самоконтроль в процессе речемыслительной деятельности. Изучение черновых работ таких учащихся помогает понять, что при нахождении ошибки они исправляют ее, правда, неохотно, но при сконцентрированности достигают значительных результатов. То же самое происходит, если на ошибку указывает учитель. Учащийся, демонстрирующий средние показатели, проявляет нерегулярное стремление к продолжению речемыслительной деятельности, скорость выполнения письменных работ невысока; старшему школьнику требуется довольно большой промежуток времени, чтобы собраться, настроиться на работу. Степень активности на уроках невелика, он редко поднимает руку и неуверенно отвечает.

Процессуально-творческий компонент мы считаем несформированным, если он имеет низкие показатели: у учащегося отсутствует самоконтроль в процессе речемыслительной деятельности, он не проявляет стремления к продолжению данного вида деятельности, скорость выполнения работ низка, он не активен на уроке, руку практически не поднимает, часто отвлекается, занят посторонними делами или погружен в собственные размышления, далекие от учебного процесса. Низкие показатели процессуально-творческого компонента – это однообразие действий в осуществлении рече-

мыслительной и других видах деятельности, пассивность, нежелание выполнять и создавать творческие, нестандартные работы, негативное отношение к участию в олимпиадах, вечерах, конференциях, конкурсах. Старший школьник с низкими показателями данного компонента не может осуществить перенос знаний и умений в новую ситуацию даже при постоянной помощи учителя, его пугают и вызывают неприятные эмоции новые проблемы в знакомых условиях. Такие дети не видят альтернативных решений, не умеют комбинировать ранее известные способы решения проблем для конструирования нового и создавать оригинальный способ, когда известны другие.

Для теоретической обоснованности *уровней* активности речемыслительной деятельности старших школьников мы опирались на работы Д. Б. Богоявленской, А. М. Матюшкина, Я. А. Пономарева, О. К. Тихомирова [1, 4, 7, 8]. Основываясь на этих исследованиях, мы выявили следующие уровни активности речемыслительной деятельности старших школьников: непродуктивный, частично продуктивный и творческий. Суммарное значение всех низких показателей выполнения тестов и заданий определяет стартовую границу непродуктивного уровня активности речемыслительной деятельности старших школьников, а суммарное значение высоких значений всех показателей, соответственно, определит верхнюю границу творческого уровня активности речемыслительной деятельности старшего школьника. Последовательно проанализируем и опишем определенные нами уровни активности речемыслительной деятельности старших школьников.

Непродуктивный уровень характеризуют низкие показатели мотивационного, содержательного и продуктивно-творческого компонентов или одна треть средних и две трети низких показателей. Такие старшеклассники пассивно относятся к изучению русского языка и литературы, у них не выражен или слабо выражен интерес, в первую очередь, к речемыслительной деятельности. Этот уровень проявляется в постоянно стимулируемом и поощряемом преподавателем участии в речемыслительной деятельности имитационно-репродуктивного типа. Оценивая речемыслительные действия старшеклассников, находящихся на этом уровне, мы можем говорить о неясно выраженной и слабой мотивации достижений, означающей, что регулируют их активность эмоции. На этом уровне отмечается способность учащихся имитировать преподавателя или репродуцировать модели (образцы) речемыслительных действий в процессе чтения,

письма, говорения простых, а затем сложных высказываний, текстов. У старшеклассников на этом уровне наблюдается слабая способность к формированию вопросов по изучаемому материалу, текстам, слабая мотивация самоконтроля и самокорректировки, нежелание переносить имеющиеся речемыслительные навыки в другую ситуацию в пределах курса; это проявляется и в неумении самостоятельно видоизменять предложенную модель. Время выполнения речемыслительных задач не контролируется и нерационально используется учащимися и сокращается в основном за счет тренинга и автоматизации речемыслительных навыков.

Частично продуктивному уровню свойственны средние показатели мотивационного, содержательного и продуктивно-творческого компонентов или разноуровневые показатели, дающие средний результат активности речемыслительной деятельности. Частично продуктивный уровень характеризуется выраженным интересом старших школьников к речемыслительной деятельности на уроке и осознанием необходимости для себя изучать язык и литературу. Эта потребность реализуется благодаря достаточно активному, но периодически стимулируемому преподавателем участию обучаемых в учебной речемыслительной деятельности через стремление совершенствовать умения и навыки. Учащихся этого уровня можно охарактеризовать как мотивированных на речемыслительную деятельность с динамикой от мотива достижения к познавательному. У учащихся отмечается прогрессирующая способность к переносу речемыслительных навыков в другую ситуацию в пределах изучаемого курса, что проявляется, например, в построении плана, резюме текста, устном или письменном продуцировании вопросов по теме по имеющемуся алгоритму, в самостоятельности при выполнении устных и письменных заданий с частичной подсказкой, а также в способности к построению умозаключений с индивидуально дозированной помощью со стороны преподавателя или сильного ученика.

Творческий уровень активизации речемыслительной деятельности старших школьников характеризуется их «надситуативным» интересом к речемыслительной деятельности на уроке (в нашем случае – русского языка и литературы), внутренней потребностью изучать этот и другие учебные предметы, интересом к ним как к способу проявить свои творческие склонности. Этот интерес проявляется в активном участии в учебной речемыслительной деятельности, требующей не стимулирования, а направления или консультирования со стороны

преподавателя, в предпочтении выполнять речемыслительные задачи творческого характера, в личностной инициативе при их выполнении. Мы можем охарактеризовать этот уровень как доминанту познавательной самомотивации. На нем проявляется ярко выраженная способность учащихся к теоретическим обобщениям, свободное применение приобретенных речемыслительных навыков и умений в различных учебных ситуациях в пределах изучаемого курса и вне его рамок, способность к самоконтролю и самокорректировке, прежде всего, в эффективной коммуникации, формулировании вопросов и ответов на них, построение монологических высказываний – умозаключений по прочитанной или услышанной информации, создании оригинальных творческих работ, текстов. Мы назвали этот уровень высоким, так как творческая или креативная активность выражается в самостоятельной работе по собственной инициативе, когда субъект деятельности, старший школьник, самостоятельно определяет содержание работы, ее цель, планирование и исполнение. Мы же в условиях предвузовского профессионального образования, по существу, лишь формируем предпосылки его самостоятельной творческой деятельности (способности, установки, направленность) на родном языке. Таким образом,

определив компоненты, критерии и уровни активизации речемыслительной деятельности, мы можем оценивать различные действия педагога или условия, которые направлены в сторону ее изменения.

Список литературы

1. *Богоявленская Д. Б.* Метод исследований уровней интеллектуальной активности // *Вопр. психологии.* 1971. № 1. С. 144–146.
2. *Вергасов В. М.* Активизация мыслительной деятельности студентов в высшей школе. Киев, 1985. 174 с.
3. *Крупнов А. И.* Системно-диспозиционный подход к изучению личности и ее свойств // *Вестник РУДН.* Серия: Психология и педагогика. 2006. № 1 (3). С. 63–74.
4. *Матюшкин А. М.* Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности // *Вопр. психологии.* 1982. № 4. С. 5–17.
5. *Небылицин В. Д.* Основные свойства нервной системы человека. М., 1966. 382 с.
6. *Чугунова Э. С.* Социально-психологические особенности творческой активности инженеров. Л., 1986. 160 с.
7. *Пономарев Я. А.* Знание, мышление и умственное развитие. М., 1967. 264 с.
8. *Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969. 303 с.

Образец для цитирования:

Курчатова Н. Ю. Компоненты, критерии и уровни речемыслительной деятельности старших школьников // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика.* 2018. Т. 18, вып. 2. С. 228–234. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-228-234.

Components, Criteria and Levels of Speech-Thinking Activity of Senior Pupils

N. Y. Kurchatova

Nataliya Yu. Kurchatova, Saratov State University, 83, Astrakhan-skaya Str., Saratov, 410002, Russia, nukurchatova@yandex.ru

The article is devoted to the description of components, criteria and levels of speech activity of senior pupils, defined, what is meant by the concepts of «component», «criterion», «indicator». The definition of activity criteria focused on the component composition of speech activity in the revitalization process. The generalized factual material made it possible to identify and describe the following components of the speech activity of senior pupils: motivational, informative and procedural-creative. The names assigned to each component were determined based on the understanding of the nature and structure of speech activity – it always has motivation, is a process in which the person somehow manifests itself, and is aimed at achieving a certain result. Within each component, the criteria by which each component can be evaluated have been identified. On the basis of the selected components and criteria, the levels of intensification of

speech-making were identified: unproductive, partially productive and creative, and the indicators of each of the defined levels are described. The described levels and indicators allow to estimate, whether the speech activity of the senior schoolboys changes or is in the period of stagnation during the forming experiment under the influence of certain pedagogical conditions. It is concluded that with the help of certain components, criteria and levels of speech-making activity described in the work, it is possible to evaluate the effectiveness of the teacher's actions, methods, techniques, forms, or created pedagogical conditions that are aimed at changing, that is, improving the speech-making activities of high school students. The necessity of activation of speech-making activity is proved by the requirements of modern society and education to the future entrant and employee. **Key words:** components, criteria, indicators, levels, activation of speech-thinking activity, older students.

References

1. Bogoyavlenskaya D. B. Metod issledovaniy urovney intellektualnoy aktivnosti [Research method of intellectual activity levels]. *Voprosy psichologii* [Voprosy Psychologii], 1971, no. 1, pp. 144–146 (in Russian).

2. Vergasov V. M. *Aktivizatsiya myslitseyonoy deyatel'nosti studentov v vysshey shcole* [Activation of students' cogitative activity at the high school]. Kiev, 1985. 174 p. (in Russian).
3. Krupnov A. I. Sistsemno-dispozitsionny podkhod k izucheniyu lichnosti i ee svoystv [The system-dispositional approach to the study of personality and its properties]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i Pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics], 2006, no. 1 (3), pp. 63–74 (in Russian).
4. Matyushkin A. M. Psikhologicheskaya struktura, dinamika i razvitiye poznavatel'noy aktivnosti [Psychological structure, dynamics and development of informative activity]. *Voprosy psichologii* [Voprosy Psichologii], 1982, no. 4, pp. 5–17 (in Russian).
5. Nebylitsin V. D. *Osnovnye svoystva nervnoy sistemy cheloveka* [Main properties of a human nervous system]. Moscow, 1966. 382 p. (in Russian).
6. Chugunova E. S. *Sotsialno-psihologicheskie osobennosti tvorcheskoy aktivnosti inzhenerov* [Social and psychological features of engineers' creative activity]. Leningrad, 1986. 160 p. (in Russian).
7. Ponomarev Ya. A. *Znanie, myshlenie i umstvennoe razvitsie* [Knowledge, thinking and intellectual development]. Moscow, 1967. 264 p. (in Russian).
8. Tikhomirov O. K. *Struktura myslitseyonoy deyatel'nosti cheloveka* [Human cogitative activity structure]. Moscow, 1969. 303 p. (in Russian).

Cite this article as:

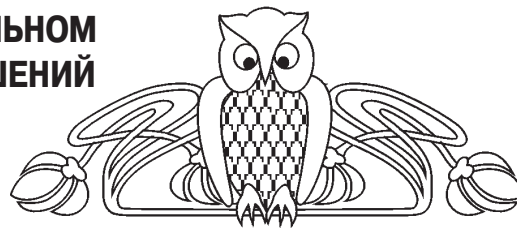
Kurchatova N. Y. Components, Criteria and Levels of Speech-Thinking Activity of Senior Pupils. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 228–234. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-228-234.

УДК 796.08

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИДЕРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ КОЛЛЕКТИВЕ В ПРОЦЕССЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СПОРТИВНОЙ КОМАНДЕ

А. В. Тимушкин, А. М. Кузьмин

Тимушкин Александр Владимирович, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета физической культуры и безопасности жизнедеятельности, Балашовский институт (филиал), Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, timushkin-box@rambler.ru

Кузьмин Алексей Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры, Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова, amkuzmin62@mail.ru

В статье показаны возможность и необходимость определения лидера в коллективе или группе, организованной для решения профессиональных задач. Определены пути расширения практики взаимодействия обучающихся, включенных в совместную взаимно координированную деятельность, в условиях реального учебно-тренировочного процесса сборной команды института по баскетболу. В результате специально организованных экспериментальных исследований с участием баскетболистов показано решение проблемы определения и воспитания у студентов лидерских качеств в процессе занятий игровыми видами спорта. Предложена методика диагностического исследования, основанная на психологическом тестировании, позволяющем в условиях реального учебно-тренировочного процесса баскетболистов определить лидера спортивной команды. Метод психолого-педагогического тестирования включает социометрию, методику «Q-сортировка» (В. Стефансона) и тест «Готовность к риску» (А. М. Шуберта). В ходе исследования были изучены представления испытуемых о себе и проведен анализ шести наиболее часто встречающихся тенденций поведения спортсменов (зависимость, независимость, общительность, необщительность, принятие «борьбы», избегание «борьбы»). Приобретение студентами опыта своевременного выявления лидера в спортивной команде, обладающего для этого необходимыми лидерскими и психологическими качествами, позволит существенно углубить качественную профессиональную подготовку бакалавров в системе высшего образования.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, спортивная команда, лидерские качества, психологическое тестирование, социометрия.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-235-238

В процессе реализации компетентностного подхода в системе образования перед высшей школой ставится задача расширения практики взаимодействия обучающихся, развития способности к конструктивной работе в группе, включения их в совместную взаимно координированную

деятельность, которая способствует формированию у них навыков активного диалога с коллегами при сохранении собственной позиции. Важным аспектом в решении этой проблемы является определение лидера в коллективе или группе, организованной для решения профессиональных задач. Вместе с тем проблема межличностного взаимодействия и лидерства в условиях профессиональной подготовки остается открытой для научно-практического изучения. В частности, с научно-теоретических позиций недостаточно изучены возможности спортивной деятельности, способствующие определению и воспитанию у студентов лидерских качеств в процессе занятий игровыми видами спорта, отсутствует адекватное технологическое подкрепление этого процесса, что в значительной степени сказывается на качестве подготовки будущих специалистов.

Спортивная команда представляет собой коллектив, в котором между командой и тренером складываются определенные отношения. Важной задачей педагога, тренера является создание оптимального психологического микроклимата в спортивной команде, что будет способствовать успешному взаимодействию спортсменов на площадке, поле. На взаимоотношение между членами спортивной команды оказывают влияние субъективные и объективные факторы, одним из которых является социально-психологический феномен лидерства.

Лидерство в коллективе является элементом управления деятельностью, общением и организацией членов малой группы или коллектива, осуществляемого лидером как субъектом межличностных отношений. Человек, наделенный лидерскими качествами, талантом управления и творческим мышлением, может способствовать выходу из опасного положения, в то время как упрямый или неуравновешенный человек в состоянии поставить в невыгодное положение всю команду. Лидер, обладающий необходимыми организаторскими способностями, в системе межличностных взаимоотношений, как правило, занимает среди членов группы центральное положение, способствуя лучшей организации и эффективному управлению группой, достижению целей путем, оптимальным для ее членов.

Лидером является человек, который может влиять на других, способный организовать и повести за собой коллектив, помочь выйти из сложной ситуации, взять на себя ответственность за решение. Таких людей делят на две группы: формальные лидеры (выбранные или назначенные для общего руководства) и неформальные (пользующиеся среди большинства окружающих авторитетом). Кроме того, в группах могут быть и полуформальные лидеры. Они не назначаются сверху, а выбираются для руководства большинством голосов членами самой группы. Такой спортсмен, как правило, спонтанно выдвигается на роль неофициального лидера в условиях какой-либо сложной ситуации для того, чтобы организовать и повести за собой коллектив для успешного достижения цели.

Помимо лидеров в иерархическую структуру спортивной команды входят люди, занимающие

низкий статус, – аутсайдеры. Для них свойственны такие качества, как пренебрежение советами и помощью товарищей, склонность к агрессии, независимость.

Цель проведенного нами исследования заключалась в выявлении особенностей и возможностей проявления лидерских качеств в спортивной команде. В исследовании принимали участие 11 баскетболистов первого и второго разрядов в возрасте от 16 до 23 лет, имеющих спортивный стаж от 2 до 8 лет. Для реализации целевой установки исследования применялся метод тестирования, включающий социометрию, методику «Q-сортировка» [1] и тест «Готовность к риску» [2]. В ходе исследования были изучены представления испытуемых о себе и проведен анализ шести тенденций поведения (зависимость, независимость, общительность, необщительность, принятие «борьбы», избегание «борьбы») (табл. 1).

Таблица 1

Суммарные баллы теста «Q-сортировка», характеризующие лидерские качества спортсменов

Суммарный балл тенденций поведения	Баскетболисты										
	П.К.	С.Б.	А.М.	М.Б.	С.Х.	Д.Б.	Р.К.	А.И.	А.Г.	А.Р.	А.Л.
	27	29	30	26	24	22	24	30	40	27	34

Для определения положения испытуемых в системе межличностных отношений социометрическое тестирование проводилось по трем критериям: Если вашу группу будут расформировывать, с кем бы ты хотел продолжить совместно работать в новом коллективе? Кого бы ты из группы пригласил на свой день рождения? И с кем из коллектива ты пошел бы в многодневный туристический поход? Анализ полученных данных показал, что А.Г. имеет более выраженную

склонность к проявлению лидерских качеств в коллективе, чем остальные ее члены. Достаточно высокие показатели проявления лидерских качеств наблюдались также у А.М., А.И., А.Л.

Данные социометрии позволили определить степень сплоченности и разобщенности в коллективе, а также выявить относительно авторитетных членов группы по признакам симпатии – антипатии (лидеры, звезды, отвергнутые) (табл. 2).

Таблица 2

Социометрический статус спортсменов

Спортсмены	Статус		
	Первый критерий	Второй критерий	Третий критерий
П.К.	Звезда	Звезда	Предпочитаемые
С.Б.	Принятые	Принятые	Предпочитаемые
А.М.	Принятые	Принятые	Предпочитаемые
М.Б.	Предпочитаемые	Предпочитаемые	Предпочитаемые
С.Х.	Предпочитаемые	Предпочитаемые	Предпочитаемые
Д.Б.	Принятые	Изолированные	Предпочитаемые
Р.К.	Принятые	Принятые	Принятые
А.И.	Предпочитаемые	Принятые	Предпочитаемые
А.Г.	Принятые	Принятые	Принятые
А.Р.	Принятые	Принятые	Предпочитаемые
А.Л.	Звезда	Звезда	Звезда

Анализ данных первого критерия показал, что статус «звезды» получили спортсмены П.К. и А.Л., что основано на их общительности, дружелюбии, хорошей технико-тактической и физической подготовленности. Эти спортсмены всегда могут оказать помощь менее подготовленным игрокам, делятся опытом, никогда не создают конфликтных ситуаций, что позволяет наделить их статусом делового лидера. Они же получили статус «звезды» и по второму критерию, что свидетельствует о высокой степени доверия всех членов команды по отношению к ним. Этим спортсменам обоснованно можно отнести к эмоциональным лидерам, способным создать дружескую атмосферу, обеспечить в коллективе эмоциональную поддержку и взаимовыручку.

Анализ результатов исследования третьего критерия позволяет охарактеризовать группу как сплоченную, в которой все спортсмены могут положиться друг на друга. Наделение статусом «звезды» одного члена команды (А.Л.) свидетельствует, что именно он способен поддерживать целевую установку на победный результат в условиях высокого психического напряжения, сопутствующего соревновательной деятельности.

Результаты исследования позволяют утверждать, что лидирующее положение по отношению к остальным членам группы занимают спортсмены А.Л. и П.К. Они являются как эмоциональными, так и инструментальными (деловыми) лидерами. Наличие двух лидеров в команде баскетболистов

связано со спецификой данного вида спорта, где спортсмены конкурируют за место в основном составе и ведущую роль в команде. В данном случае острого соперничества нет, так как лидеры выполняют разные амплуа в команде. Спортсмен П.К. является связующим игроком, управляющим всем процессом игры, а А.Л. – нападающий, силовая поддержка и опора. Благодаря этому оба лидера прекрасно взаимодействуют внутри команды. Сталкиваясь с подобными ситуациями в своей работе, тренер должен учитывать дифференциацию лидерских ролей.

Чем больше игроков будут нацелены на успешное решение задачи, тем больше возможностей у команды добиться успеха. Совместно достигнутый успех будет не только способствовать повышению сплоченности коллектива, но и усилит социальное взаимодействие членов команды. Тренеру, знающему признанных эмоциональных лидеров, можно возлагать на них задачи по профилактике и предупреждению межличностных конфликтов, помощь в организации досуга и проведении общественных мероприятий.

Лидер в команде во многом определяется способностью брать на себя ответственность за принятие решений. С помощью теста «Готовность к риску» нами определена степень готовности спортсменов совершать действия, которые могут способствовать выходу из трудной ситуации или, наоборот, привести к безвыходному положению (табл. 3).

Таблица 3

Результаты теста «Готовность к риску»

Спортсмены	Баллы	Результаты
П.К.	1	Среднее значение осторожности
С.Б.	-22	Слишком осторожен
А.М.	13	Склонен к риску
М.Б.	6	Среднее значение осторожности
С.Х.	7	Среднее значение осторожности
Д.Б.	0	Среднее значение осторожности
Р.К.	-2	Среднее значение осторожности
А.И.	11	Склонен к риску
А.Г.	-28	Слишком осторожен
А.Р.	-2	Среднее значение осторожности
А.Л.	16	Склонен к риску

Анализ полученных данных показал, что спортсмены А.М., А.И. и А.Л. имеют достаточно высокую готовность к риску в сочетании с низкой мотивацией к избеганию неудач (защитой). Соотнесение полученных данных с результатами

педагогического наблюдения в процессе тренировочной и соревновательной деятельности свидетельствует о способности этих спортсменов рисковать в трудной игровой ситуации, что порой приводит к нежелательному результату.

У спортсменов, имеющих среднее значение осторожности, намного больше шансов привести команду к победе, так как не в каждой критической ситуации необходимо идти на риск, который может негативно отразиться на исходе борьбы. Наличие в команде шести человек, имеющих среднее значение осторожности, свидетельствует о возможности коллектива достойно вести борьбу независимо от факторов, способных вывести команду из равновесия. Присутствие в команде слишком осторожных спортсменов (С.Б., А.Г.), не способных достойно вести борьбу при отсутствии достаточной мотивации в достижении успеха, снижает групповой уровень притязаний перед соревнованиями и во время соревнований.

Таким образом, комплексные психологические исследования позволяют решить задачу

своевременного выявления лидера команды, обладающего для этого необходимыми психологическими качествами, и на этой основе успешно решать многочисленные педагогические задачи, возникающие в ходе учебно-тренировочной, соревновательной деятельности и в процессе профессиональной подготовки бакалавров в системе высшего образования.

Список литературы

1. Методика «Q-сортировка» (В. Стефансон) // Психологические тесты : в 2 т. / под ред. А. А. Карелина. М., 2001. Т. 2. С. 65–69.
2. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие. Самара, 2001. 672 с.

Образец для цитирования:

Тимушкин А. В., Кузьмин А. М. Определение лидера в профессиональном коллективе в процессе взаимоотношений в спортивной команде // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 235–238. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-235-238.

Defining Leader in a Professional Group in Course of Communication in a Sport Team

A. V. Timushkin, A. M. Kuzmin

Alexander V. Timushkin, Balashov Institute (Branch), Saratov State University, 29, Karl Marks Str., Balashov, 412300, Saratov Region, Russia, timushkin-box@rambler.ru

Alexey M. Kuzmin, Saratov State Vavilov Agrarian University, 1, Teatralnaya Sqr., Saratov, 410012, Russia, amkuzmin62@mail.ru

The paper addresses the possibility and necessity of defining the leader in a collective or group, organized to solve professional issues. It defines the ways of expanding the interaction practices of students engaged in co-operative mutually coordinated activity in a real-life training process of the university basketball team. The results of a specially organized experiment with a team of basketball players demonstrate the solution of a problem of defining and developing leadership skills in students via game-based sports. They offer a diagnostic study technique based on psychological testing that allows defining the leader of a sport team during the real-life

training process. The psychological and pedagogical tests used in the work include sociometry, «Q-sorting» (V. Stephenson), and «Risk Appetite» (A. M. Schubert). During the experiment, students' self-concepts were studied, and six behavior tendencies (dependence, independence, sociability, unsociability, acceptance of «fight», avoidance of «fight») were analyzed. By gaining the experience of timely defining the team leader with all necessary leadership and psychological qualities one makes it possible to improve the quality of professional education of bachelors in higher education institutions.

Key words: professional education, sport team, leadership skills, psychological testing, sociometry.

References

1. Metodika «Q-sortirovka» (V. Stefanson) [«Q-sorting» technique]. In: *Psikhologicheskie testy*: v 2 t. [Psychological tests: in 2 vol.]. Moscow, 2001, vol. 2, pp. 65–69 (in Russian).
2. Raygorodskiy D. Ya. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodika i testy* [Practical psychodiagnostics. Methods and tests]. Samara, 2001. 672 p. (in Russian).

Cite this article as:

Timushkin A. V., Kuzmin A. M. Defining Leader in a Professional Group in Course of Communication in a Sport Team. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 235–238. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-235-238.